

УРАЛЬСКИЙ
следопыт

ISSN 0134 - 241X

10 (760) октябрь, 2020

www.uralstalker.com

Выйти из карантина

ВЫНУЖДЕННАЯ ЗИМОВКА

ЦАРИЦА КАМНЕЙ

ПЕРНАТЫЕ КОЧЕВНИКИ

Октябрь 2020

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов –
Н.В. Дудко, Е.Ю. Базаров, Б.А. Долинго.

Консультант – Ю.А. Горбунов.

Литературный консультант –
В.Э. Абоян, А.А. Бочаров.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Корректор – Л.В. Ким.

Интернет – Е. Марков.

На обложке –

Ридею на гладкой воде. Фото Евгении Фирсовой.
Дистанция степлео. Фото Дмитрия Часовитина.

Редакция, издатель – АНО «Уральский следопыт».

Редакционный совет – Владислав Крапивин,

Сергей Казанцев, Геннадий Пашкевич,
Вадим Панов, Юрий Казарин, Дмитрий Байкалов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

• Асхаб Магомедович Асхабов.

Председатель отделения Русского географического общества в Республике Коми. Председатель Президиума Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, директор Института геологии, доктор геолого-минералогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук.

• Владимир Николаевич Большаков.

Свердловское отделение Русского географического общества, Доктор биологических наук, профессор, академик АН СССР с 1987 г., академик РАН с 1991 г., советник РАН. Институт экологии растений и животных УрО РАН.

• Сергей Вячеславович Левыкин.

Оренбургское региональное отделение Русского географического общества. Заведующий лабораторией агроэкологии и землестроительства Института степи Уральского отделения РАН. Профессор РАН, доктор географических наук.

• Сергей Геннадьевич Захаров.

Председатель Челябинского регионального отделения Русского географического общества. Доцент кафедры географии и методики преподавания географии Челябинского государственного педагогического университета, кандидат географических наук.

• Николай Николаевич Назаров.

Председатель Пермского краевого отделения Русского географического общества. Заведующий кафедрой физической географии и ландшафтной экологии в Пермском государственном университете, доктор географических наук, профессор.

• Евгений Викторович Голубев.

Председатель Тюменского регионального отделения Русского географического общества. Проректор Тюменского государственного университета, Кандидат географических наук.

• Алексей Михайлович Прокашев.

Председатель Кировского регионального отделения Русского географического общества. Заведующий кафедрой географии Вятского государственного гуманитарного университета профессор

• Игорь Юрьевич Шароватов.

Председатель отделения Русского географического общества в Ямало-Ненецком автономном округе.

• Оксана Александровна Гирман.

Председатель Курганского отделения Русского географического общества. Кандидат биологических наук, заместитель директора Департамента природных ресурсов и охраны окружающей среды Курганской области – начальник управления охраны окружающей среды.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2020 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7(343)269-22-34

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №10 (760), 2020 г.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

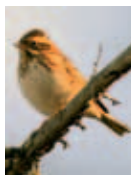
ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком **УС**, публикуются на правах рекламы.

Встречный ветер

Заповедные земли

В.КОЛБИН

Пернатые кочевники давно уже в пути 16

Собираясь в поход

Н.ВАТОЛИН

Повар встает раньше всех 38

Камни Урала

М.ПОПОВ

Неповторимые узоры яشم Полярного Урала 24

Версия

Ю.МАМОНТОВ

Плохая погода – подруга авиaproисшествий 34

Прокачаем

Е.ВАГАГИН

Греби на здоровье! 42

Наши проекты

Н.ДУДКО

«Майский экстрим»... в сентябре 44

Река времени

Давным-давно

Л.ЗЕНКОВА

Каменные пушки в экспедиции Беринга 3

Тропой поиска

А.БУЛГАКОВ

Голубая чаша 8

Родословная

С.ИВАНОВ

Сапожник и портной 12

Традиции

Ю.ДЕМЧЕНКО

Учителя-есаулы Оренбургского казачества 21

Тропой поиска

Н.ВЕХОВ

Арктическая зимовка Виллема Баренца 28

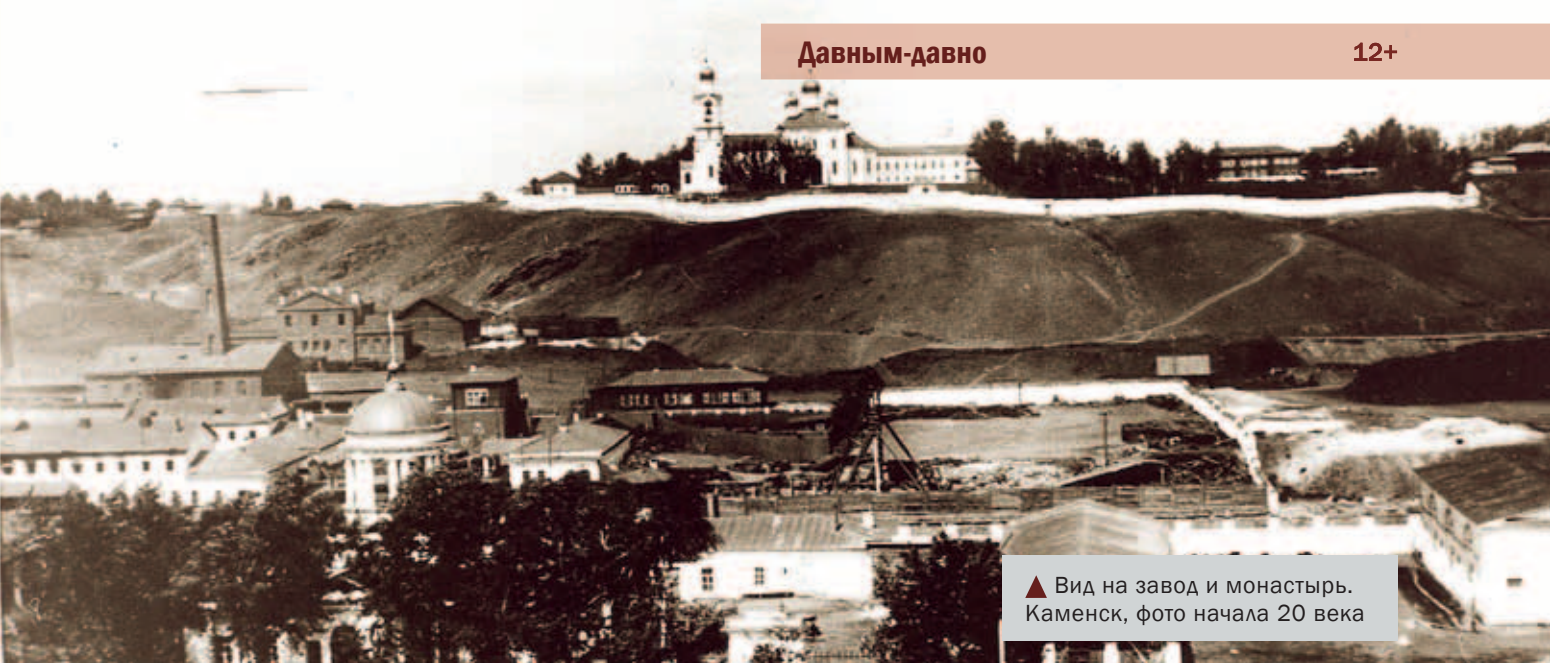
Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения России: Каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Каталог Агентства «Почта России», индекс П6316
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС»

Журнал в журнале

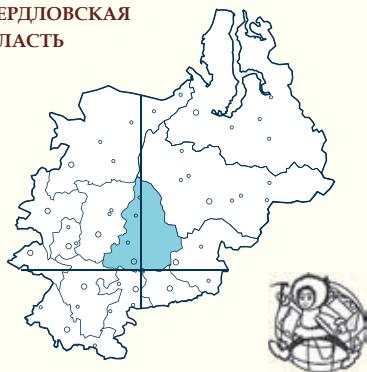
Элита

▲ Вид на завод и монастырь. Каменск, фото начала 20 века

Каменские пушки в экспедиции Беринга

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Иллюстрации
предоставлены автором

Любовь Зенкова

Старший научный сотрудник Каменск-Уральского краеведческого музея им. И.Я. Стяжкина. Выпускница Уральского государственного университета им. Горького, исторический факультет. Занимается дореволюционной историей города, работает с первоисточниками — документами областных и центральных архивов. Автор многих статей и нескольких изданий по истории Каменска-Уральского.

Первые уральские пушки и снаряды были отлиты на Каменском заводе. Сто пятьдесят лет «железные караваны» доставляли каменские артиллерийские орудия в Москву, Санкт-Петербург и другие города России. Вторая Камчатская экспедиция В. Беринга была оснащена тоже каменскими пушками. На знаменитом пакетботе командора «Св. Петр» находились 14 каменских пушек двух типов: пять 2-фунтовых 1724 года и девять 3-фунтовых 1733 года выпуска.

Первая домница, принадлежащая Далматовскому Успенскому монастырю, и первое поселение на реке Каменке, возникшее в 1682 году, предопределили появление Каменского казенного чугуноплавильного, чугунолитейного, железоделательного завода, который был не только первым металлургическим заводом, но и первым военным заводом России на Урале. Каменский «водяной железный завод» (в отличие от «ручного» монастырского) был построен на левом берегу Каменки. 15 октября 1701 года из каменской домны был получен первый чугун. Первые три пушки и две мортиры были отлиты в декабре 1701 года. А в феврале 1702 года в Москву повезли уже 45 орудий общим весом 682 пуда и 210 пудов

металла. Пушки эти были успешно испытаны в Москве.

В 1703 году завод выпускает рекордное количество орудий — 522. За первые три года работы Каменский завод отлил 854 орудия, из которых в Москву отправил 567. Однако при испытаниях многие пушки разрывались. Сказалась спешка в организации производства, отсутствие опыта, нехватка специалистов, а также то, что техника производства чугунных пушек стояла еще на низком уровне. Еще в декабре 1701 года тобольский воевода князь М.Я. Черкасский, в ведении которого был завод, писал Петру I, что «для литья пушек, мортир, гранат и бомб нужны мастера искусные, такие как Ян Бигин», и перечислил еще ряд имён. «И без них

▲ Пушки с клеймом «КАМЕНЬСКО ЗАВОД. 1733». Экспозиция Краеведческого музея

▲ Монумент Пушка. Символ Каменска-Уральского. Левый берег Каменки, территория бывшего чугунолитейного завода. Вид на плотину и пруд, фото Д. Черепенина

► Каменский завод и крепость. Рисунок первой половины XVIII века

де на сибирских заводах быть не «возможно, и делу де всякому без них будет остановка», что мастеров «знающих» на заводе нет и лить бомбы никто не умеет, а присланный в 1701 году на Каменку «тюменский сын боярский А. Колокольников для дела пушечных и мозжерных болванов бежал». В ноябре 1705 года производство орудий на заводе было прекращено. Известно, что к этому времени каменскими пушками было оснащено более 20 уральских крепостей, острогов и слобод.

После более чем десятилетнего перерыва литье орудий на Каменском заводе возобновилось. Напри-

мер, в 1719 году по указу из Тобольска «к Ямышевскому полковому походу» было изготовлено 24 пушки, 4 мортиры и 2 гаубицы. Большая партия пушек была отлита в 1723–1725 гг. В октябре 1724 года на Каменский завод пришел указ Главного командира уральских горных казенных заводов В. Геннина: «... пушки лить в артиллерию с великим поспешением днем и ночью...». В этом же

году с завода в Астрахань, «для посылки в Персию в новопостроенные крепости», было отправлено 20 мортир двух- и трехпудовых и 317 бомб к ним.

Как видим, накопленный опыт отливки артиллерийских орудий на заводе сохранился. И не случайно судьбе было угодно, чтобы пушки для Второй Камчатской экспедиции В. Беринга были изготовлены именно на Каменском заводе. Хотя первоначально 12 четырехфунтовых пушек предполагалось отлить на Демидовских заводах. Впоследствии было решено отлить не 12, а больше, и не четырех-, а трехфунто-

вые, и на других заводах — казенных, подведомственных Сибирскому обербергамту во главе с В. Генниным.

16 мая 1733 года В. Геннину пришел указ из Тобольской губернской канцелярии «... оные потребные к Камчатской экспедиции припасы велеть сделать немедленно на здешних заводах» с приложенным «резстром», в котором говорилось о 24 трехфунтовых

и 48 двухфунтовых пушках «на вертлогах». Местом изготовления пушек Геннин избирает Уктусский завод, т.к. Каменский сильно пострадал от паводка. Заводской управитель прапорщик Ларион Прокофьев известил его, что с 1 по 4 мая «вода была великая», завод буквально смыло и его «спасти от оной большой воды никак было невозможно».

К 28 июня на Уктусском заводе была изготовлена пробная партия из четырех пушек, при испытании три разорвались. Тогда Геннин решил отливать пушки на Каменском заводе. Он поторапливает с ремонтом, проявляет недовольство и считает, что столь

губительных последствий от весеннего паводка можно было избежать, если бы «управитель был не такой, как имеетца». По словам Геннина, Прокофьев плохо разбирался как в заводских, так и в конторских делах.

В конце июля Каменский завод был восстановлен. «28 июля в начале 5 часа доменная печь пушена», — рапортовал Л. Прокофьев. На заводе имелись отлитые в прежние годы орудия: 31 пушка двухфунтового калибра. В начале августа К. Гордеев, горный офицер, порученец Геннина, сообщает ему, что он «опробовал» их «большим зарядом» и все они «устояли».

14 августа Геннин дает распоряжение об отливке свинцовой доски для печатания надписей на пушках управителю Екатеринбургского завода Бекетову. И на этой доске «вырезать словами тако: Каменской завод и год 1733. А как сделана будет отослать на Каменский завод и велеть на тех пушках помянутые надписи выливать... Указанная доска была сделана быстро и 15 августа доставлена на Каменский завод, о чем сообщил Л. Прокофьев. Спешка в изготовлении доски, очевидно, объясняет ошибку — «КАМЕНЬСКО» вместо «КАМЕНЬСКОЙ». В помощь П. Ефтифееву по его просьбе из Екатеринбурга на Каменский завод командируют трех фурмовых учеников: А. Сатина, С. Бормотова и Ф. Устинова с приказом прислать их обратно, как только литье пушек закончится.

Из Сибирской губернской канцелярии в Сибирский обер-бергамт Геннину идут промемории: поспешить отлить пушки и послать их по первому зимнему пути. 21 сентября решено было послать на Каменский завод солдата Енисейского полка Ивана Гашева с инструкцией и чертежами для отливки ядер и дроби. К каждой пушке необходимо было вылить 200 ядер и 300 пудов дроби. Согласно инструкции, каменский управитель должен был рапортовать о сделанных пушках «по недельно». Прокофьев в свою очередь обещает Геннину, что к 1 октября на заводе будут вылиты все необходимые пушки: 24 трехфунтовых и 48 двухфунтовых, просит еще одного «свирельщика» и 20 «лошек» для литья ядер и дроби. С Уктусского завода посылают свирельщика Осипа Фомина. Указанное число пушек лить в срок не успевают. Кроме того, выясняется, что двухфун-

▲ Правый берег реки Каменки с административными постройками старого завода. Фото Д. Черепенина

► Каменская пушка восьми-фунтовая. Экспозиция Краеведческого музея

▲ Ядра, картечь, гранаты. Продукция Каменского завода

▲ Портрет Командора – Витуса Беринга

ланные же по новому чертежу 9 пушек устояли все. Отливка орудий продолжается, но к концу года все равно не успевают изготовить нужное количество. 3 января 1734 года Н. Клеопину было приказано ехать на Каменский завод и там опробовать оставшиеся неиспытанные пушки к экспедиции. Для каждой двухфунтовой пушки было сделано 48 «вилкок» на Екатеринбургском заводе.

10 января Л. Прокофьев рапортует Геннину, что просверлены и опилованы последние пушки. В итоге к экспедиции было отлито: 28 пушек трехфунтовых, весом каждая по 20 п. 35 ф. (более 330 кг), и 92 пушки двухфунтовых, из них 51 с тонкими стенками, весом 8 п. (около 130 кг), остальные «в стенах толще» по 9 п. 20 ф. (более 140 кг). Годными на вооружение после испытаний оказалось 22 трехфунтовые и 83 двухфунтовые пушки. Таким образом, изготовление орудий длилось 4 месяца — с 4 сентября 1733 г. по 8 января 1734 г.

2 февраля 1734 года капитан «Сибирского гарнизона Енисейского полка» Петр Шарыгин получил на Каменском заводе 21 трехфунтовую пушку «длиною 20 калибров», вес каждой составлял более 330 кг. 48 пушек двухфунтовых «длиною 16 калибров», вес каждой был от 128 до 142 кг, и 3 двухфунтовые пушки отливки 1724 года, весом каждая была 17 пуд 15 фунтов (б. 272 кг). А также ядер в общей сложности 2880 штук и дробы 130 пудов. Общий вес груза был 1230 п. Чтобы довести его из Каменска до Тобольска, потребовалось 49 подвод.

▶ Пушка с пакетбота «Св.Петр» в музее города Владивосток

На пушках 1724 года выпуска имелось клеймо «SIBIR: KB 1724». Рисунок клейма сделал сам Геннин еще в 1723 году и приказал: «... на каждой пушке между ушами лить латинскими литерами... токмо литеры надлежат быть большие и значные». Аббревиатура: К В означает К — КАМЕНСКИЙ, В — ВЕТРИЕВ, что в переводе с немецкого — предприятие, завод. Пушки отливали фурмовой мастер Яган Дейхман и подмастерье П. Ефтифеев.

Как известно, на пакетботе «Св.Петр» находились 14 каменских пушек двух типов: пять двухфунтовых 1724 года и девять трехфунтовых 1733 года выпуска. В 1741 году после высадки команды на остров они были сняты с пакетбота и сложены

ности 2880 штук и дробы 130 пудов. Общий вес груза был 1230 п. Чтобы довести его из Каменска до Тобольска, потребовалось 49 подвод.

товые пушки разрываются, т.к. стенки их тонкие. В связи с этим Геннин посылает чертеж «с прибавкою в стенах толщины» и приказывает лить пушки по новому чертежу.

В октябре по указу Геннина на Каменские заводы выезжает его помощник и горный специалист Н. Клеопин для проведения испытаний готовых пушек. В начале ноября он докладывает, что в результате проб из 56 двухфунтовых пушек, которые сделаны по старому чертежу с тонкими стенами, разорвались со второго заряда 3 пушки, а у одной «крюк отшибло». Сде-

▲ Каменские пушки на острове Беринга (с. Никольское)

ний последние 4 орудия. В результате этих экспедиций каменские пушки с пакетбота «Св. Петр» сейчас находятся в музеях г. Владивостока — 2, г. Петропавловска-Камчатского — 3, села Никольского — 7, г. Хорсенс — 2.

На одной из сохранившихся с пакетбота «Св. Петр» трехфунтовых пу-

▼ Экспозиция каменского музея

шек с клеймом «КАМЕНЬСКО ЗАВОД 1733» выбиты буквы ПГЕВ, предположительно, это инициалы Панкрата Ефтифеева. П. Ефтифеев (отчество неизвестно) по спискам Каменского завода 1723 г. числился фурмовым подмастерьем, затем, в 1733 г., отливал пушки для экспедиции Беринга. В 1744 г. он значится в списках как фурмовой мастер с окладом 30 р. (в документе указано, что на заводе с 1702 г.), а в 1745 году его уже в заводских списках нет.

На другой двухфунтовой пушке с клеймом «СИБИР КВ 1724» выбиты буквы «W • H A» — это, предположительно, инициалы мастера В. Наберха — Василия Альберха, бывшего пленного шведа. Он работал с другими шведскими пленными на Каменском заводе в 1719 г.

Позднее он принял российское подданство и служил по указу В. Геннина на Урале.

Пушки, которые хранятся в Каменск-Уральском краеведческом музее с клеймом «КАМЕНЬСКО ЗАВОД 1733», — двухфунтовые, длиной 110 см, что совпадает с размерами пушек, отправленных с экспедицией В. Беринга в историческое путешествие. Эти пушки — славные реликвии эпохи великих географических открытий и дань памяти нашим уральским мастерам.

▼ Каменские пушки в г. Хорсенс (Дания)

штабелем на берегу, где пролежали почти 200 лет. В 1935 году их удалось сфотографировать корреспонденту «Комсомольской правды» Г. Санько. В 1940 году одну двухфунтовую пушку вывез на материк сотрудник Камчатского областного краеведческого музея Н. И. Моргалев. В 1946 году две пушки двух- и трехфунтовые были вывезены в село Никольское жителями острова С. А. Яковлевым и Тимошенко. Несколько лет они находились у памятника В. Берингу, а в 1956 году по решению правительства были переданы в дар родине В. Беринга — Дании. В 1981 году экспедицией Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР удалось обнаружить и поднять 7 пушек, залежавших на глубине трех метров. Шесть были трехфунтовыми, одна двухфунтовая. Летом 1991 года на остров Беринга прибыла совместная российско-датская экспедиция «Беринг-91», которая подняла из толщи береговых отложе-

▼ Закат над озером Увильды, фото В. Вяткина

Голубая чаша

Маркин остров

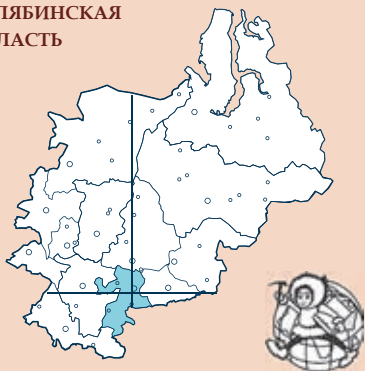
Александр Булгаков

Родился в 1961 г. в Челябинске. Окончил Челябинский политехнический институт (ЮУрГУ). Работает инженером-технологом. Член Международной гильдии писателей.

На севере Челябинской области раскинулось озеро Увильды (Голубая чаша) — самая крупная жемчужина озерного ожерелья Южного Урала. Озеро известно своей чистой и прозрачной водой, обладающей к тому же целебными свойствами. Над его водной гладью возвышается около 70-ти островов. Среди них есть один небольшой островок (60 на 400 метров), который местные жители называют по-своему.

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Иллюстрации
предоставлены автором

▼ Маркин остров, фото В. Вяткина

Уральский следопыт, октябрь 2020

▲ Маркин остров, фото автора

◀ Храм Тихвинской иконы Богородицы села Губернское, 1970-е годы (фото из фонда Мочаловой М.П., ОГАЧО)

кинувшихся в настоящее время по берегам озера Увильды, что посетивший его в 1886 году известный писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк назвал свой путевой очерк «Мёртвое озеро». Применяя в качестве определения слово «мёртвое», писатель имел в виду, что не нашёл на его берегах ни одного населённого пункта. Единственной белой точкой на побережье, по его свидетельству, была церковь села Рождественского, да и та стояла не на самом берегу, а в двух верстах от него.

Фактически Рождественское состояло из двух сёл и двух деревень, и вот в одном из них — Губернском, в 1905 году у Егора Маркина родился сын, наречённый во Святом крещении Афанасием. Не сохранилось достоверных сведений, чем занимался отец новорожденного Афанасия, но в то время мужское население промышляло в основном работой на металлургических заводах Демидовых, выращиванием хлеба и разведением скота. Много было и зажиточных семей, чему в немалой степени способствовало наличие в округе золотоносных песков.

Если судить по топографическим картам, остров считается безымянным. Однако среди жителей посёлка Увильды он давно уже известен как «Маркин остров». Это неофициальное название остров получил в честь реального человека — Маркина Афанасия Егоровича, который любил здесь порыбачить. Случай не уникальный, но всё же достаточно редкий. По крайней мере, в пределах области автору известен только один объект подобного рода — это

остров Веры на озере Тургояк. На этом острове в первой половине XIX века была похоронена старообрядческая отшельница, некая Вера, в честь которой остров и получил своё современное название. До сих пор этот остров является местом паломничества старообрядческих общин из Челябинска, Миасса и Екатеринбурга.

Трудно поверить, глядя на обилие всевозможных баз отдыха, санаториев и просто частных коттеджей, рас-

В год рождения Афанасия Маркина путешествуя по своей епархии митрополит с удовлетворением отметил нравственное состояние прихожан, в частности села Губернского, которое нашёл удовлетворительным: *«Пороков, унижающих христиан, не замечается, усердие к храму видно, школьное дело поставлено удовлетворительно, церкви благоустроены и достаточны».*

Прошло ещё десять лет. Первая мировая война в самом разгаре. К тому времени стало ясно, что война, оказавшаяся тяжёлой и кровопролитной, затягивается и первоначальный эмоциональный подъём в обществе практически сошёл на нет.

Но не в селе Рождественском. Так, прибывший в начале января 1916 года в краткосрочный отпуск с боевых позиций подпрапорщик и георгиевский кавалер, сын местного крестьянина Стефан Герасимов Пичугов (запомним эту фамилию) был до слёз растроган оказанными ему односельчанами участием и добрыми чувствами.

И когда спустя 25 лет грянула Вторая мировая война, то та добрая закладка, что получал каждый родившийся в этих местах, дала свои плоды, и не было среди них недостатка в тех, кто с честью выполнил свой воинский долг. Не стал исключением и Афанасий Егорович Маркин, когда в мае 1943 года настала его очередь встать на защиту Родины. За умелые и решительные действия по защите, как тогда говорили, социалистического Отечества, где главное слово всё же Отечество, его, рядового 439-го отдельного сапёрного батальона 373-й стрелковой дивизии, наградили медалью «За отвагу» (за форсирование Днепра и участие в Корсунь-Шевченковской операции) и орденом Славы III степени (за смелую

операцию в тылу врага при освобождении Молдавии).

Военная фортуна была милостива к Афанасию Егоровичу, и он получил от неё самую большую награду, какую только возможно получить на войне — остался в живых, хотя несколько раз был тяжело ранен. В августе 1945 года демобилизовался и через год вместе со всей своей семьёй поселился на Увильдах. Работу нашёл здесь же — устроился контролёром (охранником) в исправительно-трудовое учреждение (колонию).

Колонии уже нет. На её месте сегодня расположен санаторий МВД РФ «Лесное озеро». До недавнего времени остров пребывал в том состоянии, в котором находятся все объекты дикой природы, пока их не коснулась рука человека. Единственным напоминанием о цивилизации был обелиск А.Е. Маркина. Так продолжалось до тех пор, пока у самого ближнего к острову дома в посёлке не сменился собственник, который провёл благоустройство прилегающей территории.

Его стараниями на той её части, что примыкает к проливу между суши и островом, вместо непролазной чащобы кустарников возникла аккуратная лужайка и установлены скамейки с урнами для мусора. Теперь те, кто не смог попасть на остров, могут в комфортных условиях любоваться его видом. Остров тоже не остался без внимания: сухостой — вырублен, заросли, затрудняющие перемещение, прорежены, проведена генеральная уборка всей его территории. Для удобства гостей острова изготовлены и установлены беседки, а для улады взора — милые скульптурные композиции животных (медведица с медвежатами, а также две парочки журавлей

◀ Панорама села Губернского, рисунок из книги Мочаловой М.П. На полуденную сторону

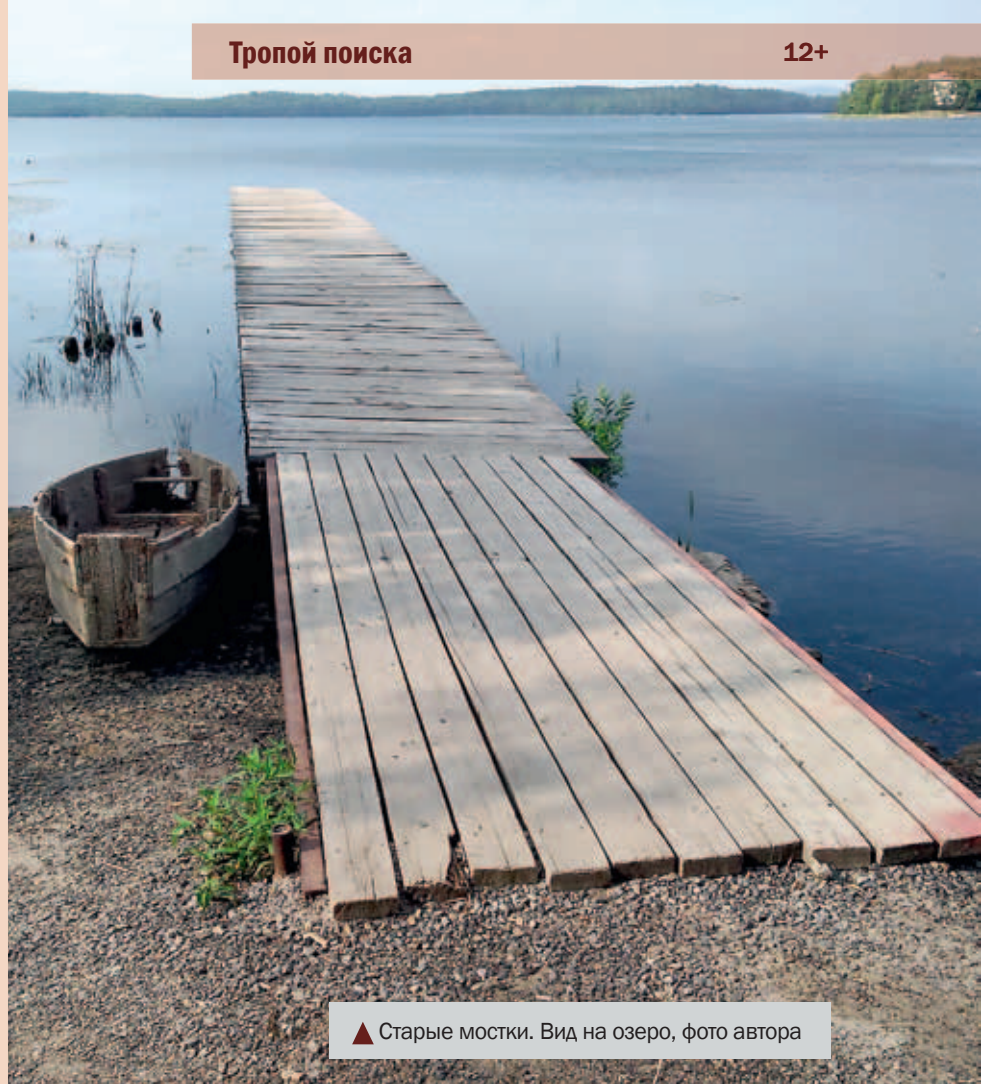
▶ Мама Глаша и ее воспитанники. Фото В. Вяткина

▲ Папа Гоша — редкий вид лебеда-шипунa. Фото В. Вяткина

▶ Церковь Воскресения Господня в с. Кузнецкое, фото Василия Артамонова

▲ Старые мостки. Вид на озеро, фото автора

▲ Панорама села Кузнецкого, рисунок из книги М.П. Мочаловой «На полуденную сторону»

и ланей). После наведения порядка это место облюбовала пара лебедей редкого вида шипунов — Гоша и Глаша, которые уже несколько лет каждую весну возвращаются сюда растить очередную смену. Порядок поддерживает уроженец

◀ Юный рыболов

здесьних мест, ныне москвич Виктор Пичугов, родившийся в посёлке Тайгинка, что в пяти километрах от Увильдов. Фамилия славная, вспомним хотя бы упоминавшегося ранее Георгиевского кавалера Пичугова. Почему так тянет человека в свои родные места? Нигде так, как на малой родине, не снизойдет на него благодатное состояние. Закинуть удочку на безмянном острове и созерцать рябь Голубой чаши — такую памятную ценность оставил нам Афанасий Маркин — человек-остров. **VC**

Сапожник и портной

День памяти

В небольшом провинциальном городе Ревда в период с 1920-го по 1953 год было репрессировано около пятисот человек. Каждый год 30 октября, в День памяти жертв политических репрессий, в храме Архистратига Михаила проходит поминальный молебен, на котором из уст священника звучит молитва об усопших репрессированных, в том числе и о моем прадеде.

Не так давно к моим родственникам, проживающим в Ревде, обратились с просьбой сотрудники «Демидов-центра» — главного исторического музея города. Они собирали материалы о репрессированных ревдинцах. А в нашей семье был человек, который стал жертвой сталинских репрессий, это мой прапрадед — Матвей Александрович Козырин. Изучая архивные документы и фотографии, расспрашивая родных, я понял, что это был человек с поистине непростой и удивительной судьбой, о которой знают немногие.

Мой прапрадед Матвей Александрович Козырин родился в Рев-

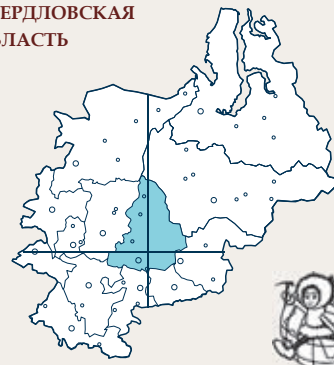
де в 1884 году в семье владельца сапожной мастерской. Семья жила в большом двухэтажном доме на улице Пеньковке (ныне Мамина-Сибиряка), на первом этаже которого располагалась мастерская. Отучившись в церковно-приходской школе, Матвей стал приобщаться к семейному ремеслу, с которым связал всю свою жизнь. В возрасте двадцати пяти лет он венчался с Курицыной Антониной Васильевной, которая стала ему верной женой и подругой. К началу Первой мировой войны в семье родилось два сына. Первенец умер в младенчестве, и это было сильным потрясением для семьи. Второй сын

Степан Иванов

Родился в городе Екатеринбурге. Работает в агентстве недвижимости. Увлекается историей улиц города. Обучается по специальности «Реклама и связи с общественностью» в Институте экономики и управления УрФУ.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Иллюстрации
предоставлены автором

▼ Ревда, вид на плотину и гору Лысую. Фото автора

Павел выжил и прожил долгую интересную жизнь.

Призыв на войну стал вторым существенным ударом для Козыриных. Матвей Козырин был призван в Лейбгвардии Семеновский полк, так как роста был немало — ровно два метра. Но воевал он недолго, уже осенью 1914 года Матвей Александрович был ранен и взят в плен, из которого бежал, и позднее из-за ранения был демобилизован (сведения о плене я нашел в книге «Именной список № 352 убитым, раненым и без вести пропавшим нижним чинам»).

Вернувшись в Ревду, Матвей

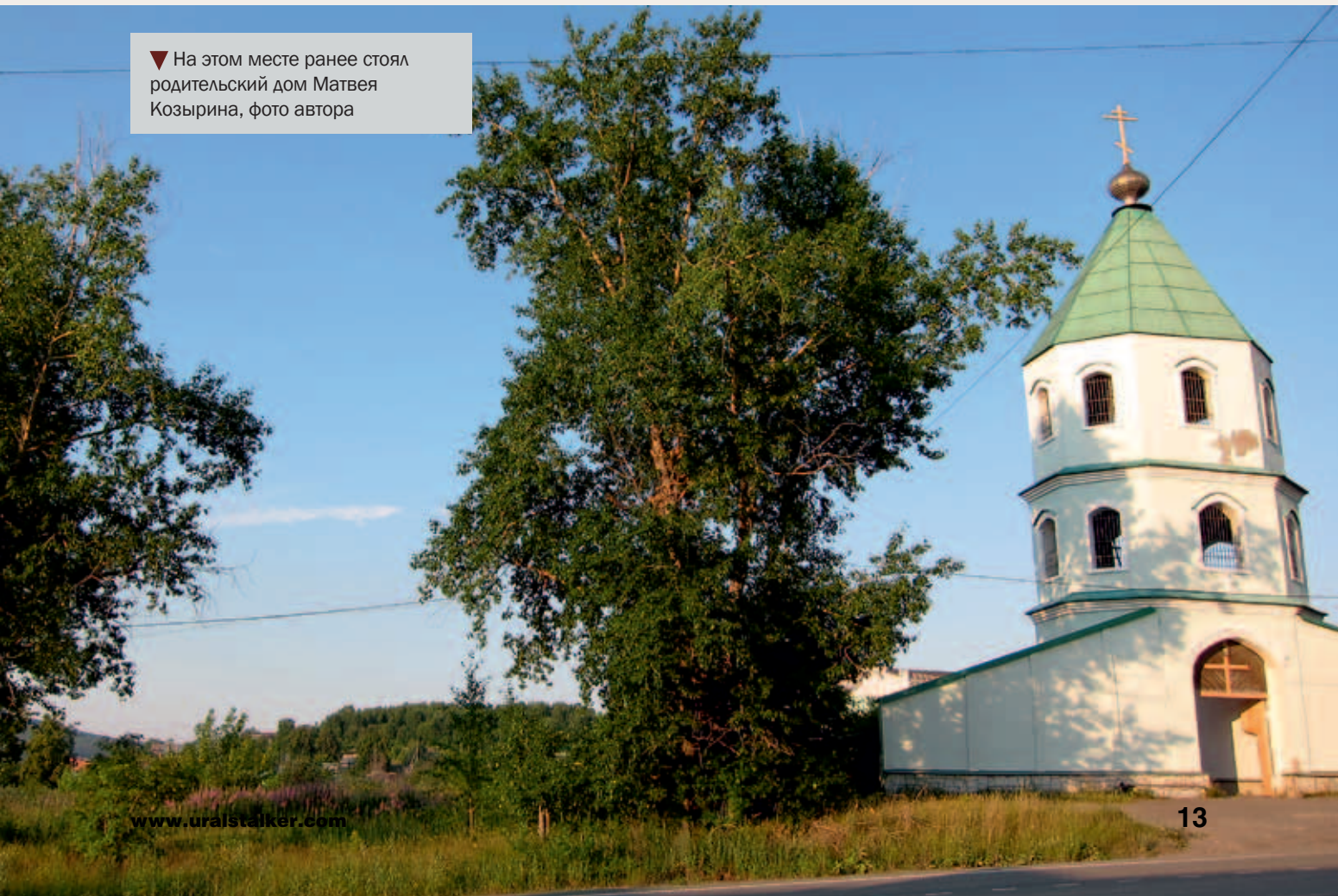
► Матвей Александрович Козырин, фото из архива семьи

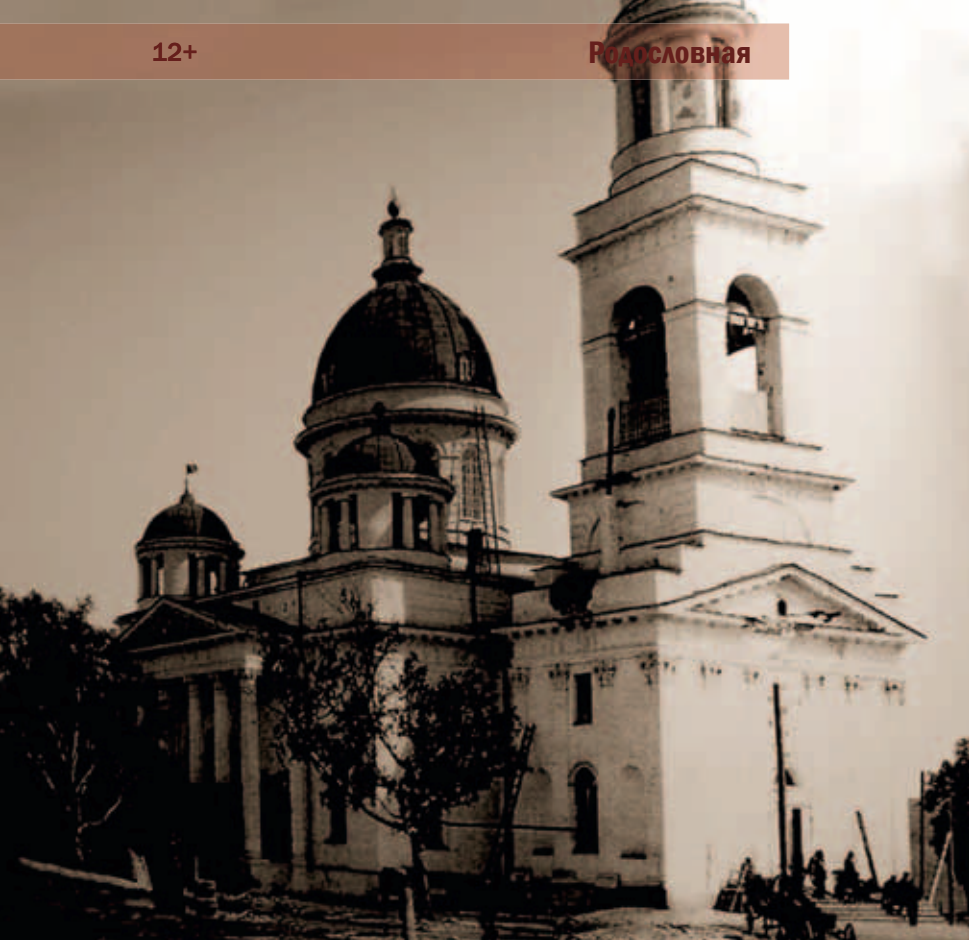
Козырин продолжил заниматься сапожным делом. Семья жила в достатке. Люди были глубоко верующими и являлись прихожанами храма Архистратига Михаила (взорван в 1964 году, в 2009-м построен и освящен новый храм).

Позднее Матвей Александрович вошел в Приходской совет храма. Революцию семья встретила рождением дочери Анны (моей прабабушки). Перемен в стране ждали и в этой семье, но в революционном движении Матвей Козырин не участвовал, в отличие от своего брата Владимира и сестры Елизаветы. Владимир воевал в рядах Красной Армии и позже стал чекистом, а сестра была членом партии большевиков.

В 1917 году Матвей Александрович поступил

▼ На этом месте ранее стоял родительский дом Матвея Козырина, фото автора

▲ Храм во имя Архистратига Михаила на Угольной горе, 1932 год, фото из архива Ревда-инфо.ру

► Ревдинский метизно-металлургический завод, 1941 год, фото//архив Ревда-инфо.ру

на работу на Ревдинский метизно-металлургический завод сапожником. Ему где-то удалось раздобыть ценную вещь — швейную машинку, на которой он мог шить качественную обувь, а в кожах он хорошо разбирался. Надо полагать, что все заводское начальство обувалось у Матвея Козырина. На заводе прапрадед работал до 1934 года, а затем поступил в артель инвалидов «им. 1-го мая», где сапожничал вплоть до своего ареста...

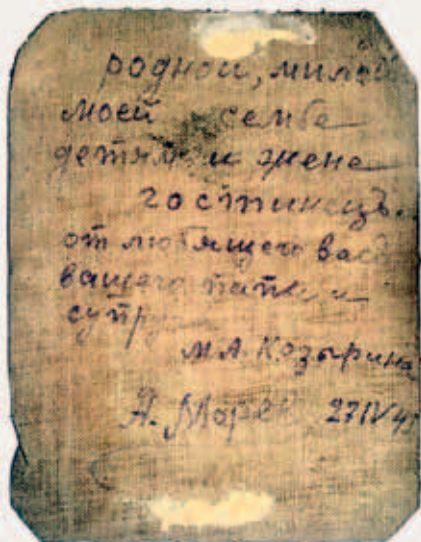
В октябре 1937 года мирного и уважаемого человека — Матвея Александровича — арестовали. Это стало для всех полной неожиданностью, а для его родных — глубокой трагедией. Уже 29 октября 1937 года он был осужден Тройкой УНКВД по Свердловской области по ст. 58-10 ч. I УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) на 10 лет заключения в ИТЛ. Все началось с того, что в артели инвалидов «им. 1-го мая», где в то время сапожничал мой прапрадед, была организована ревизионная комиссия, которая долж-

на была проверить деятельность предприятия. Председателем комиссии был выбран Матвей Козырин. В ходе проверки были выявлены многочисленные злоупотребления и хищения председателем правления артели, который позже был задержан.

Видимо, чтобы избежать ареста, бывшему председателю правления артели и его подельнику было предложено оклеветать Матвея Козырина, активная церковная деятельность которого (он был членом Приходского совета) попадала под секретный оперативный

◀ Портрет М.А. Козырина, написанный художником А.В. Моревым, во время заключения в Сиблаге

приказ НКВД № 00447, в соответствии с которым «церковники и сектантские активисты» были объявлены «антисоветскими элементами», подлежащими репрессиям. Жизнь человека разрушили за его честность под ложным предлогом.

В клеветническом доносе, как выяснилось много позже, было сказано, что Матвей Александрович ведет антисоветскую деятельность среди прихожан и насильно заставляет посещать церковь своих детей. Все это было неправдой. Так как старший сын Павел Матвеевич был членом ВЛКСМ и работал в Ревде на кирпичном заводе, где занимал руководящую должность. Дочь Анна Матвеевна закончила десятилетку (самый первый выпуск в Ревде), также была членом ВЛКСМ и Ворошиловским стрелком. Младшие дети Зоя и Николай учились в школе и церковь не посещали. Однако правда не нужна была никому.

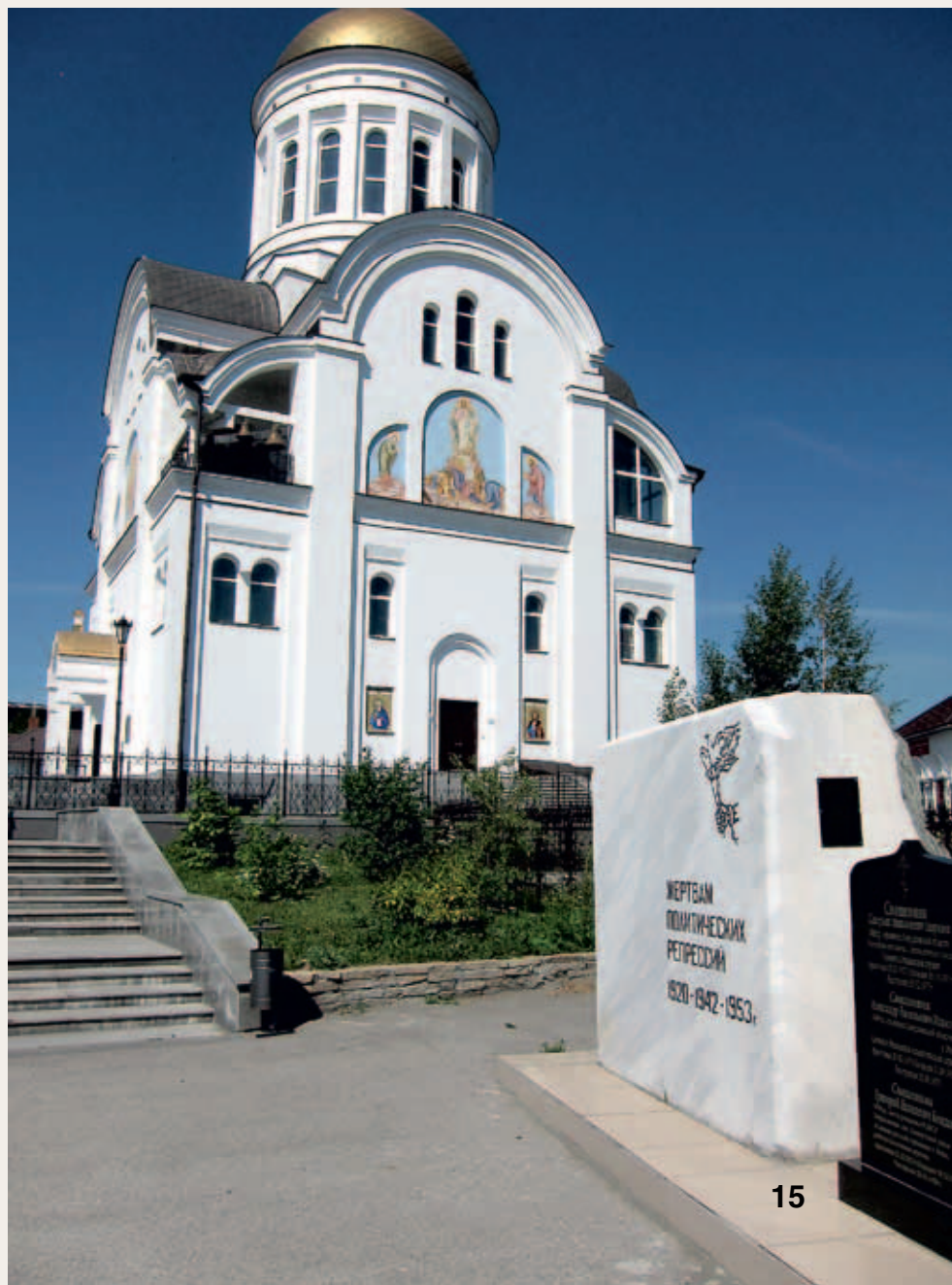
Под давлением следствия (скорее всего, силовым) Матвей Козырин признал «вину», что спасло ему жизнь. Он был этапирован в Сиблаг, где находился вплоть до своего досрочного освобождения 21 декабря 1942 года... Про жизнь в Сиблаге Матвей Александрович никому из близких не рассказывал. Известно только, что выжить ему помогало его ремес-

ло — он шил обувь для лагерного начальства. Семье Матвея Козырина досталось несладко во время его заключения. Старшему сыну Павлу с тяжелым сердцем пришлось отречься от отца, чтобы иметь возможность вступить в члены КПСС. Но родные его не осуждали, понимали, что нужно жить дальше... Младшей дочери Зое отказали в приеме в ВЛКСМ. Но именно Павел, будучи человеком активным и целеустремленным, добивался освобождения отца, направляя письма во всевозможные организации. 14 июня 1956 года по протесту прокурора Свердловской области постановление Тройки было отменено и дело прекращено.

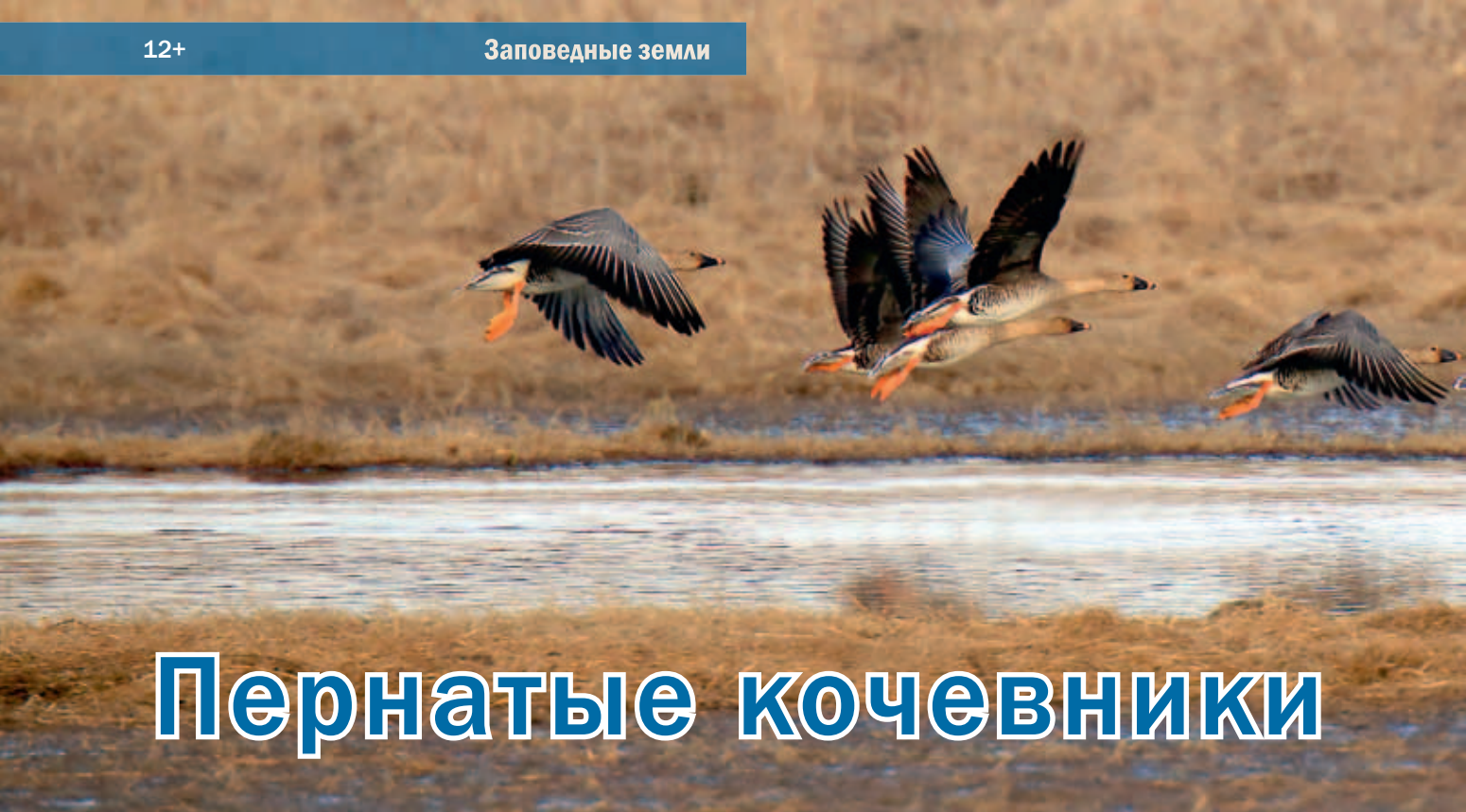
В 1942 году Матвей Александрович вышел на свободу досрочно, но утраченные годы вернуть было невозможно. Так как время было военное, то добираться до дома пришлось долго. Вернувшись, прапрадед был уже тяжело

больным человеком и через полгода скончался. Еще в 1939 году члены Тройки, которые вынесли обвинительный приговор, были расстреляны... Почти девять лет семья Козыриных несла на себе клеймо «врага народа», пока в 1956 году Матвея Козырина не реабилитировали благодаря его сыну Павлу, который проявил немалую настойчивость.

Запись о Козырине М.А. как о жертве политических репрессий есть в Базе данных «Жертвы политического террора в СССР»; Книга Памяти Свердловской обл. — т. 4. В городе Ревда его имя высечено на мраморной плите Мемориала «Жертвам политических репрессий 1920–1942–1953 гг.». Трагическая страница в жизни одной семьи стала частью трагедии многих и многих. Отдавая дань памяти светлым и темным страницам нашей истории, мы даем шанс преобладанию света в будущем. **УС**

▶ Мемориал «Жертвам политических репрессий 1920 – 1942 – 1953 гг.» рядом с храмом во имя Архистратига Михаила на Угольной горе. Фото автора

Пернатые кочевники

Василий Колбин

Кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник заповедника «Вишерский», член Союза писателей и союза журналистов России, автор более 300 научных и научно-популярных статей и книг. Публиковался в журналах «Наука в фокусе», «Вокруг света», «Наука и жизнь», «В мире животных», «Природа», «Природа и Свет», «Охота и рыбалка, 21 век», «Детская роман-газета», «Загадки истории», «Сибирский экологический журнал», «Экология», «Русский орнитологический журнал» и других изданиях. Живёт в г. Красновишерск Пермского края.

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

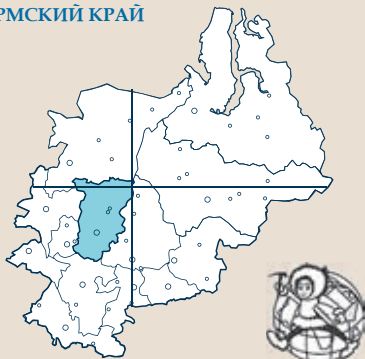

Фото автора

Птицы — самые подвижные организмы на земле. Вся жизнь их проходит в странствиях, даже, казалось бы, совершенно оседлые воробьи иногда могут сорваться куда-то и полететь, то ли в поисках лучшей доли, то ли от приступа внезапной зависти к дальним мигрантам.

Так, в отдельные годы на хуторе Лыпя невесть откуда появятся один или несколько домашних *Passer domesticus* или полевых воробьёв *P. montanus*, а потом через какое-то время исчезнут. Зачем прилетали, что искали? Бог весть. А ведь даже в поселке Вёлс, что в 50 км южнее Лыпья, воробьи не живут...

На всех континентах

Что уж говорить о тех птицах, которые улетают в невероятную даль. Вот за каким лешим наши красные-

прекрасные чечевицы *Carpodacus erythrinus* всё с того же хутора Лыпя или из Красновишерска летят в Индию? Вы думаете, им насекомые нужны? Совсем нет, они птицы вполне зерноядные — в клетке спокойно живут на зерносмеси. И мороз легко переносит.

▼ Молодая обыкновенная кукушка в конце июля, взрослые кукушки уже начали движение в Африку

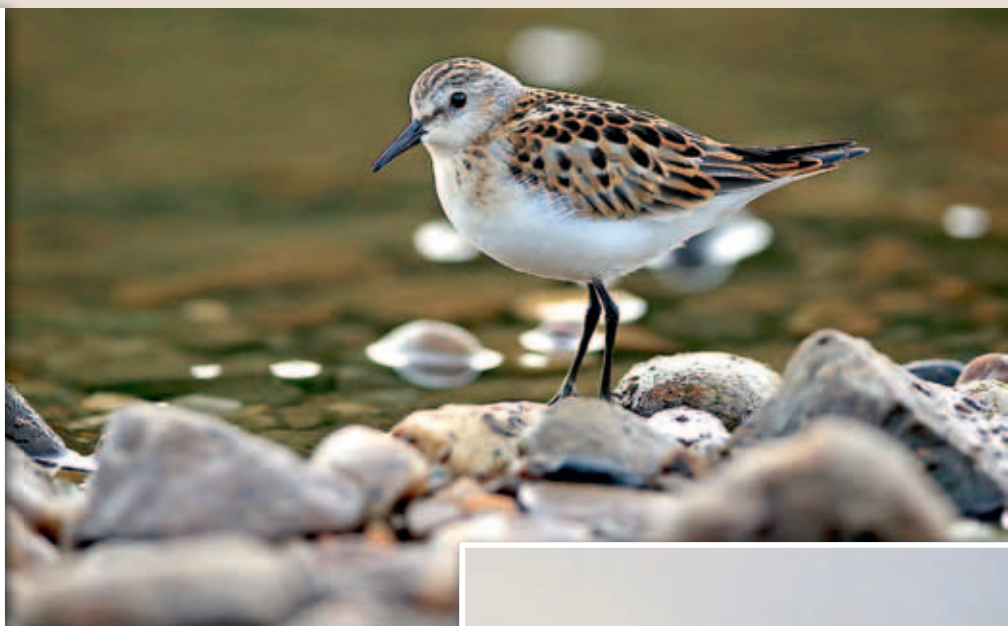
Уральский следопыт, октябрь 2020

◀ Пролётные гуси-гуменники взлетают с озера, где отдыхали ночью

ДАВНО УЖЕ В ПУТИ

▲ Арктический кулик-воробей на берегу Вишеры в начале августа

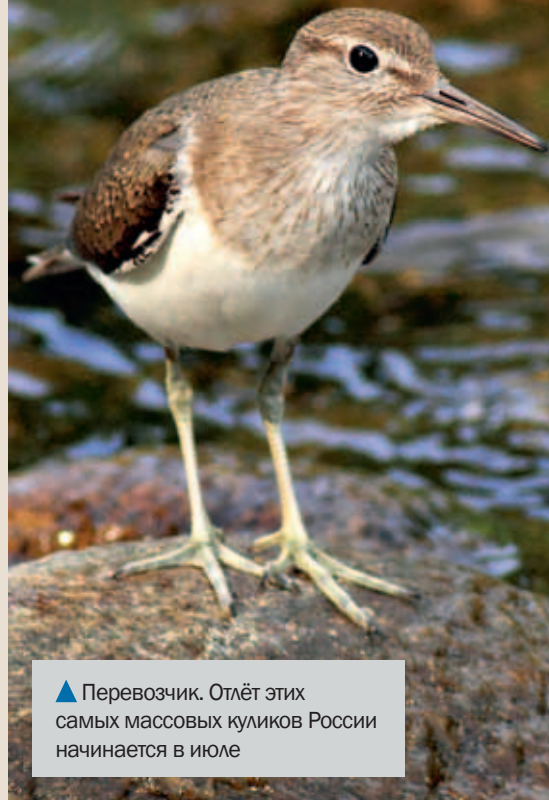
◀ Самец чечевицы на хуторе Лыпя в июле, совсем скоро он отправится в неторопливое путешествие до Индии

▶ Овсянка-ремез в осенней окраске на пролёте, птицы зимуют в Юго-Восточной и Средней Азии. С недавнего времени вид включен в Красную книгу РФ

▲ Самец глухой кукушки. Эти птицы даже с Урала летят в Индонезию, Новую Гвинею, а восточные популяции вида добираются до Австралии

▲ Перевозчик. Отлёт этих самых массовых куликов России начинается в июле

сят. Казалось бы, откочевали до Саратова и жевали бы себе семена трав, как родственные щеглы *Carduelis carduelis* и чиж *Spinus spinus*. Но нет, летят путями предков, проводя в состоянии перелёта большую часть своей короткой птичьей жизни. Хотя другие виды, которые обычно являются ближними мигрантами, легко меняют свою перелётную стратегию. Взять тех же нелюбимых дачниками дроздов-рябинников *Turdus pilaris*: есть в лесу урожай рябины — остаются зимовать, как прошлой зимой; нет урожая — летят южнее.

Птицы России умудряются зимовать на всех континентах планеты, включая Антарктиду. Последнюю, в качестве места зимнего отдыха, облюбовала полярная крачка *Sterna paradisaea*, которая с такой «незамысловатой» жизнью за год умудряется налётывать 70–80 тысяч километров. У нас эти крачки гнездятся в арктической тундре, включая Полярный Урал.

По данным профессора А. В. Михеева, наибольшее число птиц СССР (работа проводилась им в 1960-е годы) зимует в Азии — 530 видов, меньшее количество — 259 видов — приходится на Африку, в Европе зимует 240 видов. Необходимо отметить, что столь большие цифры получились из-за обилия видов, зимующих на нескольких континентах. Так, например, уральские гуси-гуменники *Anser fabalis*,

◀ Дубровник. На территории Вишерского заповедника последний раз регистрировался в 2013 г. Зимует в Юго-Восточной Азии, занесён в Красную книгу РФ

как и большинство соплеменников, гнездящихся западнее Енисея, улетают на зимовку к морским побережьям Западной Европы, а восточные гуменники зимуют в различных околводных районах Южной и Юго-Восточной Азии. Подобная картина наблюдается и у обыкновенной кукушки *Cuculus canorus*: наши уральские кукушки летят в Африку, где останавливаются южнее Саха-

▶ Чиж — удивительно компанейская птица, вся жизнь которой проходит в кочевьях небольшими стайками. Зимует на юге Уральского региона при урожае семян

▼ Пролётные юрки на кормёжке. Юрок — одна из самых массовых птиц лесного Урала. Птицы зимуют на юге Европы и на юге Азии

▼ Щегол — яркий пример вида, который стайками кочует по полям и пустырям средней полосы России в течение всей зимы

ры, а восточносибирские летят уже в Азию, где зимуют в Индии, на Цейлоне, Зондских островах, Новой Гвинее. Что касается другой уральской кукушки — глухой кукушки *Cuculus saturatus*, то она на Африку не размещается и летит в Индонезию, Новую Гвинею, а восточные популяции этого вида добираются до Австралии. Также гнездящиеся на Ура-

ле овсянки-крошки *Ocyris pusillus*, овсянки-ремезы *O. rusticus*, включая исчезнувшего в последние годы дубровника *O. aureolus*, летят зимовать в Юго-Восточную Азию.

Климат потеплел

Миграции птиц всегда воздействовали на людей: осенний отлёт навевает грусть, весенний прилёт,

наоборот, радует. С одной стороны, можно сказать, что осенью нас огорчает приближение холодов, от которых убегают птицы, а весной птицы просто как бы приносят тепло. С другой стороны, вероятно, осенью нас огорчает не только холод, но ещё и обеднение мира вокруг — снижение биологического разнообразия, а весной мы радуемся его обогащению.

В своё время уже упомянутый профессор Алексей Васильевич Михеев скрупулёзно подсчитал, что 73,1% птиц Московской области относятся к перелётным, и только 26,9% — к оседлым и кочующим. Можно поражаться точности этих цифр, поскольку, как я уже говорил, часть птиц то летит, то не летит, но так было принято в 1960-е годы. Из 200 видов птиц Вишерского Урала зимой могут быть встречены 40–60, то есть приблизительно те же 30%. Понятно, что сейчас в средней полосе зимует заметно больше видов, чем во времена Михеева: климат потеплел-подурнел. Но книга А.В. Михеева о миграциях «Перелёты птиц» (1971) остаётся лучшей в своём роде, поэтому рекомендую любознательному читателю заглянуть в библиотеку и неторопливо ознакомиться с ней.

В начале прошлого века считалось, что регулярные перелёты птиц возникли в эпоху четвер-

▶ Арктические пуночки или снежные подорожники возле поселка Вёлс в конце октября

тичного оледенения, а до этого периода они отсутствовали. Но сейчас такая точка зрения устарела, поскольку установлено, что миграции существовали и в третичное время, и не только в северных широтах, но и в южных, поскольку сезонные изменения условий жизни в той или иной мере имелись во многих регионах планеты. А покинуть места, где жить стало не комфортно, — это для пернатых так естественно...

Ну а перелёт в наших краях начался ещё в июле. В это время появились на Вишере кулики-воробьи *Calidris minuta* и белохвостые песочники *Calidris temminckii*, улетевшие из Арктики. Также во второй половине июля исчезают с реки Язьвы, что в 20 верстах ниже Красновишерска впадает в Вишеру, красноногие кулики-сороки *Haematopus ostralegus*. Вслед за ними начинают кочёвки массовые кулики-перевозчики *Actitis hypoleucos*,

хотя полное исчезновение этого вида происходит только в сентябре. К началу сентября отлёт птиц достигает максимума и затихает в конце месяца.

Венчают конец осенней миграции прилетающие к нам в октябре из полярных тундр рогатые жаворонки *Eremophila alpestris* и пуночки *Plectrophenax nivalis*. В ноябре в тайге можно встретить уже только ближних кочующих и оседлых птиц. **УС**

В небе крик журавлей — это песня осенняя,
Над печалью полей, над осенними тенями.
Я слежу, чуть дыша, за полетом на юг,
Птичьи клинья спешат от метелей и вьюг.

И плывет, чуть простуженный,
Птичий горестный крик,
Над морями, над сушею,
На чужой материк.

Арик КРУПП

▲ Обыкновенная кукушка в полёте

▲ Кулик-сорока. Отлёт вида возле г. Красновишерск начинается во второй половине июля

Учителя-есаулы Оренбургского казачества

Станичные школы в XIX веке находились в непосредственном подчинении у командования Оренбургского казачьего войска, и это накладывало отпечаток на их деятельность. Их специфику нам удалось понять, подняв архивные рапорты от есаулов и приказы почти двухсотлетней давности.

В рапортах командующему Еткульской станицей Вахрушеву от есаулов Шантарина и Савостьянова, исполнявших должность писарей, мы можем увидеть много интересного. Первого как более опытного забрали в кантонное правление, и он отчитывается о выполнении распоряжения, а Савостьянов докладывает: «По приказу Вашего благородия ко мне от 12 июня № 440 в училище при станице, Вам вверенное, в должность учителя сего числа вступил и принадлежащие документы к оному училищу от писаря Шантарина, исполнявшего должность, принял. О чем Вашему благородию имею честь донести. Июня 15 дня 1831 года». На должность учителя претендентов было немного. Выручала лишь воинская дисциплина: приказали — пошел в педагоги.

Сохранились данные о заработной плате учителей-есаулов. В 1851-м учителю в Еткуле платили 28 рублей 58 копеек серебром в год. Много это или мало? Стоимость фунта (примерно 450 граммов) сахара в 1840 году — 1 рубль 96 копеек.

Едва ли к середине XIX века цены кардинально изменились. В общем, не пощипуешь. Учителя были свободны от занятий с 1 апреля по 15 мая и с 1 июля по 15 сентября, когда все ученики вместе с родителями отправлялись на полевые работы. Конечно, казакам-педагогам тоже надо было пахать и сеять, но атаман не мог допустить, чтобы те, кто получил оплату за год, трудились на свое, а не на станичное благо.

И тут же распоряжение: в свободное от занятий время выполнять обязанности писарей. Да, писарей надо пожалеть: их всего двое, и жалование у каждого чуть больше 14 рублей. Однако совмещение двух или даже трех занятий (помимо помощи писарям, учителя должны были составлять описи книг, имущества, отчитываться о расходовании денег и т.д.) едва ли способствовало эффективности учебного процесса. По видимому, о профессиональных кадрах задумывалось и воинское начальство. 4 декабря 1861 года от командующего Оренбургского казачьего полка № 11 поступило «Предписа-

▲ Поселковые атаманы Еткульской станицы 19-го века, архивное фото

ОРЕНБУРГСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Юлия Демченко

Директор павленковской библиотеки Еманжелинского сельского поселения Челябинской области. Кандидат педагогических наук. Руководимая ею сельская библиотека — одна из лучших в области. На ее базе учились сельские библиотекари. Курирует и пополняет школьный музей, проводит экскурсии по историческим местам села и района. Автор многих очерков в нашем журнале.

Иллюстрации
предоставлены автором

▲ Начальник штаба Оренбургского корпуса, генерал Г.П. Веселовский

▲ Казак в Отечественной войне 1812 года

▲ Дети семьи Смольниковых. Бердская станица

◀ Здание дореволюционной школы в Еманжелинске

ние о строгом наблюдении за учителями Еткульской станичной школы». Речь шла о недостаточном уровне подготовки станичных служащих, но практические выводы делались только по отношению к писарям. Было приказано примечать в училище способных мальчиков и готовить их к ведению бумаг.

Для развития школьного образования много сделал оренбургский губернатор и наказной атаман К.Н. Боборыкин. На пост он заступил в 1865 году. Наказной атаман и подчиненные ему атаманы военных округов лично беседовали с казаками, убеждая их в пользу грамотности. На общественные средства в станицах Оренбургского казачьего войска было учреждено более 50 бесплатных библиотек, командование настаивало на обязательном обучении всех казачьих детей с 8–9-летнего возраста, и к 80-м годам XIX века грамотными были 70% казаков и 50% казачек. 16 января 1864 года из Каратабана поступает вопрос, надо ли продолжать выписывать в станичное правление книги, газеты и журналы. 9 февраля из Войскового правления приходит ответ: выписывать надо,

но тематику выбирать в соответствии с интересами жителей. В станице уже имелись условия для подготовки детей к поступлению в городские учебные заведения.

В 1861 году каратабанцев зовут уже в Санкт-Петербург. Предпочтение отдается сиротам. За казенный счет их хотят обучать ремеслам, чтобы, вернувшись домой, молодые люди поднимали станичное хозяйство, излишне зависящее от выращивания зерновых и разведения скота. На учебу в столицу отправляется 14-летний Андрей Федоров. К сожалению, неизвестно, какую профессию выбрал мальчик и приехал ли он назад, но показательно, что его судьбу обсуждает самое высокое начальство.

Переписка Еткуля с Каратабаном сохранилась лучше всего, но, наверное, схожие проблемы и вопросы решались во всех станицах. Вот тоже примечательный документ. Речь идет о занятиях со взрослыми. 6 марта 1867 года в Каратабанское станичное правление приходит распоряжение наладить обучение русскому языку казаков из магометан, «как они принадлежат к русскому народу». Отличное, кстати, обоснование. Язык и вера разная — народ один. Сразу и воспитательный момент.

В документах последнего десятилетия XIX века встречаются слова «школьный капитал». Это удачное нововведение появилось в 3-м отделе Оренбургского войска, к ко-

тому относились и наши станицы. Школьный капитал складывался из оброчных статей (налогов) и добровольных пожертвований. Именно он позволил существенно увеличить финансирование школ. К примеру, если в 1870 году расходы на одного ученика составляли 1 рубль 75 копеек в год, то в 1895-м — 3 рубля 22 копейки. Суммы небольшие, но при отсутствии планового финансирования школьный капитал позволил решить многие проблемы. Достаточно посмотреть, как выросли списки книг, закупленных для учеников и учителей. Неслучайно к использованию такого капитала вскоре обратились во 2-м и в 1-м отделах.

В конце XIX века стали строиться специальные здания для школ. От казачьих пятистенков они в основном отличались только

Уральский слесарь, октябрь 1917 года

▼ Уборка картофеля в станице, фото из фондов Еткульского музея

▲ Учителя начальных классов школ второго военного отдела Оренбургского казачьего войска

▼ Верблюды на службе уральских казаков

размерами, зато при школе всегда была квартира для учителя. Заступая на службу (педагогическая деятельность в станицах по-прежнему приравнивалась к военной), учителя приносили присягу, клялись в верности императору и обещали со всей тщательностью исполнять свои обязанности. Для подготовки кадров в крупных станицах начали открывать специальные двух- трех-годовые училища или педагогические классы, хотя методическая подготовка будущих преподавателей все равно оставляла желать лучшего.

Впрочем, были счастливые исключения. Так, еще в 1858 году, inspectуруя учебные заведения, наказной атаман генерал-майор И. В. Падуров отметил порядок, установленный в Еткульской школе, и «очень удовлетворительные» знания ее уч-

ников. За что вынес благодарность учителю — уряднику Плотникову. В последние десятилетия века в отчетах замелькали и женские имена. Девочки стали ученицами, а девушки — учительницами. При сохранении внимания к воинской подготовке пришло осознание важности общего образования, отсюда привлечение «штатских». Дочери станичных офицеров или мещан из городов, отучившись в гимназиях, сами пошли преподавать, что было непривычно. В поселке Аникеевском станицы Михайловской понадобилось согласие схода жителей, чтобы учительницей стала девица Пономарева Александра дочь Андреяева.

Очевидно, что в Оренбургском войске нашли способы улучшить подготовку учителей, ведь перед Первой мировой войной уже разрабатывались единые учебные программы, методические рекомендации, выпускались наглядные пособия, развивалась система проверки знаний учеников и поощрения лучших, но помешали две революции и бои гражданской, после которых прежний уклад жизни был сломан навсегда. Однако традиции школьного образования в нашем крае надо искать именно в казачьих учебных заведениях, где уже два века назад знали: сперва аз да буки, а там и все науки. ☒

◀ Современные казаки в Еманжелинске

Неповторимые узоры яшм Полярного Урала

Яшма является одним из главных символов Среднего и Южного Урала. Сегодня Урал считается крупнейшей яшмовой провинцией мира, в состав которой входит 12 яшмоносных районов. Месторождения, образуя яшмовый пояс, вытянуты в цепочку от п. Харп на севере до Орска на юге.

Она поражает буйством цвета и разнообразием рисунков. Изделия из нее можно встретить в любом уголке нашей огромной страны. Об этом камне написано много интересного. На Полярном Урале яшма менее проявлена и не очень хорошо известна.

Яшмы горной части ЯНАО

На территории горной части ЯНАО известны десятки месторождений и проявлений яшм и яшмоидов. На Пай-Хое проявления яшмоидов встречаются в обнажениях рек Силова-Яха, Кара, Хей-Яга. По данным известного исследователя Полярного Урала профессора В. А. Душина, в горной части Полярного Урала выявлены следующие интересные объекты: Нэтемшорское, Нетемпейское, Яшмовое, Воргашорское, Хараматолоуское, Нырдовоменшорское, Яйюское, Моноцветное.

Воргашорское находится в северо-западном предгорье центральной части Полярного Урала. Геологическое строение района проявления характеризуется развитием толщи сланцево-известняковых пород карбонового возраста. По простиранию горизонт яшмоидов прослежен на 200 м. Красные яшмы развиты вдоль разрывного нарушения, размер их прослоев не пре-

вышает 5–20 см в поперечнике. В цветовой гамме преобладают красно-сургучные тона. Текстуры пород – полосчатые, струйчатые. Декоративность яшмоидов удовлетворительная, но невысокая блочность ограничивает сферу их применения. Ресурсы данного проявления составляют порядка 100 т.

Яшмоиды проявления **Хойлинского** представляют собой пестроокрашенные кремнистые сланцы мощностью до 20 м. Окраска пород разнообразная: от голубовато-зеленоватой до вишнево-красной. Они хорошо полируются. Прогнозные ресурсы составляют около 4 млн т.

Проявление **Нырдовоменшорское** – яшмы встречаются как в коренном залегании, так и в многочисленных развалах. Впервые это проявление изучалось ПГО «Северкварцсамоцветы» в 1980-х годах прошедшего столетия вместе с известными в этом районе месторождениями нефрита. Проявление расположено в районе контакта гипербазитового массива. Размер их варьируется от 0,5х3 до 1х8 метров. Цветовые свойства яшмы варьируются от вишнево-красных до сургучных. Для данного проявления характерна редкая цветовая разновидность – черная. По тексту-

ре яшмы в основном пятнистые, но встречаются и рисунчатые разновидности. В качестве включений в них описаны эпидот, хлорит, карбонат, которые иногда повышают декоративность породы. В данном районе, на склонах гор, расположены коллювиальные осыпи (Гигант и Дальняя). Размер глыб и обломков колеблется от 0,1х0,2 до 0,8х2 метров. Обломки яшмы распределены неравномерно, иногда образуя скопления от 3 до 10 шт. В 1991–1992 годах МГП «Норд-Рифей» проводило исследования этого проявления по детальному изучению россыпного источника яшм. Для обеих россыпей характерны одинаковые разновидности яшм как по цвету, так и по декоративности. В результате проведенных работ предприятием «Норд-Рифей» были подсчитаны запасы яшмы (Ю. К. Молчанов, 1992). В россыпях они составили 96,3 тонны (1 сорт – 36,1 т, 2 сорт – 57,2 т). В коренном залегании было посчитано 2275,5 тонны. Черной яшмы установлено 37,5 т.

Самые знаменитые изделия из яшм

Иногда яшму называют «царицей камней» за то, что она имеет множество применений, красива и декоративна. К тому же, этот камень отличается прочностью, а значит, и долговечностью. Люди использовали яшму со времен неолита, когда из камня изготавливали как орудия труда, так и оружие для охоты. Как и кремль, при расколе яшма образу-

► Яшма. Нырдовоменшорское проявление

Яшма

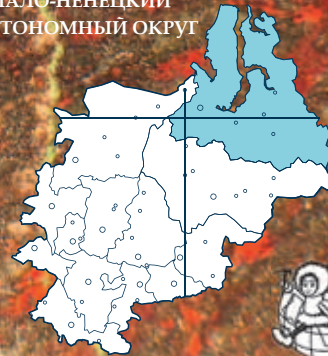
В работе использованы материалы И.И.Попова, геолога ПУГРЭ.

Михаил Попов

Доцент кафедры минералогии Уральского государственного горного университета, кандидат геолого-минералогических наук.

ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

▲ Россыль Гигант (на переднем плане), проявление Нырдово-меншорское

ет острые края, которые долго не изнашиваются.

Колонны из яшмы и мрамора служили украшением одного из семи чудес света — Храма Артемиды. В VI веке н. э. эти яшмовые колонны оказались в Константинополе, в Соборе Святой Софии, возведенном по указу византийского императора Юстиниана.

В XVIII–XIX веках в России, и в особенности на Урале, в больших количествах стали добывать по-

делочные камни (яшма, родонит, переливт) и изготавливать из них крупные камнерезные изделия (столешницы, вазы, канделябры). Также камень стали интенсивно использовать в убранстве дворцов. Российские мастера создали свою собственную технику мозаики, которую и сейчас во всем мире часто называют «русской».

Среди самых знаменитых произведений русских камнерезов — Агатовый и Яшмовый кабинеты в Царском Селе, построенные во времена Екатерины II по проекту архитектора Чарльза Камерона. Вместо традиционного мрамора в отделке обоев помещений использовались ураль-

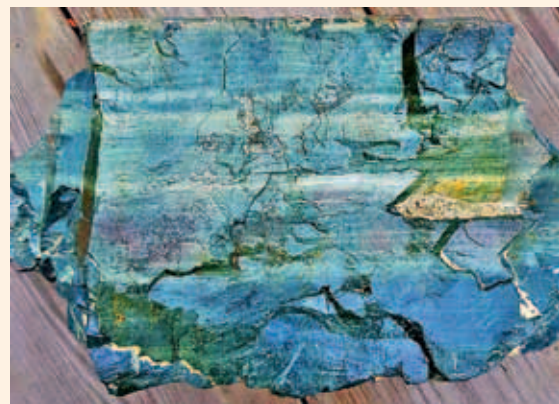

В XX веке в Москве этим камнем украшена станция метро «Маяковская» и мавзолей В.И. Ленина на Красной площади. Серо-голубая яшма использовалась в отделке каминов Большого Кремлевского Дворца.

В рамках программы «Время изучать камни», которая реализуется Уральским центром камня УГГУ совместно с ЧЭМК, были исследованы новые проявления яшмоидов на территории горной части ЯНАО. Новый каменный материал уже начал использоваться в убранстве г. Салехард. **УС**

▼ Зеленая яшма

Для любознательных

Яшма (устар. яспис) — плотная скрытокристаллическая горная порода, сложенная в основном кварцем, халцедоном и пигментированными примесями других минералов (эпидот, актинолит, хлорит, слюда, пирит, окислы и гидроокислы железа и марганца), полудрагоценный поделочный камень.

Яшмоиды — в отличие от яшм и яшмовидных кварцитов, данная группа объединяет породы существенно халцедонового состава с характерными микроструктурами сферофировых и агатовидных пород. От собственно яшм яшмоиды отличаются условиями образования, составом, структурными особенностями и сравнительно небольшой блочностью поделочного камня. В результате они имеют ограниченное промышленное применение.

Канделябр (от латинского *candēlabrum* — «подсвечник») — декоративная подставка с разветвлениями («рожками») для нескольких свечей или различных видов ламп.

◀ Зеленый яшмоид

ские яшмы. Причем этим камнем были облицованы не только стены, но и карнизы, двери и другие, более мелкие, детали интерьера. На создание этих шедевров ушло 4,5 года кропотливой работы и более 25 тонн яшмы. Эрмитаж славится огромной коллекцией яшмовых изделий. Самым большим экспонатом является гигантская ваза более 5 м в обхвате, весит она 19 тонн. Для изготовления вазы использовалась ревневская яшма, отличающаяся красивым зеленоватым оттенком и ленточным орнаментом.

Арктическая зимовка Виллема Баренца

Николай Вехов

Кандидат биологических наук. Занимается исследованиями в области истории и культуры Русского Севера, русских путешествий и путешественников. Участник российско-голландских экспедиций 1995 и 1998 годов, посвященных памятной дате, связанной с плаваниями В. Баренца на Новую Землю. Автор многочисленных научных и научно-популярных работ. Давний автор «Уральского следопыта». Живет в Москве.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ

▼ Всё, что осталось от Дома спасения. Фото И.А. Мизина

К концу XVI века только две области на Земле оставались ещё «белыми пятнами» — Арктика и Антарктика. Экспедиции Вильяма Баренца открыли сразу несколько крупных архипелагов и островов Западной Арктики.

В 1594–1597 годах отважные голландские мореплаватели обнаружили два архипелага: Шпицберген и Новая Земля, а также подтвердили существование крупных островов в Ледовитом море (Баренцевом море). Команде Баренца впервые в истории мировой цивилизации удалось осуществить вынужденную зимовку в крайне экстремальных условиях арктической ночи.

В 1581 г. на карте Европы появилось новое государство — Республика Соединённых провинций (Объединённое королевство Нидерландов). Народившееся независимое голландское купечество стремилось установить свои торговые связи с заморскими территориями, но им мешали бороздившие океаны пираты из признанных европейских морских держав — Англии и Испании, представляя реальную угрозу голландским торговым кораблям.

Северным путем в Индию и Китай

Желая наладить торговые связи с Юго-Восточной Азией — Индией и Китаем (откуда европейские

купцы везли драгоценные камни, чай, ценные породы дерева, пряности) и обезопасить свои купеческие суда, голландцы решили наладить отправку торговых караванов в обход кишащих пиратами Атлантического и Индийского океанов, — вокруг северного побережья Евразии. Идейным вдохновителем этой и ещё двух последующих поисковых экспедиций стал знаменитый космограф Петр Планций. В 1594 году по почину амстердамских купцов и принца Оранского «были снаряжены четыре корабля для открытия удобного морского пути в царства Китайское и Синское». Корабли были снаряжены купцами и под завязку забиты товарами для торговли в Китае и Индии.

Открытие Новой Земли

Новая Земля была обнаружена неожиданно 4 июля 1594 г.: «под вечер Виллем Баренц при помощи своего астрономического креста (старинный угломерный инструмент для измерения высоты солнца) определил высоту солнца, когда она была наименьшей. Эти наблюдения были проделаны приблизительно в 5 или 6 милях от Новой Земли». Так в дневнике Геррита де Вера описывается географическое открытие крупнейшего в Евразии архипелага — Новая Земля. Пройдя небольшое расстояние вдоль берега новооткрытой суши, голландцы обнаружили и первый географический репер, объект, — вытянутый в море низкий мыс, который они назвали «Лангенес» (Длинный Нос). Отсюда голландские корабли двинулись вдоль берега на се-

► «Дом спасения» изнутри. Старинная голландская гравюра

▲ Побережье Ледяной Гавани, где в 1596-1597 гг. зимовали голландцы. Фото И.А. Мизина

◀ Корабль голландской экспедиции у берегов Новой Земли. Первая экспедиция 1594 года. Старинная голландская гравюра, Амстердам

▲ Голландцы впервые высаживаются на Новую Землю (1594 год). Старинная голландская гравюра, Амстердам

вер и северо-восток в надежде найти проход и обойти эту обширную сушу. На карту ложились новые географические названия.

Справедливости ради стоит заметить, что и до них не одно десятилетие сюда на промыслы ходили русские поморы из низовьев Печо-

ры и других поселений Архангельского Севера. Их маршруты простигались далеко на север архипелага, вплоть до Крестовых островов (несколько севернее 76° С. Ш.), знали они и многие географические пункты, открытые позже голландцами, но все их знания о крупнейшем архипелаге были на уровне рассказов. Возможно, они даже не представляли, что Новая Земля состоит из двух крупных островов. Поморы ласково называли Но-

► «Дом спасения» («Behouden Huys») на берегу Ледяной Гавани. На переднем плане — пасти, ловушки на песцов. Голландская гравюра 1598 года, Амстердам

▲ Постройка дома на берегу Ледяной Гавани. Сбор плавника. Старинная голландская гравюра

► Смерть Виллема Баренца по пути с Новой Земли в Европу. Картина Кристиана Юлиуса Портмана, 1836 г., Национальный морской музей, Лондон

вую Землю Маткой или Маточкой, подразумевая в её облике мать-кормилицу. Ведь они ходили сюда на промыслы — за морским зверем, рыбой и песцом, т. е. перспективными объектами торговли на Руси.

Но в Юго-Восточную Азию голландским мореплавателям пройти не удалось. Преодолеть ограничивающую с запада ледовитые ар-

▼ Весна 1597 г. Отплытие голландцев после зимовки в Европу, из книги В.М. Пасецкого

ктические моря Новую Землю и лежащие к востоку от неё акватории не удалось, непреодолимые льды встали ледяной преградой на пути.

Вторая голландская экспедиция

Эта неудача не смутила голландцев, и на следующий год они послали по тому же маршруту сразу семь каравелл. И вторая голландская экспедиция в поисках морского пути в «царства Китайское и Синское» окончилась неудачей. Казалось бы, после двух неудачных попыток голландцы отступят. Но голландские мореплаватели открыли арктических животных — белого медведя, атлантического моржа, дали их описание, сообщили миру о виденных ими птицах — казарках и прочих, первыми наблюдали гнездовые колонии на скалах, птичьи базары и многое другое.

► Встреча голландцев с русскими промышленниками. Старинная голландская гравюра

Третья экспедиция Баренца

В начале 1596 года «амстердамский сенат снарядил два корабля и нанял моряков». Выйдя из Голландии в мае, 7 июня они подошли к огромному массиву льдов, барражируя вдоль ледяных полей. Не зная, куда их занесло, европейские мореплаватели решили, что они у ледяных берегов Гренландии. Но на самом деле это были берега Западного Шпицбергена. Почти две недели голландские моряки плавали вдоль неизвестной земли. Тут их также преследовали белые медведи, на которых они с успехом охотились. 1 июля голландские корабли разошлись. Ведомый Гемскерком и Баренцем корабль двинулся на восток, к Новой Земле.

17 июля они подошли к уже знакомым им западным берегам Северного острова Новой Земли на широте открытого в 1594 г. залива Ломсбэй. Дальнейший маршрут корабля лежал на север. Голландцы оказались среди труднопроходимых льдов и белых медведей. Через два дня их корабль до-

◀ Памятный знак совместной русско-голландской экспедиции 1996 года к 400-летию третьей голландской экспедиции (памяти В. Баренца)

настолько сильным, что уже не помогали и широкие кожаные морские сапоги с овчинным носом, которые, по мнению голландцев, предназначались для работы в холодной воде. Голландцы старались без особой нужды не выходить из дома: сидели внутри, лишь охотники и караульщики по необходимости работали на морозе. Кое-кто пытался изготавливать тёплую обувь из песцовых шкурок. 31 декабря мороз был таким сильным, что сидящие внутри дома люди, греясь у очага, протягивали к огню ноги и не замечали, что подошвы на сапогах прогорали быстрее, чем согревалось тело.

Проблема продовольствия

Другой заботой зимовщиков стало продовольствие. Хотя на борту имелись бочонки с хлебом, солью, вином, бисквитами, сыром и прочей провизией, всё же европейские мореплаватели рассчитывали, что окажутся в южных широтах, где можно будет дополнительно разнообразить свой рацион. На деле же вышло иначе, и они застряли во льдах Арктики. Количество провианта постепенно иссякало, хотя прием пищи был ограничен двумя трапезами в день. Постоянным пополнением рациона служило мясо песцов, которых голландцы успешно ловили поблизости от своего дома. Они пробовали даже на вкус медвежатину, но, по неосторожности, видимо, употребив ее печень, получили сильнейший гипервитаминоз, заболели и отказались от неё в дальнейшем. Кроме того, в планы голландцев не входило провести остаток жизни на берегу Новой Земли, и они собирались по весне отправиться домой. Поэтому часть провизии всегда держали про запас, на обратный путь. 1 мая 1597 года мореплаватели сварили последний запас мяса.

Нападения хищников

Постоянной проблемой была и защита от практически ежедневных нападений белых медведей. Эти полярные хищники здорово отравляли им жизнь: звери устраивали засады и преследовали идущих на корабль и возвращавшихся оттуда обратно людей, залезали на судно и проникали в трюмы в поисках съестного, лезли на кры-

◀ Третья экспедиция, 1596-1597 гг. Голландцы перетаскивают на берег Ледяной Гавани лодки и провизию с затёртого льдами корабля. Старинная голландская гравюра

стиг мыса Желаний (позже это название трансформировалось в мыс Желания) — *Kaap Begeerte*, но сплочённые льды не позволили пройти на восток в Карское море. Тогда Виллем Баренц решил вернуться на юг к Вайгачу и, обойдя его, идти вдоль восточного берега Новой Земли.

Вынужденная зимовка. Условия выживания

Но 26 августа судно вошло во льды и, как оказалось в дальнейшем, навсегда осталось в ледяном плену. 11 сентября мореплаватели сошли на берег и приняли решение зазимовать. Залив, на берегу которого они решили провести зимовку, назвали Ледяная Гавань. За шесть недель они построили дом, названный ими «*Behouden Huys*» (Дом спасения). Строительного материала было мало, и в поисках плавника приходилось уходить за несколько километров. На саних брёвна сволакивали на место будущей постройки, из них собрали сруб, а для крыши и входа в дом использовали доски от палубы: их отрывали и по льду доставляли на сушу.

Для дополнительного утепления дома поверх деревянной крыши положили парус, который утяжелили камнями, чтобы не снес-

ло ветром. Внутри размещались пять лежанок, каждая на трёх человек; в центре горел открытый очаг. Дрова для отопления хранились снаружи. Проведённые несколько месяцев на берегу залива Ледяная Гавань были полны приключений и трагизма. У оказавшихся на берегу Ледяной Гавани голландцев было три главных заботы — продовольствие, поддержание тепла и защита от нападения белых медведей.

Поддержание тепла

У европейцев никакой теплой одежды не было, они оказались в Арктике в европейском платье и матросских кожаных сапогах, утеплённых овчиной изнутри. 4 ноября врач экспедиции соорудил своеобразную ванну для согревания тела. В поставленной вертикально бочке сбоку было вырезано прямоугольное отверстие, куда заливалась горячая вода, а затем туда залезал человек. Никаких одеял у голландцев тоже не было, поэтому 18 ноября капитан рискнул посягнуть на находящийся в трюмах товар, взятый под его личную ответственность и предназначенный для продажи в Китае, — на тюки толстой шерстяной материи. По его распоряжению каждый получил кусок шерстянки.

Арктический мороз пробирался везде и доставал зимовщиков ежесекундно и в доме, и «на улице». В конце ноября они начали охотиться на песцов, решив добывать тёплый мех и из них пошить себе шапки. С этими шапками они не расстались вплоть до самого возвращения в Амстердам. К 11 декабря мороз стал

▲ Карта западного побережья Новой Земли с нанесёнными на неё голландскими названиями (по результатам плаваний В. Баренца) из европейского атласа 1664 г.

► Моржи на одном из открытых голландцами в конце XVI века Оранских островов. Фото И.А. Мизина

шу дома, ломались в дверь, атаковали и одиночных моряков, и группы. Такие нападения были днём и ночью. Поэтому зимовщики всегда выставляли караулы из «сторожей-наблюдателей» и убивали хищников при малейшей возможности, хотя применяемые ими способы охоты — топоры, пики, мушкеты, небольшие свинцовые пули — годились разве что на кабана или оленя. Им приходилось выпускать по много пуль, прежде чем удавалось завалить очередного «врага». С убитых зверей голландцы снимали шкуры.

На весельных лодках

В конце зимовки, когда уже казалось, что многие лишения позади, наступило короткое полярное

лето и замаячило скорое возвращение домой, заболел самый опытный из мореплавателей, душа и лидер экспедиции Виллем Баренц. В мае 1597 г. зимовщики приступили к постройке двух лодок, чтобы возвращаться домой. 29 мая они начали готовиться к отплытию в Голлан-

дию. 14 июня всё было готово, в плавание взяли минимум вещей и провианта.

Путь в две тысячи километров на небольших весельных лодках среди арктических льдов, штормов и в полном безлюдье из Ледяной Гавани в Колу — это человеческий под-

▲ Остров Гемскерк, фото И.А. Мизина

◀ Одна из первых карт Новой Земли, составленная на основе плаваний голландцев

распространённая в те времена среди мореплавателей цинга...

Позже они потеряли и часть провизии. Пристав к плавающей льдине и выгрузив на неё весь свой провиант, они не заметили, как льдина треснула. К счастью, южнее стали попадаться колонии гнездящихся морских птиц. Голландцы забирались на отвесные скалы, собирали на базарах яйца и стреляли самих птиц. К этому времени закончились последние запасы вина, остался всего один литр. Но им чуть позже отпраздновали самое настоящее воскрешение из небытия, из ледового плена.

Спасение. Встреча с русскими зверобоями

26 июля обе лодки достигли пролива Костин Шар, где, о чудо, они встретили русских промысловиков-поморов, с которыми познакомились во время первой экспедиции в проливе Югорский Шар. Русские зверобои снабдили их хлебом и дали копчёных гусей. С ними же европейцы распили и последний литр вина. Отсюда, от западных берегов Южного острова Новой Земли, путь в Европу был уже проще, 4 августа голландцы были у берегов устья Печоры. 18 сентября мореплаватели оказались в Коле, где их взял на борт находившегося здесь второго корабля экспедиции Ян Корнелиус Рейп; он в начале экспедиции отказался плыть на восток и остался исследовать Шпицберген. В память о своем путешествии голландцы оставили жителям тогдашнего самого северного русского города одну из своих лодок; позже она ещё долго стояла здесь в гостином дворе. Другую же лодку голландцы привезли на родину, она до сих пор хранится как

национальная реликвия в Амстердаме, в морском музее.

Амстердам. Встреча мореплавателей

1 ноября 1597 г. жители города Амстердам наблюдали странную процессию. По ступеням дворца принца Морица Оранского поднимались 12 человек в износившейся зимней одежде и шапках из белых шкурок песка. Это были возвратившиеся из последнего, третьего, путешествия вокруг Европы и Сибири в поисках пути в «Китайское и Синское царства» моряки. Они направлялись в зал, где за большим столом их с нетерпением ожидали бургомистр, члены городского совета, канцлер и посол его Величества Короля Дании, Норвегии, готов и вандалов, консулы. Эти и другие официальные лица были приглашены во дворец для торжественного обеда в честь необычных приключений голландских мореплавателей в Арктике.

Итоги экспедиций Баренца

Для голландских купцов экспедиции не принесли прибыли. Но были открыты и составлены карты ранее неизвестных северных земель — острова Медвежьего, западных частей архипелагов Шпицберген и Новая Земля, островов Оранских, Штатов и др. По результатам этих плаваний на картах появились десятки новых географических названий и были определены их географические координаты. Голландцы выполнили первые в истории Арктики «океанологические наблюдения»: на всём протяжении маршрутов по Баренцеву морю и его границе с Карским. Они провели первую в истории европейцев зимовку в Арктике, подробно описали её события и осуществили беспрецедентное плавание на гребных лодках, пройдя от Ледяной Гавани до городка Колы в Русской Лапландии (современный Кольский полуостров). [1]

виг, равных которому до сих пор нет в истории мореплавания. Этот путь был омрачен несколькими трагическими событиями. Обогнув мыс Желания, голландцы потеряли своего командора Виллема Баренца; 20 июня он умер вместе со своим слугой. Причиной, видимо, была очень

Плохая погода — подруга авиапроисшествий

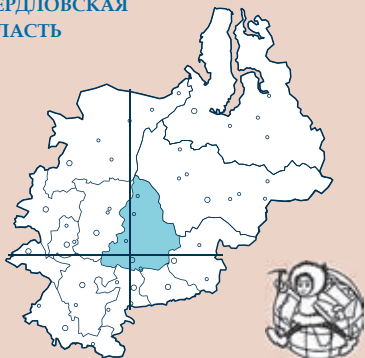
Забытые катастрофы на Урале

Юрий Мамонтов

В 1977 году закончил Армавирское училище летчиков. Служил в истребительной авиации ПВО. Летал на дальних перехватчиках в Заполярном Урале. Военный летчик 1 класса. Ветеран военной службы. Ветеран Труда.

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Автор благодарит за оказанную помощь, предоставленные уникальные фотографии музей Университета Гражданской авиации в Санкт-Петербурге, историка-исследователя, консультанта музея Геннадия Федоровича Петрова.

В октябре 1951 года пассажирский самолет Ли-2 по маршруту Адлер — Краснодар — Ростов — Воронеж — Пенза — Казань — Свердловск после неудачной посадки и пожара был найден в 18 км южнее города Богданович. До аэродрома Свердловска оставалось 17 минут полетного времени.

Этот случай уникален тем, что здесь сложились воедино и печаль, и ирония. Я где-то слышал, что *знать* путь и *пройти* его — не одно и то же.

Итак, 10-11 октября 1951 года пассажирский самолёт Ли-2 (бортовой номер Л4416, выпущен с серийного завода весной 1948 года) 3 авиаотряда Уральского управления ГВФ выполняет регулярный рейс 521 по маршруту Адлер — Краснодар — Ростов — Воронеж — Пенза — Казань — Свердловск. На борту пассажиры и груз. Правый пилот из другого экипажа. Два дня экипаж в условиях напряжённой работы. 14 часов в воздухе. Посадка в Казани 11 октября. Техосмотр и заправка топливом. В 22 ч. 59 мин. разрешили взлёт. Полётный вес — 10.733 кг.

Погода по маршруту до Свердловска: облачность сплошная, кучево-дождевая, нижний край 200 метров. Осадки. Видимость — 2 км. Ветер — до 25 км/ч. В облаках интенсивное обледенение. Командиры других экипажей выходили в эфир и предупреждали, что на маршруте очаги обледенения. Самолёт набрал высоту 2400 метров и продолжал полёт между слоями облачности. Но в итоге вошёл в облачность. Началось интенсивное обледе-

нение и стала падать скорость. Падение скорости может привести к сваливанию и входу самолёта в штопор. Поэтому командир экипажа, чтобы выйти из условий обледенения, запросил разрешение набрать высоту. Разрешение было получено. Метеослужба аэропорта Казани не смогла заблаговременно найти высоту полёта, на которой будет отсутствовать обледенение или оно будет минимальным. После вылета из Казани прошёл 1 ч. 15 мин. До Янаула полёт проходил над облачностью на высоте 3000 м.

В 23 ч. 33 м получена погода из аэропорта Кольцово (Свердловск).

В 00 ч. 30 мин. был пройден Янаул. Снова началось обледенение. В эфире сильные помехи радиосвязи — признак плохой погоды. Обледенение рвёт антенну радиокомпыаса (он показывает направление на приводную радиостанцию аэродрома), а та, в свою очередь, замкнула осталь-

◀ На экране БРЛС светятся значки: до цели менее 25 км, захват головок ракет произошёл, пуск ракет разрешён, выполнять прицельную горку

► Компьютерное моделирование лётного происшествия с помощью авиационного симулятора. Самолёт идёт на вынужденную посадку

ные антенны на фюзеляж Ли-2. Ухудшилась связь. Все попытки установить двухстороннюю связь с Кольцово безуспешны. Изредка экипаж всё же слышал эфир, но его — никто. Попытки настроиться на привод Кольцово ни к чему не приводят — стрелка ходит по кругу, сказывается обрыв антенны. Экипаж пока об этом не знает, но слышит позывные Морзе приводной радиостанции. **(Примечание автора:** в училище нам показывали, как определить направление на приводную радиостанцию при подобном отказе — нужно принудительно тумблером крутить стрелку прибора и фиксировать, когда индикатор даст всплеск сигнала. Это будет

◀ Перед касанием двигатели выключены

100 м. Он считает, что на такой высоте мала вероятность потерять визуальный контакт с землёй. Потом снижается ещё ниже. Расходует топливо на малой высоте.

При расследовании этого происшествия выяснилось, что диспетчер Кольцово не придал значения тому, что экипаж Ли-2 больше не выходил на связь. В 03 ч. 07 мин. случайно бортрадист экипажа сумел получить направление на Кольцово. Командир разворачивает самолёт на 180 и ложится на запад на курс 260 градусов. Под крылом открылся хорошо освещённый населённый пункт. Командир: «Что за город? Назва-

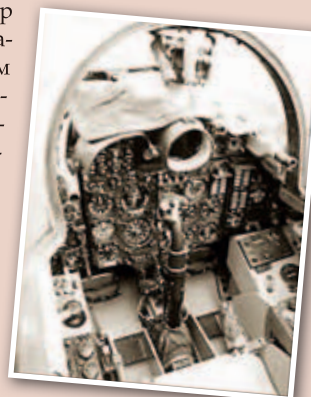
ние на полётной карте?». Но в ответ слышит: «У меня карта обрезана, мы за пределами карты» (этого я не могу ни понять, ни разъяснить читателям).

Командир видит освещённую фонарями железную дорогу и летит по ней на запад. Оценив сложившуюся на этот момент ситуа-

◀ Касание земли

Связь окончательно прекратилась и установить её в дальнейшем не удалось.

Командир понял — оборвало антенну. Приступил к снижению до 1800 м. На карте Уральские горы. Выходить под облака опасно. Командир экипажу: «Продолжаем идти на восток, там местность ровная, пробьём облака и опознаем своё место по ориентирам». В 03 ч. 00 м., идя на восток с курсом 75 градусов, самолёт пробил облачность. Но аэропорт Кольцово остался позади. Самолёт пролетел его. Высота 300 м. Идут осадки в виде мокрого снега. Командир принимает решение снизиться ещё до высоты

▲ Кабина перехватчика

◀ Посадка на болото

правильное направление).

Экипаж занят установлением радиосвязи и неоднократно запрашивает аэродром Кольцово. Связь установить не удаётся. Экипаж теряет точное своё местоположение.

По времени должны выйти на Кольцово. Случайно единожды в 01 ч. 44 мин. командир связался с диспетчером Кольцово и передал: «Отказал радиоконпас. Идём в облаках на высоте 3000 м». Диспетчер Кольцово: «Снижайтесь до 1800 м...».

▶ Карта с местом падения

◀ Мгновения после посадки
(из архива автора)

цию, командир принимает решение: «Экипаж, остаток топлива 50 литров. Этот остаток израсходуем на поиск площадки для вынужденной посадки. Посадку выполняем на «живот» с убранными шасси. Готовимся».

Посадка производилась в ночных условиях при снегопаде и очень плохой видимости. Площадка найдена. Парашютные осветительные ракеты ПАР-8 не сработали. Курс захода на вынужденную посадку 220 градусов. Перед касанием самолёт сбил несколько деревьев. После первого касания земли носовой частью и двигателями самолёт отделился и пролетел ещё 40 метров. Возник пожар.

Самолёт найден в 18 км южнее города Богданович. Посадка была произведена на болото площадью 200x200 м с кочками высотой до 50 см. До аэродрома Свердловска оставалось 17 минут полётного времени. Плохая погода — подруга авиaproисшествий, особенно ночью.

Вспоминаю... После окончания училища в 1977 году я прибыл в полк. Предстояло переучиться на месте

на новый одноместный сверхзвуковой истребитель-перехватчик. Программу гнали быстро. В истребительной авиации ПВО всё подчинено одному — как можно быстрее подготовить лётчика к заступлению на боевое дежурство. Дежурили круглосуточно. Пара самолётов днём, пара ночью. Время вылета из готовности минимально. Но для заступления на дневное дежурство предстояло выполнить ракетные пуски на полигоне по мишени. Тогда и только тогда молодому лётчику доверят дежурство днём. На это отводилось много меньше 12 месяцев.

Полк перебазировался на приграничный аэродром маневра. Стрельбы на Забайкальском полигоне. Небольшая подготовка на месте. Изучение района полётов. Рядом граница государства, с которым мы не дружили. А если честно — готовились дать, в случае необходимости, сильный отпор.

Я в воздухе. Полигон подо мной. Вышел на боевой курс. Произвёл пуск ракеты. Цель горит и падает. Разворот на аэродром вылета. Командный пункт (КП) через некоторое время даёт мне снижение и дальность до аэродрома не ту, которую я предполагаю по своим расчётам. Выданная дальность от КП много меньше. Я выполняю коман-

ду и приступаю к снижению. А в голове вертятся мысли: как я так быстро вышел в район аэродрома посадки, неужели попал в струйное течение? Показания навигационных приборов поставил под сомнение. Есть первая ошибка! Дальше ещё хуже. КП даёт указание развернуться на север от аэродрома. В итоге: при занятии указанной высоты метка моего самолёта на экране радиолокационной станции была потеряна.

А было вот как. Один из самолётов моего одноклассника проскочил аэродром и вышел в район границы. Была приведена в состояние готовности вся система приграничного ПВО. Эфир взорвался. Видя это и поняв всю опасность, мой товарищ развернулся самостоятельно на север от границы и дал по газам.

И в это время КП путает позывные самолётов. Фактически видя

и ведя самолёт моего товарища, стал давать команды моему позывному. Я добросовестно стал их выполнять. Но и это не всё. Командный пункт разворачивает меня (мой позывной) на 180 градусов, на север. Я выполняю. Обалдев от неразберихи, я начинаю думать, что нарушил государственную границу. У меня документы аэродромов, командных пунктов и много-много такого, за что враг, получив это, будет радоваться, а друзья проклянут навеки. Фактически я шёл от аэродрома и был далеко от границы. Топливо катастрофически уменьшается. Ну и где я? Теперь уже КП запросил меня о месте: «Ваш азимут и дальность?».

Я окончательно понял, что моё будущее в моих руках. Вывожу обороты двигателей на максимальные и набираю высоту 4000 метров. Вы-

щей). Топливо тает на глазах. Разворачиваю самолёт на юг на свой аэродром. И, невзирая на указания в эфире, иду уверенным шагом домой. Вижу взлётно-посадочную полосу. Топлива кот наплакал. Устанавливаю связь с руководителем полётов, получаю необходимые данные для захода на посадку. Выполняю посадку.

После заруливания в моей кабине снимают показания остатка топлива. Обстановка накаляется. Заместитель командира эскадрильи капитан А. Пройда, отведя меня в сторону: «Делай невозможное, но доставай магнитофонные плёнки! Бегом! Доложишь лично!» К сожалению, начали уничтожать записи. Но я сумел правдами и неправдами на чужом аэродроме вытащить отдельные магнитофонные

плёнки. Докладываю А. Пройда: «Никому не говори. Отдашь мне, когда вернёмся». Вернулись домой. Готовится разбор ракетных стрельб полка. Рисуется схемы. На одной из схем мой полёт. Начальники крайним делают меня. За 30 минут до начала разбора А. Пройда забирал у меня плёнки и несёт их для прослушивания командиру полка. Разбор задерживается. Все сидят в гарнизонном клубе. Через некоторое время входит командир полка. Поднимает меня. «За проявленное мужество, грамотные действия при возникшей нештатной ситуации...»

В дальнейшем я очень тщательно готовил полётные карты, даже тогда, когда у меня появился штурман на дальнем перехватчике. И главное — всегда надеялся на свои силы и знания. **УС**

сота 4000–6000 метров — это высота, установленная для восстановления ориентировки. На этой высоте наиболее быстро можно по наземным ориентирам понять своё местонахождение, да и мой самолёт уверенно увидит РЛС-станции (**Примечание автора:** самая трудная ориентировка на малых высотах). Перехожу на канал пеленгации (4). Запрашиваю пеленги у приграничных аэродромов (курсы на каждый из аэродромов). На пеленгаторах находятся солдаты-срочники. Получаю пеленги. Переносю их на полётную карту, которая под рукой и ... дальше вхожу в ступор. Я далеко от аэродрома посадки. (Нужно сказать, что и с той стороны границы мне с азиатским акцентом дали курс с целью нарушить государственную границу. Отмечаю, что на наших аэродромах солдаты-пеленгаторщики подбирались с хорошей русской дик-

www.uralstalker.com

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ В ВАШИХ РУКАХ!

Малый и большой бассейны Спортивного центра «Верх-Исетский» ждут вас!
Обучение плаванию детей (от 1 года) и взрослых, свободное плавание,
работа в группах и индивидуальные занятия.

СПОРТИВНЫЙ ЦЕНТР

Верх-Исетский

ул. Кирова, 71

тел: (343) 242-54-12 www.vizsport.ru

Повар встает раньше всех

Питание в походе

Часто начинающие туристы не уделяют достаточно внимания вопросу подготовки еды, а между тем питание на маршруте играет огромную роль. Небольших походов это касается в меньшей мере, а чем длиннее маршрут — тем важнее роль питания.

Не только тушенка

Каждый выход на природу — это стрессы. Природная среда, не всегда благоприятный климат, отсутствие комфорта, непривычная физическая и психологическая нагрузка и так далее. А чем больше стрессов, тем больше вероятности сделать ошибку, травмироваться или, как минимум, получить не такие хорошие впечатления от похода, как хотелось бы. Ведь часто мы тратим немалые средства на походы, и естественно, от похода хочется «получить» по максимуму.

На плохую погоду, сложность местности мы не можем повлиять. Но те стрессы, которых можно избежать, — нужно устранить! Один из них — это питание.

При слове «поход» в голове у большинства непосвященных возникает образ гречки, макарон и тушенки. Но есть ли смысл каждый день две недели есть гречку и не тяжело ли тащить тушенку?

Я придерживаюсь такого принципа: каждый день должны быть разные блюда. Даже если какие-то повторяются, то они раскиданы на несколько дней друг от друга.

Сушеные продукты облегчат рюкзак

Продукты — это одна из основных частей веса рюкзака. А веса много быть не должно. (Послабления могут быть на некатегорийных сплавах или автопутешествиях, вези — сколько вле-

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Никита Ватин

Инструктор по спортивному туризму, со-основатель турклуба «Первая вершина». Организовал более 200 походов по Уралу и Сибири.

Фото Ольги Уколовой
и Юрия Вечканова

▲ Приготовление ужина

▼ Пищевые модули

▲ Суп — английский стю

▲ Гороховый суп с копченостями

зет!). И сушеные овощи как раз очень облегчают ношу. Например, на Алтае, в походе по Северо-Чуйскому хребту на один из ужинов у нас был суп английский стю. На команду из 13 человек весил он всего 630 грамм, из них 180 грамм — овощи, остальное — мясо. Разумеется, в сушеном виде.

Хорошим подспорьем в подготовке питания для длительного похода является электросушилка овощей. Без нее можно обойтись, но с ней количество блюд увеличивается в разы! Кроме того, можно сушить мясо. Уменьшение в весе происходит на 70 процентов. Еще был опыт сушки консервированных овощей, грибов, жареных полуфабрикатов, надваренной фасоли,

стручковой фасоли. Для чаев и напитков сушили имбирь, лимоны и апельсины. Процент усушки отдельных овощей доходит до 90 и более процентов. Важно помнить, что мясо должно быть нежирным и по возможности без прожилок, потому что жир может прогоркнуть. Хорошо подходит индейка и говядина.

Некоторые сушеные овощи можно купить в обычных магазинах, а сушеное мясо и сублимированные полуфабрикаты — в специализированных.

С сушеными продуктами ваш рацион в походе будет разнообразным и очень много нести не придется.

Модульная система

Для больших походов еда пакуется в отдельные модули. Модуль представляет из себя мешок с набо-

ром продуктов на один конкретный прием пищи. Модуль запакован в вакуумную упаковку либо в пищевую пленку, чтобы не отсыреть во время дождя, падения в реку или других незапланированных внезапных попаданий воды. Вся еда в модуле по граммам — на конкретное количество человек в походе. В спортивном туризме за норму считается 650 граммов еды на человек в день. Меньше — в более сложных или длительных походах, где нужно максимально экономить вес.

Я подписываю каждый модуль — дата, завтрак/обед/ужин и вес. Такая система позволяет легко распределять вес между участниками похода, быстро находить продукты и вести учет всего питания. У меня с собой еще всегда распечатка — какие продукты в каком модуле. При необходимости можно легко перестроить меню на ходу. Пара модулей содержат дополнительное питание на случай непредвиденных обстоятельств.

В наших походах ответственный за питание, он же повар — один человек. Он знает всю раскладку, когда и какие продукты использовать. На помощь ему выделяются дежурные — они следят за костром. Например, пока повар следит за едой, дежурные могут отойти от лагеря насобирать дрова. Также в обязанности дежурных входит набрать воду в котлы для готовки и помыть котлы после еды. Чаще всего повар и дежурные встают раньше всей команды. ☑

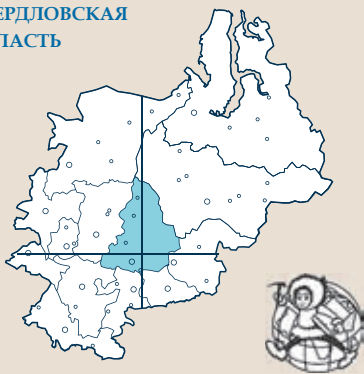

Евгений Ватагин

Персональный тренер. Кандидат в мастера спорта по пауэрлифтингу. Призер областных соревнований по боксу и армрестлингу. Проходил военную службу в морской пехоте. Активный покоритель лесов и гор.

Фото автора
и Юрия Вечканова

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Сплавы любят почти все. Это отличный вариант активного отдыха, во время которого можно не только насладиться отличными видами природы, но и хорошо погрести. Гребля — великолепное упражнение для улучшения координации и развития мышц спины и туловища.

Используйте асимметрию

Упражнения полностью естественно, а значит, благотворно влияет на ваше тело и разум. Классическая гребля представляет собой тяговое движение, и концентрическая (активная) фаза должна выполняться на вдохе, когда происходит раскрытие грудной клетки. А эксцентрика или расслабление — на выдохе.

Весьма важно при гребле использовать асимметричные движения. В большей степени даже использовать неудобную для вас руку и посадку.

Это поможет адаптировать ваш мозг и тело к симметрии. А это очень важный аспект с точки зрения здоровья.

Поэтому, отправляясь на сплав, не стремитесь всегда все делать с удобной для вас стороны, а пытайтесь включать в работу отстающие части. Это будет чрезвычайно

На здоровье!

полезно, и вы адаптируетесь гораздо быстрее, чем думаете.

Готовьтесь на суше

Чтобы на сплаве не стать «слабым звеном», можно подготовиться на суше. И движение будет понятнее, и живот с ногами станут стройнее, подтянутее, с более четко выраженными мышцами.

Гребной тренажер — это удивительный тренажер: он будет с тобой «нежен», когда ты неспешно тянешь рукоять, а может отправить тебя в «красную» зону за 20 секунд, если ты будешь дергать очень сильно. **VC**

www.uralstalker.com

Тренировки

Преимущества гребного тренажёра относительно других:

- Отсутствие ударной нагрузки. Это позволяет выполнять длительные сессии, не боясь за свои суставы.
- Горизонтальное рабочее положение (подойдёт людям с варикозом, крайней мере, не делает хуже).
- Включение в работу не только мышц ног, но и активная работа спины и рук (только не надо путать с горизонтальным блоком, меня аж передергивает порой от вопроса «а лопатки надо сводить?». Можно, конечно, сводить, если делать гребки 3 серии по 12 секунд, а если предстоит «проплыть» 5000 метров, то мышцы спины не оценят ваши старания).

Дистанции и интервалы:

- 1000 м — лучшее время 3:05 (сопротивление на гребле на отметке 8);
- 2000 м — лучшее время 6:45 (сопротивление на гребле на отметке 6).

Количество интервалов/работа/отдых:

- 3–5/30/30
- 3–5/60/60
- 3–5/250–500 метров/180–240 секунд

*время в секундах

Теперь про то, как тренироваться, чтобы и выглядеть неплохо, и выносливостью обладать внушительной. Вот примерный план работы на месяц.

Делаем замер 1000 метров на время. Допустим, результат 3:25, получили средний темп 1:43.

1 неделю делаем 3 интервала 60/60 с темпом 1:40–1:45.

2 неделю — 4 интервала 60/60, темп сохраняем.

3 неделю — 5 интервалов 60/60, темп тот же.

4 неделю делаем повторный тест и наслаждаемся лучшими результатами.

И гребите на здоровье!

«Майский экстрим»... в сентябре

19 сентября в Екатеринбурге прошел молодежный туристский фестиваль

Почти полторы тысячи школьников, студентов, взрослых
приняли участие в традиционном фестивале
«Осень «Уральского следопыта».

Назло ковиду

Да, COVID-19 изменил жизнь всего мира и нашу «следопытскую» жизнь тоже. Отменились запланированные походы, экспедиции у сотрудников и авторов журнала. Разъехались по разным городам перешедшие на дистанционное обучение в своих вузах члены Молодёжного клуба РГО «Уральский следопыт». Под запретом, как и все массовые мероприятия, оказался традиционный фестиваль «Майский экстрим», который ежегодно проходил уже аж 22 раза.

Поэтому, когда были сняты ограничения по карантину, было принято решение — совместить два мероприятия: «Майский экстрим» и «Осень «Уральского следопыта»». И пусть проведи их

в один день совсем непросто и технически, и организационно, к тому же, ужесточились требования по проведению массовых мероприятий, вопроса «А, может, не надо?» не возникало вообще!

Какая же осень на Урале без «Осени «Уральского следопыта»? И как же Екатеринбург без «Майского экстрима», пусть он и ... в сентябре?!

«Понравился финиш с мороженым!»

86 разновозрастных команд в течение трех часов на 60 разных этапах квеста «Великая экспедиция» выполняли разные задания: разгадывали загадки, пели песни, ориентировались на местности, пилили дрова, разводили и тушили в центре города костры,

пользовались навигаторами и определяли уральские минералы, представителей флоры и фауны, принимали сигналы азбуки Морзе, переправлялись по всевозможным навесным переправам и многое-многое другое. Были задания на этапах уже знакомые и любимые постоянными участниками. Были и совершенно новые — например, детская парусная флотилия «Флагман» приготовила задания по творчеству знаменитого уральского детского писателя Владислава Крапивина.

Наши судьи и волонтеры не только отличные специалисты, умные и творческие, но и мужественные люди.

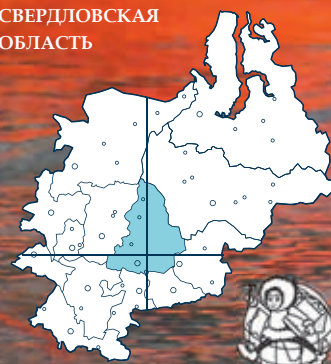
— Вы тут не мерзнете? — спрашиваем у девочек-волонтеров, которым

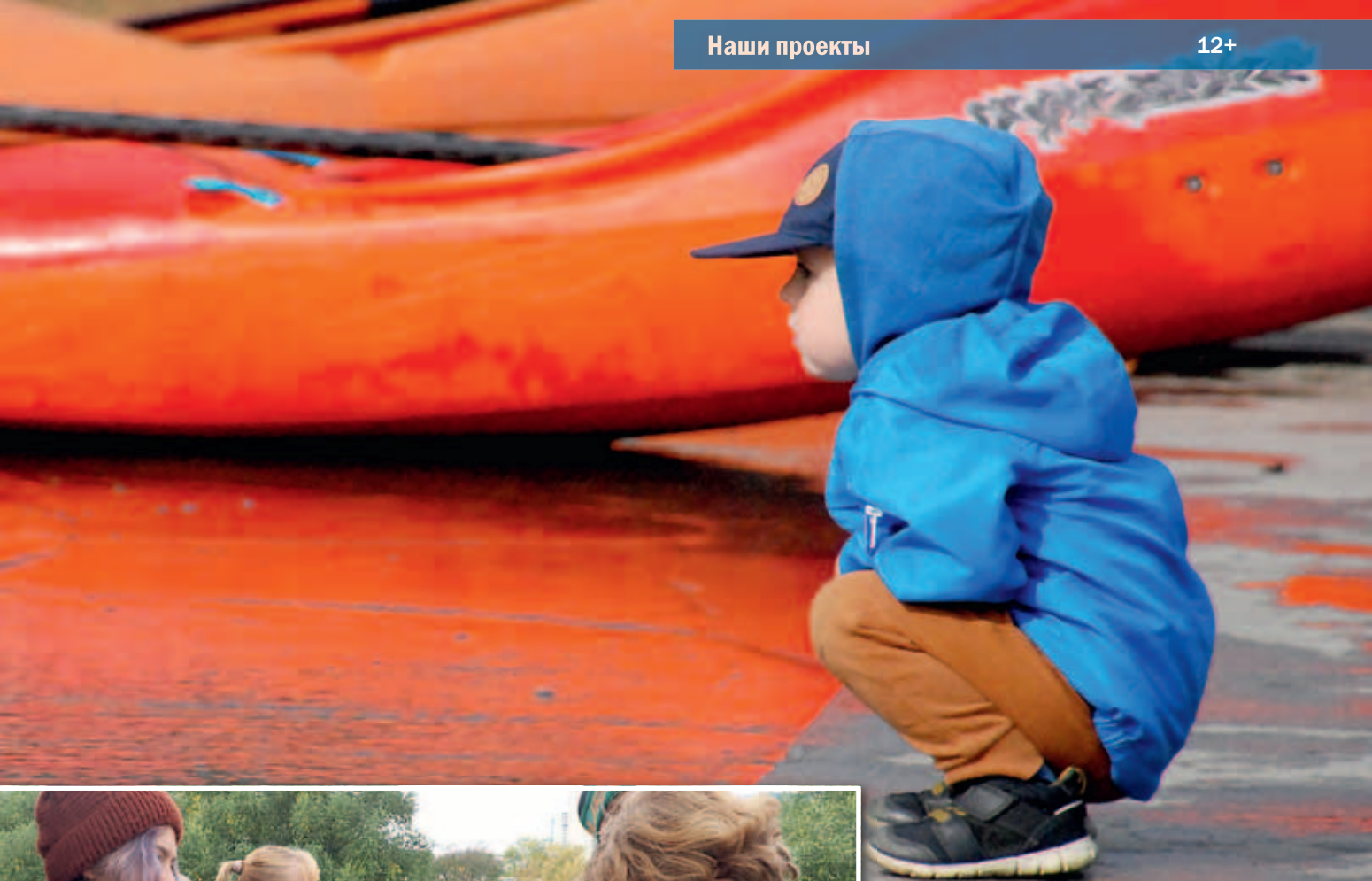
Наталья Дудко

Редактор раздела «Встречный ветер»,
член Союза журналистов России.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Уральский следопыт, октябрь 2020

достался этап на мосту, где ветер со всех сторон и некуда укрыться от него и брызг от воды.

— Нет! Нормально все! — отвечают девочки и продолжают терпеливо работать с командой, которая на портретах известных людей, в честь которых

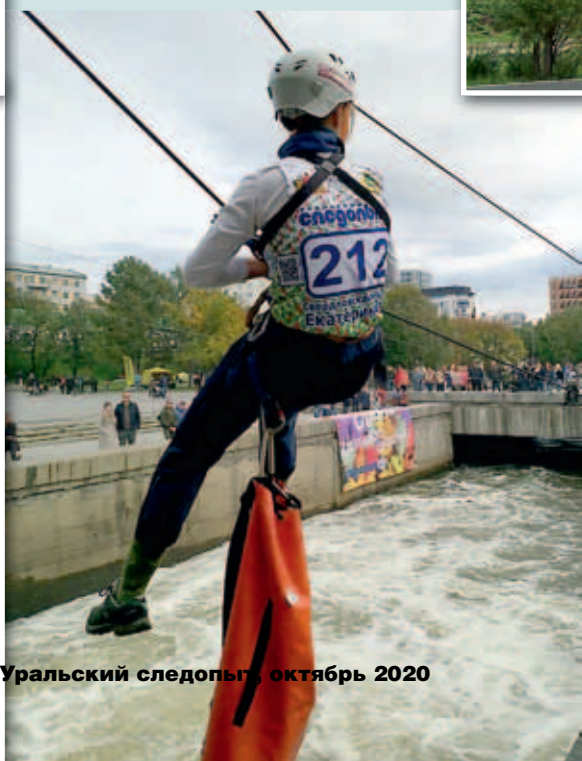

названы улицы Екатеринбурга, узнала только космонавта Гагарина.

Судьи и волонтеры на этапах не просто судят и ставят баллы, а еще и учат ребят, рассказывают, показывают, искренне радуются правильным ответам и хорошо выполненным заданиям и переживают, если что-то не удается.

– Ты большой молодец! Умница! Угадал медоеда! Из всех команд это все-

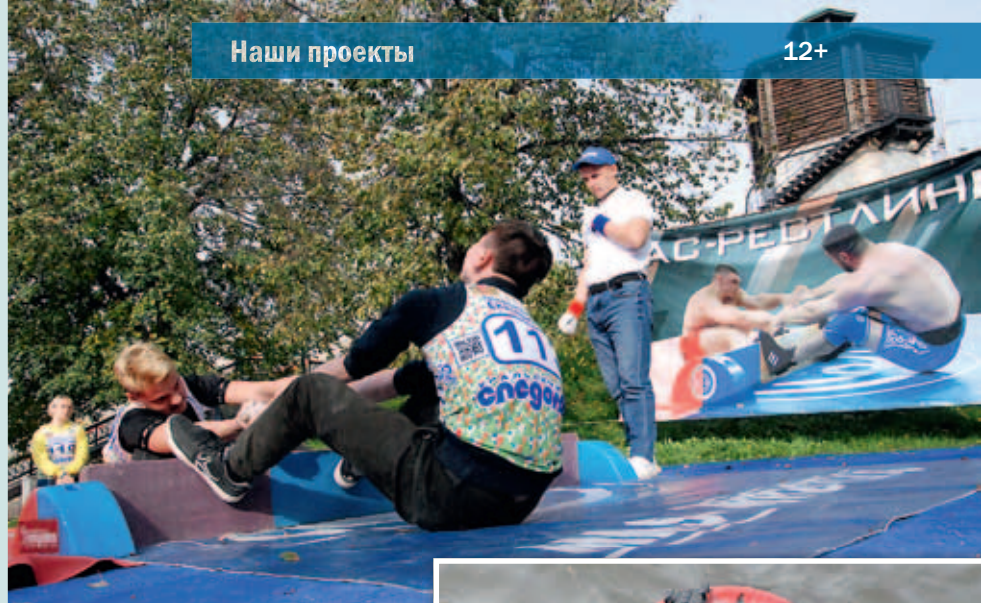
го второй человек, кто узнал на картинке медоеда, — не могут нарадоваться знаниям одного из участников на этапе сотрудники природного парка «Оленьи ручьи».

— Мамочка, да бросьте Вы снимать их на телефон, помогите лучше! — судья волнуется за двух небольших девчушек, которые на его этапе вдвоем пилят большое бревно.

— Не надо! Мы сами сможем! — хором отказываются от помощи мамы девчушки и продолжают старательно пилить.

— Не жил пещерный человек в пещере — там холодно, сыро и дышать нечем. Запомните это! — говорит участникам одной команды Николай Геннадьевич Ерохин, заведующий музеем Института экологии растений и животных Уральского отделения Российской Академии. — Не надо верить всему, о чем пишут. Надо думать самому!

Кажется, за три часа квеста ребята узнали так много нового, много чему научились. Но главное, они учились

мечаются спелеологи. И — «водная» часть фестиваля! Ралли, канополо (слышали о таком виде спорта?!), каяк-кросс.

Болельщики едва-едва успевают следить за всем происходящим, ничего не пропустить — потому что интересно все!

са, но и с кормы катамарана, из-за зарослей ивы, с поверхности реки Исети (или даже с ее дна) — изнутри водоносной артерии нашего города. Адреналин зашкаливает при наборе даже небольшой скорости — и в этот момент захватывающее чувство, когда нос катамарана отрывается от поверхности воды, и ещё другое — преодоление водного переката, которое ждешь как резкое падение, а фактически оказывается таким мягким переходом, что привычное отклонение корпуса при таких преодолениях оказывается ненужным. В общем, Viva «Майский экстрим», до встречи в следующем году! **УС**

взаимопомощи, взаимовыручке, учились быть единой командой.

По окончании квеста собираем мнения команд об этапах, выясняем, какие были самыми интересными и полезными. Оказывается, все этапы нашли своих «поклонников».

«А мне понравился финиш с мороженым!» — ответил один из опрашиваемых. Ну тоже хорошо!

«Viva Майский экстрим!»

А в это время толпа азартных болельщиков собралась на площадке, где проходят тоже уже ставшие традиционными соревнования по масрестлингу. В створе плотины над бующим потоком туда-сюда пере-

— Мы каждый год ходим на мероприятия «Уральского следопыта», — делится семья екатеринбуржцев, — всегда с нетерпением ждем. Здесь всегда весело, активно, экстремально, но очень душевно.

— Телефон разрядился, не успела все снять, — чуть не плачет девушка-первокурсница, приехавшая из области в Екатеринбург учиться, — первый раз такое вижу!

А вот что говорят сами участники. Денис Левашов (турклуб «Рифей»):

— Для меня участие в «Майском экстриме» — это повод побывать там, где не бывал, возможность взглянуть на Екатеринбург не только глазами пешехода или из пыльного окна автобу-

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www uralstalker.com

Октябрь 2020

Аэлита

50

ЮНИЙ ГОРБУНОВ
Ушел Крапивин...

50

52

Законы Вселенной

АЛЕКС РАЕН
«Пробуждение»

52

67

Координаты чудес

ГАЛИНА ШЕСТАКОВА
Санька

67

78

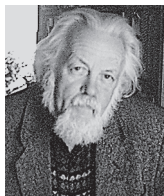
Сумма технологий

БОРИС ДОЛИНГО
Руководить должны умные

78

Ушел Крапивин...

Юний Горбунов

В ту ночь мой ангел толкнул меня от сна в половине четвертого. Даже для ранней пташки это было слишком. И сна ни в одном глазу. Но как-то бодро думалось. Несколько часов спустя я узнал, что еще живым застал Владислава Крапивина.

Мы не дружили и даже, кажется, не приятельствовали. Я не был эпигоном его сказово-фантастического творчества и даже вообще фантастики, предпочитая историческую прозу, художественное краеведение. Но сейчас, оказавшись вдруг по возрасту последним могиканином «Уральского следопыта», могу же позволить себе слегка пошустрить в «посудной лавке» соседнего с краеведением отдела.

В. П. Крапивин и «Уральский следопыт» — интереснейшая тема для исследователя его творчества. Она началась на самой заре «Следопыта» второго разлива (первый был в 1935-м.). Славе Крапивину не исполнилось и 22-х лет, когда в журнале появился первый его очерк «Табакерка» (1960. № 5).

Для писателя, а для начинающего особенно, сильно важно, ждут ли его новинки и где их ждут. А «Следопыт», думаю, его всегда ждал и всегда обеспечивал ему читателя. Не потому ли уже в 60-е год за годом шли у нас его очерки, рассказы и повести: «Ветер», «Я иду встречать брата», «Риск», «Ночные поезда», «Железная ловушка»... Журнал и молодой писатель Крапивин изначально оказались, как говорят, одного поля ягоды.

Но когда пришла к нему на Урале и в стране заслуженная популярность, ждущих стало больше. Уже в начале семидесятых Слава Крапивин (для его читателей он всегда оставался Славой) был членом редакционной коллегии не только «Уральского следопыта», но и всесоюзного журнала «Пи-

онер». И всё, выходявшее из-под его пера, делили между собой эти два популярнейших российских журнала. Культуролог С. Б. Борисов считает, что образ-понятие «крапивинский мальчик», «мальчик со шпагой» вызревал в повестях и романах писателя в 1965–1982 годах. Думается, что и для «Следопыта» это были наиболее «крапивинские» годы. Здесь увидели свет «Баркентина с именем звезды», «Дети синего фламинго», «Голубятня на желтой поляне», «Острова и капитаны»... Перечень можно длить и длить. А в начале тех же 60-х в Свердловске рядом со «Следопытом» и, конечно, в русле его тематики возникло олицетворенное произведение писателя — детский разновозрастный отряд «Каравелла». В 1981-м журнал и свердловское отделение СП РСФСР инициировали создание всероссийского фестиваля фантастики и премии «Аэлита», лауреатом которой в юбилейный для журнала (второго разлива) 1983 год стал В. П. Крапивин. В тяжелые перестроечные годы «Аэлита» после паузы возродилась благодаря стараниям писателя-фантаста Бориса Долинго, ныне возглавляющего отдел.

А тогда, в восьмидесятых, в редакции, помню, царил культ писателя и командора «Каравеллы». По году в журнале делала отечественная фантастика и ее апостолы во главе с держателем жанра. Оборону и марку они блюли крепко. Если кто-то сомневался в журнальной первостатейности фантастики, то попадал под вежливо-непререкаемое перо критика и заведующего отделом Виталия Бутрова или его оруженосца живой энциклопедии фантастики Игоря Халымбаджи. Сомневающиеся в морской компетентности командора «Каравеллы» рисковали поиметь дело с профессиональным боцманом, не раз обогнувшим земной шар на бригантине, а ныне писателем и художником-маринистом Евгением Пинаевым, ху-

дожественным редактором журнала. А если кто-то, помимо художницы и педагога Евгении Ивановны Стерлиговой, осмеливался предложить иллюстрации к очередной повести Крапивина, это считалось просто неприличным, и первый «мальчик со шпагой» был вправе вызвать самозванца на дуэль.

Главный редактор С. Ф. Мешавкин дышать на них боялся. Даже обкомовское начальство терпело небывалый разгул фантастики, держа в уме полумиллионный тираж журнала. (Иные читатели, не успевшие подписаться, соглашались получать в придачу к «Следопыту» газету «Правда» или «Известия»).

«Крапивинские мальчики» — фантазеры и романтики, умеющие в то же время защитить слабого и встать на сторону добра, такие непонятные и беспокойные для обывателя, буквально сказать, покорили несколько поколений подростков не только в нашей стране. В романах и повестях Крапивина много фантазии, сказки и вымысла, но его «мальчики со шпагой» не выдумка, они выпестованы в жизни им самим. «Когда я писал «Мальчика со шпагой», — читаем в посвящении, — рядом со мной, вместе со мной рос и работал отряд юных моряков, юнкоров и фехтовальщиков. Не будь этих ребят — не было бы и книги». Эти строки он мог предпослать очень многим своим романам. Обозревая сотворенное им — прозаиком, поэтом, педагогом — понимаешь, что не жизнь его оборвалась, а жертвенно и ярко сгорела близкая к нам звезда.

У нас не принято словосочетание «народный писатель». Но если бы было оно в ходу, В. П. Крапивин виделся бы мне в ряду с Василием Шукшиным, Владимиром Высоцким... Их сблизает то, что они шли по жизни, писали и пели, ни на кого не оглядываясь и ни по кому из современников не равняя шаг.

Ушел Крапивин...

«Пробуждение»

Алекс Раен (псевдоним)

Творческий псевдоним супругов Анастасии и Рубена Енгибарян. Анастасия родилась в 1995 году в городе Калуга, по специальности филолог, окончила КГУ им. Циолковского. Рубен родился в 1987-м в городе Ереван, по образованию — программист, выпускник РГГУ. В настоящее время супруги живут в Калуге, преподают английский язык и пишут рассказы. Любимый жанр авторов — фантастика во всех её проявлениях. Под псевдонимом «Алекс Раен» выходили в финал сетевых конкурсов на площадках «Квазар», «Фансты.ги» и других. Любимые писатели: Ден Симмонс, Сергей Лукьяненко, Рей Бредбери и Артур Коплан Дойл.

Сны были разные: иногда яркие, полные деталей, иногда невнятные, где события мелькают друг за другом, как куски из старых фильмов, были сны-воспоминания, а порой и просто бред из подсознания. Но все они оставляли тёплое чувство — чувство истомы. Чаще всего я видел Орбитальный Комплекс, сияние его городов и космопортов и громаду Марса внизу — даже во сне я чувствовал себя небожителем. Но сейчас мне снилась Земля: я шёл по грязному и тесному проулку между домами и поглядывал на часы — скоро будут менять батареи силового купола и можно будет проскочить на ту сторону. На улицах никого не было — люди вкалывали до поздней ночи. Жить в Полисе дорого, но лучше, чем за куполом, где ураганы и солнечные лучи день за днём убивают всё живое.

По улице разнеслась сирена, на небоскрёбах зажглись огромные красные прожекторы, и сразу стало как-то темнее. Я бросился к выходу из туннелей и вступил в кварталы за куполом, дома там стояли белые — выбеленные кислотой и ветрами, как огромные скелеты. За ними чернело море и старенький причал. В этой воде, под толстым слоем мусора, была жизнь, её приносило течение с дальнего севера, где таяли древние льды. Я побежал по железным, выщербленным балкам к воде, покрытой мутно-коричневыми пятнами, остановился у самого края и стал искать участок чистой зеленоватой глади. Там может мелькнуть что-то светлое и появится дельфин — большой, с серебристыми плавниками, умной головой и блестящими чёрными глазами. Он был тем гостем из-за купола, которого я ждал. Когда я приходил на причал, он выпрыгивал из воды и махал плавниками. Но сегодня он не появился. Я перелез через балки причала и пошёл по полосе мусора и руин вдоль воды и, когда собрался повернуть к городу, заметил что-то на рухнувшей стене старого дома. Там лежал дельфин. Его глаза стали белыми изнутри, как у слепого, и гладкая кожа,

покрытая грязным коричневым налётом, больше не блестела. Я подошёл к нему и прикоснулся ко лбу — плоть в раскрытой пасти почернела и начала гнить.

Я встал и побрел обратно, под купол. Сквозь пелену слёз, которые жели не хуже, чем кислота, проступила неоновая вывеска — «Голосуйте за комитет «Новая Земля» на 129 выборах в сенат». Нет. Этого плаката здесь не должно быть, «Новая Земля» появятся только через 4 года, когда я вырасту и гиперзонды полетят к другим системам. А потом построят наш корабль. Корабль...

Просыпаться в коконе всегда мерзко: внезапно понимаешь, что находишься в огромном стальном яйце, полном вязкой жидкости, внутри темно, только по сторонам горят зелёные огни. Помню, как первые два года в панике пытался выбраться, глотнуть воздуха, хотя лёгкие давно притерпелись к раствору — не захлебнёшься. Но со временем ко всему привыкаешь, даже к тому, что ненавидишь.

В этот раз не все сектора горели зелёным — значит, кораблю что-то от меня надо. Я надавил на красный индикатор и взглянул на экран — «Палуба С. Отсек С-5.2. Лампа аварийного освещения».

Чёртов корабль, считает меня техничкой — сменишь лампу, починишь вентиляцию, поменять проводку... Хорошо, хоть полы не заставляет мыть. Я потянулся к индикатору, шунт в правом виске глухо завибрировал, и сознание на секунду ухнуло во тьму.

Я открыл глаза и вдохнул полной грудью. Лёгкие приятно покалывало, и я с наслаждением вытянулся на столе, ощущая кожей холод стали, потом спустил ноги на резиновый пол, встал, подошёл к своей ячейке и ввёл пароль. На полке в углу стояла фотография матери, я взял её в руки и провёл пальцем по бумаге, там, где была мамина щека. Сколько ей сейчас? Около шестидесяти, не меньше. Я положил

снимок на место, достал комплект стандартной формы и оделся.

Инструменты и всё необходимое можно взять внизу, на уровне С. Скорее всего, лампа в порядке, эти штуки работают целую вечность, а вот с проводкой бывают проблемы. Ким говорит, что всему виной астероиды. Не те глыбы, что корабль обходит сам, а мелкий мусор, который берет на себя силовое поле. Порой, когда оно пашет на полную, провода плавятся к чертям, особенно медные.

Шлюз в отсек С-5 открывался мучительно долго. Внезапно захотелось обратно в кокон, в сладостную полудрёму. А вдруг там, в растворе, какая-нибудь дрянь — поступает малыми дозами, растворяется в кровеносной системе вместе с сывороткой... Она-то и заставляет делать работу хорошо и быстро, а потом — спать. Я представил, как открываю свой кокон и вижу там древнего, тощего наркомана с безумными глазами.

«Бред, — отмахнулся я мысленно, — коконы для того и созданы, чтобы мы пережили перелёт и не состарились».

Шлюз наконец открылся, и я вошёл внутрь. Отсек С-5 предназначался для строительных роботов, которые сейчас лежали в полутьме без надобности. Когда мы доберёмся до FG-154-E или «Оби», они будут строить новый дом для человечества. Хотя Ким говорит, что они могут делать почти всё — добывать ископаемые, бурить шахты и даже собирать простые корабли. На время перелёта роботов разобрали и упаковали в огромные контейнеры. Из-за этого отсек напоминал заброшенный город: небоскрёбы погружены во тьму, вокруг ни деревьев, ни травинки, только тускло мерцает красным осветительная полоска сверху и тихо, как в могиле. Таких пейзажей я ещё на Земле насмотрелся в детстве.

Сам ангар занимал почти всю палубу С. Бесчисленные ряды отсеков, петляя, сменяли друг друга в полутьме и простирались до хвостовой части корабля. Я включил фонарь и углубился в лабиринт контейнеров второй секции. Наконец сверху мелькнул чёрный провал — нерабочая лампа. Я приставил к стене лестницу, раздвинул её на максимальную длину и с фонарём в зубах и ящиком инструментов полез вверх.

Я выкрутил гнездо и добрался до проводов: в нос тут же ударил запах горелой резины. Все три кабеля слиплись друг с другом и приварились к клеммам гнезда. Придётся резать. Я делал привычную работу, но думал о другом: о Земле, какой я её помнил, о матери и сестре, которые сейчас на Орбитальном Комплексе, о своей жизни... Хотя какая там жизнь, одна сплошная муштра. А всё потому, что у меня было подходящее строение мозга.

Я срезал спёкшуюся медь, припаял новые клеммы и соединил провода. В глаза сразу ударил свет — чёрт, эти штуки только издали кажутся тусклыми. Я спустился с лестницы и решил на всякий случай проверить и основное освещение. По уставу нельзя включать свет в полёте — нужно беречь энергию. Атомник не вечен. Я дёрнул рубильник на стене, и секцию залило ровным белым светом. Ну, здесь всё в норме. Я вернул рубильник в прежнее положение, взял инструменты и пошёл на выход. Когда шлюз в отсек С-5 закрылся, я вспомнил, что оставил там лестницу.

Я поднялся на уровень А и двинул к отсеку генерации. В дверях стояла Рута и застёгивала молнию на форме — значит, только недавно сгенерировалась.

— Привет, — сказал я.

— Привет, — она улыбнулась. — Тоже на ногах?

— Как видишь, — я всё никак не мог понять, что было не так с функцией Руты, и наконец уловил отличие: на бледной коже не было веснушек. Иногда генератор биомассы убирал маленькие, индивидуальные черты. Наверно, сэкономил пигменты.

— А у меня корректировка курса, — сказала Рута, — уже прошёл год, а кажется, только вчера всё проверила.

Да, в коконах время летело незаметно. Последний раз я говорил с Руты четыре года назад, но мне казалось, что прошла всего неделя.

— Выпьем кофе? — предложил я.

— Ты же знаешь, нельзя прохлаждаться, пока мы в функциях.

— Там нет камер. Да даже если бы и были, что нам за это будет?

«Не развернут же они корабль», — подумал я.

Хотя, один корабль, «Елену», развернули, но никто не знает, почему. После этого часть систем управления повесили на автоматику.

На кухне было светло и чисто, по стенам сверкали пищевые синтезаторы, ими пользовались редко, только во время долгих миссий в функциях. Я запрограммировал один, и через минуту он выплюнул пару целлюлозных стаканчиков. Рута сделала большой глоток и сказала:

— Вкусный. Давно не пила кофе.

— Ага. Целых пять лет.

Красивое лицо Руты погрузнело.

— Нам лететь ещё целую вечность, — сказала она, — жаль всё-таки, что люди не выдерживают гиперперехода...

— Выдерживают, но потом умирают.

— Да, смешно, — Рута глотнула кофе и замолчала.

— Как думаешь, Земле совсем худо? — я часто думал об этом, когда не спал в коконе, и сейчас вопрос вырвался сам собой.

— Не знаю. Ты же помнишь, как всё было.
 — Иногда мне кажется, что мы поступаем нечестно.

— Почему?

— Это как бросить родной дом из-за того, что у него протекла крыша.

Рута взглянула на меня синими глазами, в которых читался упрёк, одним глотком допила остывший кофе, встала и пошла в сторону выхода, потом остановилась и сказала с улыбкой:

— Увидимся через пару лет.

Я бросил стаканчики в утилизатор и побрёл в отсек переработки биомассы. Через пару минут я повторю участь стаканчиков, только в масштабе.

В отсеке переработки я снял форму, положил в контейнер, а сам лёг в другой, побольше. Шею кольнуло, и по телу разлилось блаженное бессилие. В конце концов, мы все стремимся к этому — не знать тревоги, спать и видеть сны.

Но снов не было. Холодная сталь генерационного стола возникла из ниоткуда, воздух ворвался в лёгкие с негромким хрипом. Я подскочил и огляделся: два других стола были пусты, с потолка лился яркий ровный свет. Впервые за пять лет я проснулся не в коконе, но как это произошло? Я совсем не помнил, как получил задание и выбрал генерацию. Голова была тяжёлой, мысли медленно перетекали друг в друга, а где-то, глубоко в мозгу, крепко сидело: «*Палуба С. Отсек С-5.2. Лампа аварийного освещения*». Снова?

Каким-то образом функция сгенерировалась произвольно, и мне это совсем не понравилось — такого не было ни во время подготовки, ни во время полёта. Я глубоко вдохнул и выдохнул. Спокойно. Чего я, собственно, разволновался? Наверно, с коконом просто какой-то сбой. Загляну в ан-

гар, а потом сообщу спецам по капсулам — пусть всё проверят.

На корабле стояла привычная тишина, в шлюзе ангара целую вечность щёлкали механизмы, словно сомневаясь, впускать меня или нет. Внутри царил привычный полумрак, гигантские контейнеры терялись в красноватом сумраке. Всё как всегда.

Я вошёл внутрь, шлюз с тихим шипением вернулся на место, и тут откуда-то из тьмы на меня выскочило нечто, одним ударом выбило весь воздух из лёгких и повалило на пол. Чьи-то руки сдавили шею, и я никак не мог расцепить их. Перед глазами поплыли жёлтые круги, и я, собрав все силы, несколько раз двинул кулаком в бок тёмному силуэту. Пальцы на моей шее разжались, я вырвался и встал на четвереньки, пытаюсь отдышаться.

— Какого хрена!? — я привалился спиной к контейнеру и понял, что знаю нападавшего. Это был Ким, сборщик роботов.

— Яр, прости, — Ким поднял мой фонарь и подошёл ближе, держась за бок, — я думал, это он.

— Ты сдурел? — я никак не мог прийти в себя — сердце колотилось как бешеное. Может, от борьбы, но, скорее всего, от пережитого шока. Кто же знал, что Ким будет здесь прятаться, да ещё и нападёт на меня?

Ким вёл себя странно: его взгляд то и дело останавливался на шлюзе, иногда он резко оборачивался и высвечивал фонариком темноту между контейнерами, будто что-то слышал.

— Давай уйдём с открытого места, — предложил он.

Я пожал плечами и пошёл за Кимом. Он повёл меня вглубь второй секции. Шея ныла и болела при попытке повернуть голову, хотелось дать Киму в челюсть.

- Что ты здесь делаешь? — спросил я шёпотом.
- Прячусь.
- Это я уже понял. От кого?
- От Охотника.
- От кого?

Ким остановился и прислонился к стальной стене. Не знаю, насколько верно функция передавала его состояние, но вид у Кима был такой, словно он побывал под пытками.

- Какой-то псих, — сказал Ким, — будит нас, выжидает, а потом, — он сглотнул, — убивает.
- Убивает... функции?
- Да.
- А что капитан и спецы по капсулам?
- Без понятия, — ответил Ким, — может, вообще не знают, что здесь творится.
- Но они получают сигнал, если...

Ким кивнул. Конечно, он знал, как работает система: если связь между носителем и функцией внезапно прервётся, система оповестит капитана и техников по капсулам. Должны проснуться многие.

Внезапно сверху щёлкнуло и тишину прорезал отрывистый голос, как будто говоривший двигался быстрым шагом.

— А, вы уже на месте, голубки... Я скоро буду, не скучайте без меня... в темноте.

Голос был знакомый и в то же время чужой, словно пропущенный через несколько фильтров.

— Он знает, где мы, — прошипел Ким, — надо уходить.

— Давай вызовем кого-нибудь...

— Никто не отвечает, — бросил Ким, — я уже пробовал, — пошли, — он потянул меня за руку.

Мы рванули вперёд. Ким закрывал рукой светодиод, оставляя только узкий просвет, чтобы видеть несколько метров впереди себя, но скоро он выключил

фонарь — мы приблизились к левому борту, и света аварийных ламп было достаточно. Происходящее казалось мне нереальным, как будто за Кимом шёл кто-то другой, а я наблюдал со стороны.

За очередным поворотом выросла стена, это была та самая секция, где я чинил проводку. С лампой всё было в порядке, а вот рубильник на стене кто-то выдрал, и по остаткам рукоятки время от времени пробегала паутина маленьких молний.

Ким вздрогнул.

— Пошли, — сказал он снова.

— Нет, — я остановился. — У тебя вообще есть план? Куда мы идём?

— Давай не здесь. Потом всё обсудим.

— Нет. Выкладывай.

— Ладно, — Ким облизнул губы, — выйдем к лабораториям. Я там ещё не был. Там наверняка кто-то есть. И оттуда можно попасть в обеспечение и посмотреть, что не так с коконами.

— А что с ними не так?

— А ты не знаешь? — Ким стрельнул в меня глазами.

— Ты... тоже проснулся не в коконе?

Ким ограничился кивком. Мы молча стояли посреди ангара во внезапно навалившейся тишине, словно темнота, окружавшая нас, была соткана из чёрной ваты.

Потом раздался звук шагов, и из полумрака выступила фигура в синей форме с золотыми нашивками. Я сразу узнал его — это был капитан Верешнёв.

— Данг, Жуков, — капитан старался говорить тихо, — отчёт о ситуации.

— На борту злоумышленник, — ответил Ким, — убийца.

— Значит, вы в курсе.

— Что вы собираетесь предпринять? — спросил я.

— Надо просто, — голос капитана дрогнул, — покончить с ним. Надо... убить эту мразь.

— Убить носителя? — проговорил Ким.

Капитан не ответил.

— Кого убить, капитан? — тихо спросил я.

Всё произошло мгновенно: в спину Верешнёва ударил луч фонаря, резко вычертив его фигуру из окружающей тьмы, с чавкающим звуком в его шею влетел металлический болт. Капитан повалился на колени — из горла донеслось невнятное бульканье.

— О, капитан, мой капитан... — всё тот же голос. Только теперь не прерывистый, а декламирующий нараспев. — Рейс трудный завершён, все бури выдержал корабль, увенчан славой он...

Мы, не сговариваясь, рванули за ближайший контейнер, и голос раздался уже откуда-то сбоку:

— Эй! Кто-нибудь знает ещё что-то, подобающее случаю?!

Я оглянулся и увидел человека в зеленоватой маске, похожей на ПНВ. Он притянул Верешнёва за подбородок и вглядывался в его лицо, потом перевёл взгляд на меня и скривил губы в полуулыбке. Я развернулся и помчался за Кимом, его фигура серым пятном мелькала впереди.

Мы долго бежали мимо бесчисленных секций, петляя в лабиринте переходов и отсеков. Лёгкие нестерпимо ныли, словно в них насыпали песка.

— Оторвались, — прохрипел я, — так дальше нельзя.

Ким перешёл на шаг. Он вытер ладонью вспотевшее лицо и сказал срывающимся шёпотом:

— Инженерная уже рядом. Заблокируем двери изнутри.

Впереди мелькнул алый просвет, и мы вышли к противоположной, хвостовой стороне ангара с тя-

жёлым шлюзом, ведущим к лабораториям и инженерным. Я вдавил тугую кнопку, и шлюз нехотя защёлкал механизмами. Я вдруг подумал, что мы здесь на виду, как мишени в тире, а где-то сзади крадётся Охотник. А может, вовсе и не крадётся, а просто прогуливается вдоль контейнеров, высматривая, кого бы ещё угостить арбалетным болтом. Два или три раза мне показалось, что я слышу вдалеке нечто похожее на скрежет металла по металлу, но звук каждый раз обрывался.

Спустя секунду раздался шум открывающегося шлюза. Мы с Кимом, словно по команде, бросились в залитый светом проём и с силой захлопнули двери шлюза обратно. Оставалось только подняться на палубу выше. Шахта лифта — клетка из переплетённых стальных брусев — уходила в потолок метрах в двадцати от нас, но кабины на нашей палубе не было. Я взглянул на панель вызова — все индикаторы горели жёлтым — кто-то заблокировал лифт.

— Давай туда, — Ким кивнул в сторону смежного помещения.

Там виднелась аварийная лестница, она уходила вверх, к узкому вертикальному проходу. В проходе было промозгло и пахло железом, мне казалось, что холодные перекладки не закончатся никогда. Наконец сверху потянуло теплом и мы выбрались на палубу В, прямо к автоматическим дверям инженерной.

— Блокируй, — сказал Ким. Он по-прежнему говорил тихо.

Я открыл коробку управления и ввёл команду блокировки, сзади щёлкнули фиксаторы. Ким выдохнул и присел на корточки, спиной к двери, потом сказал:

— Твою же мать... На ногах должна быть половина корабля. Где все?

— Не знаю, — я повёл плечом. — Эти стихи... это Уитмен.

— Что?

— Охотник, он цитировал Уитмена.

— И что с того?

— Эта книга была в Информатории. На Орбитальном Комплексе.

Ким хмыкнул.

— Скажи лучше, что у него за штука, которой он делает дырки в людях.

— Арбалет, точнее модификация. Их использовали в древности, пока не изобрели порох.

Ким потёр руками виски.

— Ты всегда был заучкой, — выдал он.

— Могу и двинуть, — я опустил на пол, в ногах гудела тяжёлая усталость.

Мы коротко рассмеялись, наверно, со стороны это выглядело глупо.

Неожиданно пискнул боковой выход и в помещение ворвалась девушка. Она резко остановилась, увидев нас, — так и стояла, сжимая и разжимая кулаки с разбитыми костяшками пальцев. Решкина Ольга, биолог из моей группы.

— Спокойно, — произнёс я, — всё в порядке.

Она, часто дыша, сползла на пол. Потом тихо сказала:

— Я видела, как он убил Верешнёва.

— Ты была в ангаре? — спросил Ким.

Она кивнула.

Несколько мгновений все молчали. Потом Ким резко проговорил:

— Надо решать, что делать дальше.

— Дальше? — переспросила Ольга. — Он нас всех перебьёт!

— Здесь нельзя торчать вечно, — сказал я, — надо что-то делать.

— Только что? — Ким скрестил на груди руки.

— Помнишь, что говорил Верешнёв? — спросил я. — Думаю, он хотел вывести из строя кокон этого психа.

— По-моему, Верешнёв вообще был не в себе, — ответил Ким, — видел, как у него руки тряслись?

— Кокон можно просто отключить, — тихо проговорила Ольга.

Ким почесал подбородок.

— Знать бы ещё, кого отключать, — протянул он.

— Всех, кто не спит, — сказал я, — кроме нас.

На секунду стало тихо.

— У тебя крыша поехала, — выдохнул Ким. — Знаешь, что за это светит?

— Есть ещё варианты? — спросил я. — Возможно, всем этим уже занялись спецы. Пока — просто доберёмся до обеспечения.

Я поднялся и пошёл в сторону рабочих помещений, Ким чертыхнулся и двинулся следом. Я оглянулся — Ольга всё ещё сидела, прислонившись к стене, потом вскочила и бросилась за нами.

Инженерная состояла из двух уровней: на верхнем работали энергетики и учёные, на нижнем покоилось ядро, которое питало реактор и обеспечивало гравитацию. В верхней части никого не было. Мы осторожно шагали вдоль рядов с панелями и тихо переговаривались. Компьютеры изредка мерцали индикаторами — находились в спящем режиме.

Вскоре одна за другой потянулись лаборатории. Лампы там работали на полную мощность, от распределительных щитков доносилось тихое гудение, компьютеры жили своей жизнью, ведя учёт каких-то параметров. Это была самая «жилая» часть корабля, здесь часто работали учёные — но сейчас тут не было ни души. В одной из комнат Ким наткнулся

на включённый лазер и грудю мусора: обрезки железок, нити стального троса и несколько разломанных деталей какого-то механизма. На полу лежала длинная балка с острыми гранями. Я активировал лазер и через мгновение держал в руке тяжёлую перекладину со срезанным краем. Пусть примитивное, но оружие.

Потом мы прошли через радиационный сектор, чтобы выйти к лестнице, ведущей в обеспечение, и вскоре упёрлись в длинный коридор с одиноким выходом слева.

— Пойдите, у меня здесь кое-что есть, оружие... — Ольга стремительно нырнула в двери. Сразу раздался щелчок — сработали фиксаторы.

Далеко впереди возник силуэт — навстречу нам шёл Охотник. Он шагал не спеша, так же, как тогда, в ангаре. В моей голове вдруг сложилась цельная картинка: сломанный лифт, встреча с Ольгой, проходка по инженерной... Этот псих знал, как всё будет.

— Нет! — крикнул Ким и врезал ладонью по кнопке выхода.

Я активировал камеру по ту сторону, и на экране мы увидели Ольгу, со спины. Она стояла, положив руки на двери, и тяжело дышала.

— Впусти нас! — крикнул я. — Ещё есть время.

— Прости... я не могу, не хочу больше... Он уже убивал меня. — Ольга развернулась и бросилась вглубь лабораторий.

Я стукнул кулаком в дверь, стиснув зубы. Охотник приближался, он уже преодолел половину расстояния, разделявшего нас. Арбалет висел у него за спиной, а руки были свободны.

— Яр, вернись назад, — вдруг сказал Ким, — доберёшься, куда надо, по верхней палубе.

— О чём ты?

— Пойдём вместе — и он нас перехватит. А так есть шанс. Разберись с коконами.

— Нет.

— Яр, я хорошо собираю машины, но на это моих мозгов не хватит. Иди!

Ким толкнул меня в сторону и размеренным шагом двинулся к Охотнику.

— Слабо в рукопашку?! — крик Кима разнёсся по гулкому коридору. — Или можешь только со спины?

Охотник улыбнулся, снял с плеча арбалет и отбросил в сторону. Я бросил взгляд на Кима, протянул ему свою балку и повернулся к лестнице.

Не помню, как добрался до верхней палубы. Сердце стучало как молоток, во рту пересохло, в голове то появлялся, то исчезал образ Кима, идущего навстречу Охотнику.

Я ввалился в обсерваторию, стараясь отдышаться. За широким иллюминатором виднелась тонкая полоска силового поля, она окрашивала россыпи звёзд голубым. Я подошёл к капитанскому мостику — над навигационной картой склонился худой человек в помятой форме, уже не молодой, с прядями седых волос.

— Доктор Манес? Что вы здесь делаете? — тот вздрогнул и обернулся. Он узнал меня, и испуг на его лице сменился выражением бесконечной усталости.

— Надеюсь встретить капитана.

— Он тут вряд ли появится.

Манес кивнул.

— Вам известно о том, что происходит? — спросил я.

— Не больше вашего.

— Я иду к центру обеспечения, ваша помощь мне очень пригодится.

Доктор пожевал губами.

— Мы вряд ли сделаем то, что вы задумали, — сказал он.

— Думаете, он нас прикончит?

— Вы не первый из тех, кто пытался. Он рассчитывает на это.

— Может, знаете, чего он хочет?

— Знаю, — ответил Манес, — а вы не догадываетесь?

— Нет. Давайте не будем играть в загадки.

— Хорошо, — устало сказал доктор. — Он пытается пробудить носителей.

— Не понимаю. Мы же и так просыпаемся, корабль будит нас.

— Да, но разум все еще остается в системе...

В голове мелькали беспорядочные мысли: пробуждение, Охотник, произвольная генерация... Стоп. Надо собраться.

— Так вы пойдёте со мной?

— Пойду, — вздохнул доктор.

Мы прошли через мостик и вошли в кают-компанию, ряды глубоких кожаных кресел пустовали, на широком полукруглом столе в центре не было даже пыли — похоже, здесь Охотник ещё не успел ни с кем расправиться.

— Ну и зачем ему убивать функции? — спросил я.

— Если открыть кокон и прервать сон, — ответил Манес, — носитель умрёт. Разорвётся связь с системой, и это приведёт к гибели мозга.

Это я и сам хорошо знал. Мы все тогда понимали, что назад дороги нет.

— Но носитель может выйти из системы сам, — продолжил Манес, — теоретически.

— Это будет непросто, — я усмехнулся, — вы же сделали нас наркоманами.

Манес ничего не ответил, он, слегка сутулясь, молча шёл рядом. Мучительная догадка шевельнулась в голове, и я сказал:

— Он будет убивать до тех пор, пока страх не заставит наш разум выйти из системы.

— Боль — хороший стимулятор, — произнёс Манес, — ну а многократная смерть...

— Но запасы биомассы ограничены.

— Если расщеплять умерщвлённые функции...

Меня передёрнуло.

— Но зачем?! Зачем пробуждать нас?

— Спросите у него сами, — сказал Манес.

Мы вышли к лифту в тыльной части корабля.

За прозрачным стеклом виднелась ярко освещённая кабина — кажется, лифт был в норме. Я ударил по кнопке, и в груди на секунду ёкнуло. В кабине никого не было, и мы опустились на уровень вниз. Двери распахнулись, и я отпрянул назад — напротив лифта, лицом вниз, лежало тело с багровыми разводами на серой форме.

Доктор склонился и повернул голову трупа к нам, я увидел молодое лицо Кости Андреева, программиста. Его мальчишеские глаза уставились на меня бессмысленным взглядом. На шее Кости адела рваная рана, как будто её нанесли тяжёлым грубым предметом.

На стене напротив блёкло мерцал терминал связи, и приглушённый женский голос повторял одни и те же слова, на которые я только сейчас обратил внимание: «Приём. Говорит Рута Ледовски, навигатор. Корабль следует незапланированным курсом, требуется помощь».

Я бросился к терминалу.

— Рута! Это Ярослав. Где ты?

«Приём, говорит Рута Ледовски, навигатор...»

— Твою мать. Рута!

Почему я решил, что она ответит? Наверно, это сообщение крутится здесь чёрт знает сколько, а Рута, как и Андреев, лежит в глубине рубки, с перебитым горлом и пустыми глазами.

— Яр, ты там? — донеслось из терминала.

Я вздрогнул от неожиданности.

— Да! Где ты? Ты цела?

— Я в рубке управления. Яр, мы идём неправильным курсом. Я не смогу всё исправить в одиночку. Нужно...

Терминал клацнул — кто-то присоединился к разговору.

— Поболтаем вместе? Как в старые добрые времена. А, у нас же их не было. Ну, мы это исправим.

— Рута, спрячься... — я подумал о кухне, где видел её в последний раз. Там нет камер! — Ты знаешь, куда надо идти. Я найду тебя.

Я отключил терминал. Доктор по-прежнему стоял над телом Кости, он взглянул на меня не то с упреком, не то с сожалением и сказал:

— Талантливый мальчик.

— Он был лучшим на курсе. Пойдёмте, Манес. Здесь вы уже ничем не поможете.

Мы двинулись по безлюдному коридору к очертаниям громоздкого шлюза обеспечения. Я внутренне похолодел: распахнутые двери шлюза искрились, наружу не пробивалось ни лучика света. Доктор остановился и нерешительно посмотрел на меня. Я стиснул зубы и шагнул вперёд. На потолке стали включаться лампы, их свет отражался от синеватых стен, сделанных из сверхпрочного сплава. Впереди возвышались ряды чёрных коконов. Я не был тут целую вечность — с момента погружения.

По сторонам, в голубоватой дымке, стояли стойки управления, на стенах висели широкие проеци-

рующие экраны. В помещении было чертовски холодно, здесь поддерживали нулевую температуру.

— С чего нам лучше начать? — мой голос гулко отразился от холодных стен.

— Зависит от того, что вы всё-таки хотите сделать.

— Для начала узнаем, чем он тут занимался.

— Тогда нам нужен журнал генерации, — ответил Манес.

Я подошёл к вытянутой стойке и активировал компьютер. До общих систем управления я добрался сам, но пробиться к файлам обеспечения мне не удалось.

— Манес, давайте вы.

Пальцы доктора забегали по тёмным контурам клавиш, он, как всегда, работал сосредоточенно.

— Система... — выдохнул Манес, — тут всё изменилось. Большинство носителей отключено от генерации.

— Вот почему на борту никого, — я взглянул на экран, и в груди тревожно заныло — за последние недели генераций было больше, чем за несколько лет полёта. Чаще всех генерировали Верешнёв и Андреев Костя.

— Он мучил их, — сказал я, чувствуя, как к горлу подкатил комок. — Сволочь. Понятно, чего он хотел от Кости — чтобы тот изменил систему. Но что ему было нужно от Верешнёва?

— Не знаю, — сказал Манес.

— Доктор, кто находится в функциях сейчас?

На экране одно за другим появились имена: Игорь Манес, Верешнёв Сергей, Жуков Ярослав, Решкина Ольга, Ким Данг, Ледовски Рута.

— Выходит, Охотник — один из нас, — пробормотал я.

Манес кивнул.

— Но никто из этого списка не может быть Охотником! Система нас обманывает. Это кто-то из «отключённых».

Манес покачал головой:

— Это невозможно.

— А если обесточить коконы? Сон прервётся?

— Нет, но связь с функциями будет потеряна.

А через два часа начнётся кислородное голодание.

— Можем мы обесточить коконы на два часа? Все, кроме моего и вашего?

— Да, но для этого нужен код ч. с. высшего уровня.

— А, по-вашему, что происходит сейчас, на высший уровень не тянет?

На этот раз Манесу потребовалась лишь пара минут. Когда напротив всех фамилий в списке появилась надпись «обесточено», он отошёл от компьютера к своему кокону.

— Ну вот, теперь надо действовать быстро, — сказал я.

Манес не ответил, я повернул к нему голову и увидел, что из его рта ручейком стекает кровь. В груди Манеса острым концом торчала железная перекладина, та самая, что я оставил Киму.

— Сюрприз, — Охотник резко выдернул перекладину и Манес, разбрызгивая кровь, повалился на пол.

Я лихорадочно окидывал взглядом помещение, прикидывал, что использовать в качестве оружия. Пол, металлические стены, гладкая поверхность коконов... Чёрт! Ничего нет. Главное — не выказывать испуга. Не отступать. Ударю кулаком, быстро, без размаха, туда, где не защищает маска — в челюсть. Я выбросил руку, Охотник поймал её упругими пальцами и с силой дёрнул в сторону. Острая, обжигающая боль прошла запястье.

— Крыса показывает зубы, это приближает тебя к человеку.

— Сволочь, — прохрипел я, извернулся и двинул ногой ему в колено.

Зеленоватая маска слегка наклонилась в сторону, из прорезей насмешливо глянули глаза.

— Я готовился, Яр.

Удар перекладиной в лицо. Я упал на колени, глаза застелила красная пелена, на пол стали падать густые, тяжёлые капли. Накатила слабость. Я почувствовал, как перекладина упирается в моё горло, сзади тоже что-то давило, наверное, колено. Шёпот Охотника прозвучал совсем рядом:

— Я должен сказать тебе спасибо. Ты сам поймал её.

Он поволок меня к компьютеру, прошёлся по клавишам и повернул мою голову к экрану. Я увидел Руту. Она полулежала на навигаторском пульте, её грудь медленно двигалась в такт разряженному дыханию.

— Такая беззащитная... Кукла. Я буду убивать её снова и снова. У тебя на глазах!

— Нет! Ты сам сдохнешь! — я резко дёрнул Охотника на себя, вперёд. Он перелетел через меня и оказался на полу, перекладина улетела в сторону.

— Да! Ты чувствуешь? — проговорил он, поднимаясь. — Давай!

Я прыгнул вперёд и выбросил колено. Охотник повернулся боком, и удар прошёл вскользь. Он вернул корпус в прежнее положение и врезал мне локтем в подбородок. Я снова упал и некстати подумал, что такой удар мне ещё в спецшколе показывал Ким. Боль ушла куда-то на второй план, вместо неё проснулась глухая остервенелая злость. На себя, за то, что не смогу спасти Руту, на Охот-

ника, на тех, кто засунул меня в кокон... А потом я увидел пальцы, летящие мне в глаза.

Палуба С. Отсек С-5.2. Лампа аварийного освещения. Да уберись ты к чёрту! Полумрак кокона, зелёные огни, вязкий раствор, в котором плавает тело, всё как обычно. Нет. Спать больше не хочется. Совсем. Я посмотрел на мутное стекло, не больше полуметра в поперечнике, врезал по нему кулаком, и в костяшках отпечатались тугая боль — конечно, эта штука не будет хрупкой. Я бил ещё и ещё, по стеклу пробежала тонкая трещина, но это всё, чего я добился. Мне бы хоть тонкую полоску железа... Но откуда ему тут взяться? Стоп. Кое-что есть. Я отклонился и с силой вдался в мутный просвет головой, той частью, где находился металлический шунт. Хрустнуло, вниз полетели тяжёлые осколки, а потом брызнул раствор. С громким, лязгающим звуком открылась верхняя часть кокона, и меня смыло вниз вместе с остатками раствора.

Я долго выплёвывал мутную жижу из лёгких, потом медленно встал и увидел своё неясное отражение на гладкой поверхности стены: худой, жилистый парень с копной светлых волос, не старик и не безумец. Я огляделся — с потолка лился голубоватый свет, на стальном полу не было ни пятнышка, только лужи раствора и куски стекла возле моего кокона выбивались из общей картины. Я вдруг сообразил, что стою, в чём мать родила. Внезапно накатила тошнота и мучительная, скручивающая изнутри слабость.

— Неплохо сохранился, — в дверях шлюза появился Охотник. Он бросил мне под ноги комплект новой формы.

Я, пошатываясь, стал одеваться, примериваясь к толстому куску разбитого стекла.

— Ещё успеешь, — сказал Охотник, приближаясь. Быстрым движением он что-то вколол мне в руку, — будешь вводить ещё, пока не встанешь на ноги.

Я почувствовал, как слабость отступила, казалось, даже дышать стало легче.

— Хочу тебе кое-что показать, — он потянулся к маске и сорвал её с лица.

Я увидел себя на этот раз не в отражении, а во плоти: с крепкими мускулами, ёжиком светлых волос и колкой насмешкой во взгляде. Ладони вспотели, сердце заколотилось быстрее.

— Кто ты? — хрипло спросил я.

— Часть тебя. Здесь нам больше нечего делать, пойдём.

В голове одна за другой проносились мысли.

— Ты не функция, — сказал я, — но как ты попал на корабль?

— Вырвался из твоего подсознания, — ухмыльнулся Охотник, — я — следующий этап в эволюции функций.

— Но...

— Почему ты? Потому что только ты сомневался, — Охотник окинул взглядом коконы, — ты один не верил в благородную миссию, твоё подсознание постоянно искало выход и... нашло, — он ухмыльнулся.

Мы поднялись на верхнюю палубу на том же лифте, на котором я спускался с Манесом. При мысли о докторе я вздрогнул.

— Что ты хочешь сделать с остальными?

— Ничего. Пусть спят, они так этого хотели. Я снова подключил их к системе.

Я словно видел сон, прокрученный задом наперёд: кабина лифта, верхняя палуба, кают-компания, обсерватория... Охотник остановился у каюты Вершнёва.

— Прошу.

Я зашёл внутрь. Каюта капитана была размером с приличную комнату, сюда влезла койка, стол со стулом, личный терминал и ещё оставалось место, чтобы размять ноги. Над столом висела фотография: Верешнёв, красивая молодая женщина и двое мальчиков-близнецов. Но все же каюта была нежилой, безликой. Охотник подвёл меня к терминалу.

Экран ожил, Охотник ввёл личный код доступа — спрашивать, откуда он его знал, смысла не было. Его пальцы застучали по силуэтам клавиш на мониторе.

— Обь, новый дом человечества... — протянул он.

На экране появился коричневый шар, камера плавно наполнила из космоса, приближаясь к планете. Я увидел широкие разрезы кратеров, глубокие впадины и безжизненные каменистые равнины, протянувшиеся на долгие километры. Ни синевы океанов, ни пелены облаков, закрывающей зеленовато-желтые громады материков. Ничего общего с теми записями, что нам показывали когда-то. В груди что-то оборвалось.

«Спокойно, — сказал я себе, — спокойно».

Но в голове одна за другой замелькали мысли, те самые, что раньше не давали покоя.

— Вот куда мы летим, Яр. И вот на это погляди.

На планету легла сетка с данными георазведки — разветвлённые, толстые жилы иридия, россыпи мелких месторождений платины, подземные озёра тяжёлых горючих соединений, а на ледниках — радиоактивные шапки урана.

— Новый дом человечеству не нужен, — сказал Охотник, — по крайней мере, сейчас. И в старом живётся неплохо, не всем правда, но это мелочи... где не справится матушка-природа — поможет технология. Мы с тобой, дружище, не первооткрыватели, не пионеры, а ресурс ради ресурса...

Я опустил на кресло и приложил ладони к вискам.

— Но зачем... зачем эта ложь? Для чего? Гипертранспортники и так летают к таким вот планетам. Я не понимаю...

— Политика, Яр. Старая добрая политика. Комитет выдвинул проект, люди проголосовали за комитет. Ты же голосовал. И мама, и сестрёнка... — Охотник усмехнулся. — Отправили бы транспортник, и что тогда? Всё бы вскрылось в считанные дни, а так в запасе будут годы. Пока мы летим — проект набирает обороты, комитет остаётся у руля. Ну а когда доберёмся, не отказываться же... Шарикто перспективный, — он постучал пальцем по экрану. — Тогда и гипертранспортники полетят. А мы им площадку подготовим и прочий марафет наведём.

Я взглянул на фотографию на стене — выходит, Верешнёв всё знал. Как они тебя сломали, капитан? Что пообещали дать или, может, отнять?

Охотник всё это время с улыбкой смотрел мне в лицо.

— Что теперь? — спросил я.

— Сам увидишь, — он махнул рукой, приглашая следовать за ним.

Мы двинулись обратно: через тёмную обсерваторию и навигаторскую, мимо капитанского мостика. Охотник остановился возле рубки и нырнул внутрь. Я вошёл следом, боясь, что увижу тут мёртвую функцию Руты, но внутри никого не было. На стенах светились радары, зелёным и оранжевым плясали графики расхода топлива, искривлений траектории и прочих параметров, которых я не знал. Посреди рубки стоял пульт управления и массивное кресло, прикрученное к полу. Охотник бросил взгляд на пульт:

— Я недочеловек будущего, Яр, — корабль не слушает меня. Мне удалось изменить курс, но остановить эту крошку я не могу — тем более развернуть.

— Никто не может, — сказал я. — Сам же знаешь, после того случая на «Елене»...

— Яр, тебе нужно... как это... по капле выдавливать из себя раба, — он постучал по нейрошунту на моём виске. — Ты больше не функция. Смотри, — он положил руку на небольшое углубление на пульте. Оттуда выполз змеистый кончик нейроволокна, обвился вокруг его руки и через секунду втянулся обратно.

— Попробуй ты.

— Даже не думай.

— А вдруг понравится? — охотник сдёрнул со спины арбалет и зарядил его тяжелым болтом.

Я сел за пульт и положил руку на разъём — нейроволокно обвило запястье, потом, словно раздумывая, поползло выше и стремительно вошло в шунт. Я в буквальном смысле почувствовал корабль, словно к мозгу подсоединили ещё одно тело. В сознании, как анатомический атлас, раскрылась карта — все отсеки, переходы, системы, двигатели... Я летел, окидывая взглядом навигационных систем пустоту вокруг, но знал, что легко могу остановиться или прыгнуть в гиперпереход и рвать пространство-время импульсами двигателя... Сквозь пелену, которая отделяла меня от реальности, я услышал голос Охотника:

— Я же говорил, понравится... А теперь активируй гипердвигатель.

Сжав в кулаке нейроволокно, которое почти не ощущал кожей, я рванул его из шунта — родная рука послушалась не сразу. Чувство было такое, словно мне ампутировали полтела. Я повернулся к охотнику и спросил:

— Зачем?

— А вот это самая интересная часть. Ты почувствовал его, да? Двигатель?

Я кивнул.

— Раньше эта крошка была транспортником, — сказал Охотник, — это потом её переделали под нас. Верешнёв мне много интересного порассказал. Тот ещё ублюдок. Так вот, гипердвижки всё ещё работают — активируем, уйдём в гиперпереход и вынырнем у них перед носом. — Охотник сел на край стола, и я увидел своё отражение в его расширенных зрачках. — Надо преподать им урок, Яр. Такой урок, чтобы запомнился навсегда... Ударим в самое сердце — по Орбитальному Комплексу. Прошьём его насквозь...

Я, как наяву, представил корабль, вынырывающий из гиперперехода, как гигантский метеорит и несущийся к электрическому сиянию городов, к огням космопортов, к корпусу спецшколы, стоящему над краем космической бездны... Но метеорит обнаружат заранее и разнесут на кусочки, а мы возникнем из ниоткуда, из безжизненной пустоты гиперпространства. Где-то в глубине сознания забились мысль: мама... сестрёнка...

Охотник приблизил ко мне лицо, и я почувствовал его дыхание:

— Говорят, что те ребята, — он чуть понизил голос, — которые первыми в переход ушли, совсем не мучились перед тем, как сдохнуть. Когда корабль вернулся — они лежали там мёртвые и улыбались. Так что больно не будет.

— Боли я не боюсь, — сказал я, — но делать этого не буду.

— А ты подумай головой. Захочешь ты выполнять миссию после того, что узнал?

А действительно, захочу ли?

— Нет, — ответил я.
— Тогда что остаётся?
— Нужно, чтобы на Земле узнали...
— Эх ты... мирный воин, — сказал Охотник, — никто тебе не поверит. Никто! Да и как ты расскажешь? Отправишь сообщение в ЦУП? Или развернёшь корабль и будешь пять лет лететь обратно, чтобы тебя ещё на подлёте подбили?

Он стал мерить рубку шагами.

— Ты ведь на это жизнь положил, а тебя использовали, как шлюху.

Я промолчал.

— Чёрт... Я-то думал, мы с тобой как две капли... Ну, хорошо, посмотри на это так: уничтожим Комплекс — привлечём небывалое внимание к проекту. Информация просочится в массы, восстанут Полисы — свергнут нынешних политиканов. У старушки-Земли появится шанс. Глядишь, и экологию подлатают...

Я помотал головой:

— Не такой ценой.

Охотник дёрнулся в мою сторону, и его лицо снова оказалось рядом.

— Яр, я ведь тебя по кусочкам разберу, а если сдохнешь — так там ещё есть из чего выбрать, — он ухмыльнулся, — ты подумай как следует.

— Знаешь, — ответил я, — в чём-то мы всё-таки похожи.

Я ударил в челюсть, как в тот раз. Я знал, что он вернет мне руку, наверняка он довёл свои навыки до автоматизма. И в тот момент, когда моё запястье хрустнуло, я воткнул кусок стекла, того самого, что держал в кармане, ему в шею и повалил его вниз. Он успел сорвать с ремня болт, и я почувствовал острую, скручивающую боль в животе, которая разрывала меня изнутри. Пальцы словно онемели, но я продолжал давить на осколок, пока сил хватало.

Мы смотрели друг на друга — два близнеца, один захлёбывался кровью из распоротого горла, другой... Я не решился посмотреть, что там со мной — и так ясно, что дело плохо. Гаснущие глаза Охотника остановились на мне, и он, хрипя, прошептал:

— Ты мне... всё веселье испортил. Сука...

Его голова опустилась на стальной пол рубки. Окровавленные губы искривились в полуулыбке. Я закрыл глаза и почувствовал, как его остывающая кровь коснулась моей щеки.

Я лежал в полузабытьи, когда увидел Руту, бледную и худую, она склонилась надо мной и что-то говорила. На её щеках золотились веснушки, но мне надо было знать наверняка, я потянулся к её лбу и отбросил прядь рыжих волос: на виске, почти над самым ухом, чернел разём нейрошунта.

— Надо развернуть корабль, — сказал я.

— Яр, не говори ничего, береги силы...

— Пообещай, что развернёшь корабль, — боль внутри разрасталась, но я чувствовал, что скоро она уйдёт, — корабль... надо рассказать им...

Я снова закрыл глаза. На лицо упали солёные брызги. Женский голос повторял какие-то слова, чьи-то руки нежно касались меня, забирая боль. Сестрёрка, конечно, кто же ещё это мог быть. Она говорила что-то про корабль. Корабль... Я почувствовал под спиной тёплые сухие доски, качку и солнечные лучи на лице. Наверное, она говорит про парусник, древнее деревянное судно, я читал про такие... Она большая уже, справится сама, и с такелажем, и с парусом, надо только поймать попутный ветер. Я не знал, откуда взялся этот корабль. Я только знал, что он будет плыть всю долгую ночь и звёзды будут и в небе, и на воде, повсюду. И дельфин с умной головой и чёрными глазами будет выпрыгивать из этой звёздной бездны и сверкать серебристыми плавниками.

А когда корабль достигнет берега, мы окажемся дома. ❏

Санька

Галина Шестакова

Родилась 22 декабря 1967 года в городе Перми. В 1994 г. окончила Пермский финансово-экономический колледж. Незаконченное высшее образование по специальности бухгалтер. Работала библиотекарем, манекенщицей, главным бухгалтером, заместителем директора, директором, дизайнером.

Санька в задумчивости почёсывала нос, пытаясь вспомнить, как она сюда попала. Странно, правда, взрослая женщина, хоть и до сих пор зовётся Санька, сидит в ночной рубашке, в центре города в своей машине. И на улице, однако, осень. Санька сделала непринуждённое лицо, но, похоже, спешащие мимо хмурые люди в столь ранний час этого не одобряли.

«Эх, чаю бы!» — тоскливо подумала Санька и попыталась пошарить на заднем сидении машины в поисках какой-никакой кофты, чтоб прикрыть свой шокирующий вид. Под рукой оказался термос и кружка. Чай в термосе оказался горячий и крепкий, как она любит. Без сахара.

Глотнув обжигающе горячего чая, Санька улыбнулась. Чай — это хорошо. Сейчас попьёт чайку, найдёт кофту и поедет домой. А по пути разберётся, как она тут оказалась, и откуда чай в машине, и вообще...

Но разобраться с «вообще» Саньке помешали. Проезжавшая мимо патрульная машина усмотрела непорядок в том, что женщина в ночном белье сидит и пьёт чай в машине явно в неподобающем месте. Притормозила рядом, из неё выбрался грузный дядька. «Капитан...» — подумала Санька, хотя она в такой, на её взгляд, ерунде, как звёздочки на погонах, не разбиралась, просто ему очень бы подошло звание «капитан». Дядька, недоброжелательно ухмыляясь, подошёл и постучал по стеклу Санькиной машины полицейским жезлом. Санька, вздохнув, что прервали её чаепитие, чуть-чуть приоткрыла стекло:

— Да?

— Капитан Чуйнов.

— Правда? — удивилась Санька. — Значит, правильно я подумала, что капитан, это очень идёт к вашей внешности.

Капитан Чуйнов тяжело вздохнул, понимая, что это очень тяжёлый случай, и с облегчением подумал, что с ним этот, новенький, пусть он с этой и разбирается.

— Правда-правда, — немного ворчливо ответил он и сам удивился, что ответил не по уставу. — Что это вы, женщина, голая почти тут сидите и чай распиваете? — сказал немного удивлённый собой капитан. Не привык он так разговаривать с нарушителями. Почему-то он робел. И от этого злился.

— Ну? Пьяная, что ли? — чтобы скрыть раздражающую робость, капитан начал хамить.

— Нет. — Санька улыбнулась. — Да вы не смущайтесь, кааапитан, — улыбаясь, протянула Санька, — я не пью. Совсем.

— Ну, это мы ещё посмотрим! — хмыкнул капитан. — В трезвом виде ни одна нормальная ба... — вовремя остановился капитан, — женщина голая с чашкой чая сидеть в машине на виду у всего города не будет. Так ведь?

— Наверное, так, — доброжелательно улыбнулась Санька.

— Значит, вы ненормальная, — сделал вывод озадаченный Чуйнов.

— Нет, — всё ещё не обижаясь, сказала Санька. — Ненормальным права не выдают.

— Не выдают, — неожиданно для себя согласился Чуйнов.

— У меня справка медицинская свежая. Я в психдиспансере была. Сказали — нормальная.

— Странно, — удивился Чуйнов.

— Что странно? То, что я в ночной рубашке пью чай? А вы что, в пижаме ни разу чая не пили?

— Пил... — Капитан понял, что разговор зашёл совсем не туда, куда он предполагал. Он помотал

головой, пытаясь отогнать эту неправильную ситуацию.

Санька сидела и доброжелательно улыбалась, глядя на него. Будто понимая, что происходит в голове у капитана Чуйнова.

— Так! При чём здесь я?! Я, что ли, сижу голый в машине в центре города?

— Нет, — вздохнула Санька, сожалея о том, что он ни разу в жизни не пил вот так чаю.

— Так! — опять сердито мотнул головой капитан. — Сейчас с вами будет разговаривать мой сотрудник. Потрудитесь подготовить документы. Так бы вам, конечно, надо пройти в нашу машину, но раз вы голая, он сядет к вам в машину. На заднее сиденье! — рывкнул капитан и отошёл.

Санька улыбнулась и поискала свою сумочку. Сумка валялась рядом, документы нашлись сразу. К машине, осторожно улыбаясь, подошёл полицейский.

— Сержант Владимиров. Ваши документы. Только не выходите из машины. Я сейчас сяду к вам на заднее сидение и вы мне покажите. Хорошо?

— Хорошо, сержант. Не надо быть настолько доброжелательным, я не кусаюсь, я не пьяная, не под кайфом. Не надо меня бояться. Хорошо?

— Я не боюсь, — надулся сержант.

— Вы ведь уже достаточно взрослый, а почему до сих пор сержант? Не повышают? Или работа не нравится?

— Нравится. Просто я не так давно работаю. Решил совершенно поменять свою жизнь, — ответил сержант, усаживаясь на заднее сидение.

— Необычный поступок, мне кажется.

— Не вам одной, — грубовато ответил сержант. — Документы.

— А-а-а... — разочарованно протянула Санька. — Держите документы.

— Гражданка Мороз Александра Ивановна.

Из патрульной машины капитан угрожающе махал сержанту.

— Мне кажется, — Санька улыбку, — капитан пытается вам что-то сказать.

— Ваша машина загромождает проход людям.

— И правда, — Санька обрадовалась, — давайте прокатимся. Не нравится мне красная физиономия вашего капитана. А вы спрашивайте, я отвечу, если смогу.

Санька завела машину и поехала:

— Пожалуй, за город. Там сейчас хорошо.

— Да, там сейчас хорошо, — рассеянно протянул сержант, шурша бумагами.

— А вы любите гулять и шуршать листьями?

— Люблю. Так, а куда это мы едем?

— За город. Шуршать листьями.

Сержант хотел что-то возразить, но она замаха-ла на него рукой и ответила на требовательный звонок телефона, отпустив руль. Недовольно хмурясь, Санька слушала, что ей говорили по телефону, и петляла по улицам. Сказав несколько раз «конечно», кинула телефон на соседнее сиденье и остано-вила машину:

— Пошли, пошуршим листьями, и вы мне расска-жете, почему вы полностью изменили свою жизнь. Я, — Санька вздохнула, — когда-то очень давно тоже взяла и всё изменила.

«Давно...», слово «давно» с Санькой не вязалось. Потому что сложно было определить её возраст. По поведению казалось, что она совсем юная, иногда даже маленькая девочка, но посмотришь — взрослая женщина, умудрённая, но не старая. А вневремен-ная, что ли.

— Как мы здесь оказались? И где мы? — Сержант удивлённо осматривал лес, такого рядом с городом не было.

Лес был какой-то нереальный. Сказочный. Как с картинки. Голубое, очень яркое небо, хотя в горо-де было немного пасмурно, и деревья — золотые, ба-гряные и ярко-зелёные ёлки. Дорожки и как специ-ально подготовленные кучки листьев — подходи и шурши в своё удовольствие. Санька с азартом раз-бросала живописную кучку листьев и рассмеялась.

— Я люблю это место, и вам решила показать, сержант. — Санька нетерпеливо махнула рукой. — Пошли. И, кстати, как вас зовут?

— Дима.

— Дима, я возьму вас под руку, так гораздо уют-нее, правда? Я больше всего люблю это время. Странно, хотя по идее должна любить зиму.

— Должна? — Дима несмело пошуршал и улыб-нулся. Странная пара, он в полицейской форме, она в шёлковой кружевной ночной рубашке и в наряд-ных туфлях. В осеннем лесу. — Разве можно по обя-занности любить время года? Или ещё что-то? И по-чему именно зиму?

— Я родилась зимой. Правда, думаю, не совсем в правильный день. — Санька подкинула листья но-ском туфли.

— Что-то я ни в одном календаре не видел обозна-чения «неправильный день», — хмыкнул Дима.

— В ваших календарях — нет. А для меня это неправильный день для рождения. Я должна лю-бить зиму, радоваться ей, а получается наобо-рот. И я неправильная, и день. — Санька говорила об этом без сожаления и кокетства, просто констати-ровала факт.

— Не понимаю тебя... вас, — поправился Дима. — И какой это день-то?

— День, да, сложный такой день, — махнула рукой Санька. — Ладно, что мы всё обо мне? Расскажи мне, почему ты вдруг сменил профессию? Ты совсем не похож на полицейского.

— Сложно всё так, — неохотно ответил сержант. — А где мы?

— Сложно, — хмыкнула Санька, — нет, всё просто. Ты развёлся и решил всё поменять. Только вот помогает это тебе?

— Нет, — сознался Дима.

— Нет, и мне не очень. — Санька вздохнула немного с сожалением, махнула рукой, и в воздух поднялась маленькая кучка золотых листьев, она скептически посмотрела, ещё махнула, и рядом закружились красные, — вот так лучше, правда?

— Это ты?

— Да. — Санька ещё махнула и листья по спирали помчались вверх и рассыпались, мягко опадая на землю. — Раз получается, значит, уже близко. Да и одеться пора, негоже в ночнушке щеголять, правда?

— Правда.

Санька оказалась в длинном старинном платье изумрудного цвета, глаза, подчёркнутые изумрудом, засверкали, стали ярко-зелёными. Распушенные, развевающиеся волосы подобрались в чопорную косу.

Сержант удивился, но промолчал, он был спокойным и серьёзным человеком и не верил в такие вещи, поэтому не торопился с выводами. Санька радовалась и баловалась с листьями:

— А почему ты сидела в машине на площади в ночной рубашке?

— Знаешь, — Санька вздохнула, — я точно не помню. Но я нормальная, правда, но иногда так бывает, когда я сильно расстроюсь или обрадуюсь.

— Как так? — Дима смотрел на Саньку с интересом. — Как сейчас с листьями и платьем? — осторожно поинтересовался он.

— Ну да. Просто я вчера поссорилась с женихом. — Санька вздохнула немного судорожно. — Точнее не поссорилась — я его выгнала.

— Да, я тоже выгнал жену, точнее — сам ушёл. — Дима отвернулся и стал пристально рассматривать лес. — Я не могу, не могу жить с женщиной, которая должна, смешно сказать, должна, — Дима протянул это слово, — но не любит меня.

— И поэтому ушёл в полицейские? А семья?

— Семья, — Дима задумался, — это родители? Вряд ли они приняли моё решение. Они подумали, что я разрушаю свою жизнь.

— Да, очень похоже.

— На то, что разрушаю? — уточнил Дима.

— Нет. Похоже на меня. Смотри, — она махнула рукой, где у развилки дорожки стоял маленький домик, — мы пришли. Ты мне поможешь. Главное — не удивляйся, ладно?

Дима совсем запутался и согласился. Они молча подходили к домику, и Диме передалось волнение Саньки, но он всё никак не мог понять, для чего она тащит его в этот полуразрушенный домишко и главное, почему он туда идёт?

Санька остановилась у домика, постучала в дверцу:

— Я пришла.

Открыла скрипучую дверь и потащила Диму в темноту.

— Пришла? — раздался строгий женский голос.

Санька уверенно тащила его за руку вперёд, хотя, по расчётам Димы, они уже давно должны были упереться в противоположную стенку.

— Катерина, хватит уже! — Санькин голос прозвучал властно и строго. — Ну, что говорю. Не пугай гостя.

— Что, жениха привела? — усмехнулась невидимая Катерина.

Дима от этих слов дёрнулся, но Санька с мольбой сжала его руку и потащила дальше. Внезапно стало светло. Дима зажмурился, поморгал, привыкая к яркому свету. Громадная светлая комната с множеством дверей, толстые свечи в кованых канделябрах, но света в комнате гораздо больше, чем могли бы дать свечи. Стены светлого, но уже очень старого дерева. Удивительно, разве бывают такой толщины деревья, из которых срублен этот дом? Навстречу им шла красивая строгая женщина, неслышно ступая по мягким коврам тоже со светлым непривычным рисунком: снежинки, цветы, птицы. Строгая женщина остановилась перед Санькой и усмехнулась — красивая, чуть с сединой в тёмных волосах, тоже, как и Санька, в длинном платье. Только серебристом, с белым мехом.

— Здравствуй, тётушка, — Санька улыбнулась. — Всё ли хорошо у нас?

— У нас? — Тётка вздёрнула бровь. — У нас всё хорошо.

Дима молчал, вертел головой по сторонам и разглядывал горницу. Терем — только такое слово подходило к этому дому. Большой, светлый и уютный.

— Он тебя давно ждёт. — Тётка всё так же строго посмотрела на Саньку.

Но Санька не ответила, а, отпустив Диму, бросилась на шею молодому мужчине, который вошёл в горницу:

— Братец!!! Как рада я видеть тебя! А красавец какой!

— Сн... ай, — дёрнулся он, — не щипайся, Санька! И не узнай тебя, — так же строго, как тётка, сказал он, но глаза радостно блестели. — Мама, — он повернулся к тётке, — ждут тебя там.

— Конечно, не узнал, — желчно сказала Катерина. — Кто узнает, столько лет прошло! Постарела ты, Санька, — произнесла Катерина. — Санька, — ещё раз недовольно фыркнула. — Так глядишь, ещё проживёшь там, — Катерина махнула рукой раздражённо, — будешь старше меня выглядеть.

— Мам, ждут тебя, — напомнил брат.

— Знаю, Лютомир, нечего меня выпроваживать! — Катерина строго посмотрела на сына и поспешила выйти.

Лютомир вздохнул и погладил Саньку по щеке:

— Не грусти, сестрёнка. Ты ж знаешь, любит она тебя, вот и сердится. Ты ж единственная у нас девочка, на тебя все на...

— Знаю, — перебила его Санька. — А что, — она вопросительно посмотрела на него и слегка замаялась, — правда... правда постарела?

— Ты ж знаешь, — Лютомир постарался придать голосу уверенности, — ты самая красивая. Только... — он вздохнул, — время там быстрее для тебя идёт.

— Неутешительно... — Санька затаённо вздохнула.

Дима неуверенно переминался с ноги на ногу, стараясь стать незаметнее, чтобы не расстроить Саньку ещё больше. Быстро взглядывая, рассматривал Лютомира, имя такое странное. И не слышал никогда. И одет так же чудно, как Санька и тётка её, по-старинному, по-сказочному. Молодой, красивый, чернобровый, полные губы, уверенный, но добрый, зря, что Лютомир. Дима тихо вздохнул: чужой при семейном разговоре, да ещё

не очень приятном, — не в радость. Лютомир взглянул на него и улыбнулся Саньке:

— Успела-таки, Санька. Ну, что гостя на пороге томим? Зови в горницу. Прости покорно. — Он поклонился. — Лютомиром меня звать, я брат двоюродный Саньке. Ну, думаю, ты и сам понял.

— Дима, Дмитрий, — немного сипло ответил. — Вы простите меня, что без приглашения...

— Не принято у нас на «вы». И гостям всегда рады, — ответил Лютомир.

Санька взяла Диму под руку и уже привычно потащила вперед, таратора:

— Ты только не пугайся, ладно? Там ещё бабушки, но они добрые, и батя... — Санька осеклась, — папа, он хороший. Ты ведь поможешь мне, правда? Ты обещал.

— Я? — только и успел удивиться Дима, как его втащили в столовую.

В центре стоял большой стол, сразу видно — семья большая или гостей много принимают. Окна с частыми переплётами, с яркими разноцветными стёклышками, белый пушистый ковёр со снежинками, стулья дубовые с высокими резными спинками.

«И как такой домина помещается в малюсенькой избушке-развалюшке?» — только и успел подумать Дима, как Санька опять его бросила и кинулась обнимать трёх бабушек. Только на бабушек обычных они нисколько и не походили. Статные, с белыми, седыми волосами, с прозрачно-яркими голубыми глазами, похожи друг на друга, но в чём-то очень разные. В белых, шитых жемчугом и серебром платьях они были похожи на королев или цариц. Только смеялись и Саньку тискали совсем не по-царски.

— Девочка наша! Наконец-то вернулась.

— Красавица, дай поцелую!

— Да милая моя, так давно не была у нас, совсем старушек забыла! — кокетливо засмеялась одна из них.

— Бабушки, как скучала я по вам!

— Вот и появлялась бы чаще! — строго сказала вошедшая Катерина. — Не сильно балуешь нас своим обществом. И платье опять зелёное. Знаешь ведь, твоё — голубое.

— Ладно, Катерина, — властно сказала бабушка, которая только что кокетливо смеялась, — хватит уже девочку строжить. А ты, девонька, знакомь нас уже с молодец.

— Пурга Лютомировна!

— Вьюга Лютомировна!

— Метелица Лютомировна! — И одна за другой бабушки, улыбаясь, поклонились в пояс.

Дима неуклюже согнулся и немного задушено прохрипел:

— Дмитрий Владимиров.

— Вот и славно, — сказала Метелица Лютомировна. — А сейчас гостя будем потчевать!

Хлопнула в ладоши, и старый дубовый стол покрылся белой скатертью. Чинно расставились тяжёлые блюда и кубки старого тёмного золота, украшенные самоцветными камнями. Сразу запахло так вкусно, что Дима вспомнил, что он даже и не завтракал сегодня.

Санька болтала с бабушками, она была рада и счастлива, что попала домой. Что это Санькин дом, Дима не сомневался, но, что это за дом и где он расположен, сержант старался не думать. Потому что это было слишком невероятно. И если даже допустить хоть маленький вопросик себе в голову про то, что с ним сейчас происходит, сразу накроет лавиной других вопросов, и самый простенький из них будет: а вполне нормален ли он, Дмитрий?

Поэтому он просто смотрел, стараясь не оценивать ситуацию. Отметил про себя, что Санька, похоже, помолодела за то время, пока они находятся в этом чудном доме, и сильно помолодела.

— Батюшка! — Санька кинулась навстречу вошедшему мужчине.

В этом возгласе Саньки странно смешались и любовь, и радость, и осторожность, и некоторая непокорность.

— Снегурочка! Доченька! — Мужчина осторожно обнял Саньку.

Белые и густые волосы гривой лежали на его широких плечах, борода кольцами спускалась на грудь. Шёлковая алая рубаша сверкала золотой вышивкой.

«Не, не может быть, — пронеслось у Димы в голове, — Деда Мороза не бывает, всё это детские сказки! Снегурочка... Санька, Санька — Снегурочка, уф...».

— Вернулась, девочка моя! — сказал мужчина.

— Я... — начала, было, Санька.

— Знакомся, — с нажимом в голосе перебила Снегурочку Метелица Лютомировна, — жених Дмитрий, — она указала на Диму, — и ты, любезный, знакомся: — Мороз Иванович, батюшка Снегурочки.

— Ну, что ж, знакомы будем, — с лёгким, как показалось Дмитрию, разочарованием в голосе сказал Мороз Иванович. — Ну, что, милые мои, кушать будем?

Все женщины разом засуетились, пытаясь сгладить небольшую напряжённость. Санька или Снегурочка потянула Диму и усадила за стол рядом с собой. Заботливо пододвинула вилку, на блюдо тяжёлое, видно, золотое, положила хрусткой капустки с клюквой, разварной жёлтой, рассыпчатой

картошки, мяса в огненной подливке. А Метелица, хлопнув в ладоши, наполнила всем кубки искрящимся золотым напитком.

— Испьём медовухи, — степенно сказала Вьюга Лютомировна, — за Снегурочку, за жениха Дмитрия.

Все подняли кубки и выпили. Густая, тягучая жидкость обожгла и согрела. И комната сразу заиграла цветом витражных окон, красотой тяжёлых старинных кубков, затейливой вязью столовых приборов, а напряжённая тишина за столом рассыпалась смехом и разговорами. После далеко не первой перемены блюд, мяса, пирогов и сладкого все немного осоловело откинулись к высоким спинкам.

— Ну, теперь и отдохнуть не грех, — так же степенно сказала Вьюга Лютомировна, — Снегурочка, проводи гостя в покои.

Пока все расходились, Метелица поймала Снегурочку за руку и шепнула:

— Гостя в покои, а сама к батюшке. Потолкуй. Сама понимаешь, он же ждёт, когда ты вернёшься. Сколько бегать-то можно от своей судьбы?

— Бабулечка, боюсь я разговаривать с ним! Не мой ведь жених, случайно встреченный.

— Ах, милая, — Метелица улыбнулась и обняла Снегурочку, — кто знает, случайный ли? Иди, иди, не бойся! — И подтолкнула Снегурочку в спину. — Терем покажи гостю.

Снегурочка вздохнула и пошла, немного обречённо. Видно, разговор с батюшкой был давний, никак не заканчиваемый. Обе стороны не могли договориться.

— Дима, — Снегурочка догнала случайного «жениха», — хочешь, терем покажу? Он большой, много интересного! — тяжело вздохнула.

— Санька, ой, Снегурочка, так тебя называть?

— Санькой зови, — грустно ответила Снегурочка.
— Что, не в ладах с батюшкой?
— Ишь как ты, как быстро по-нашему говорить выучился! — Санька усмехнулась, взяла Диму за руку и потянула. — Сейчас мастерские посмотрим. Ой, как я люблю там бывать, всё детство провела так, с Мастерами и Чародейками.

— Мастерские? Что, у вас и мастерские есть?
— А то! — горделиво сказала Санька. — Да у нас самые наилучшие Мастера! Лучше на свете не бывает! Ох, как я люблю к ним приходиться! — восхищалась Санька-Снегурочка и тащила поскорее Диму по коридорам.

В итоге у Димы всё перепуталось — где они были, кого видели, с кем знакомились. Суровые кузнецы, маленькие вышивальщицы, кукольники, ещё и ещё мастера, все их встречали, обнимали, пытались напоить чаем, целовали и расспрашивали.

— Вот скажи мне, — когда они остановились, спросил Дима, — если ты всё это так любишь, почему ты всё это бросила и ушла?

Санька от этого вопроса, точно на бегу — да об стену. Только улыбалась, смеялась, радовалась, а услышала и заревела. Дима даже испугался:

— Ладно, не отвечай, Санечка, не надо! Ну что ты как маленькая! — Он достал из кармана большой носовой платок и, смущаясь, протянул Снегурочке.

— Маленькая! — Санька заревела ещё пуще. — Да, ещё маленькая, только двести лет, — всхлипывая, сказала, — а навалили ответственности! Должна, должна! А я свободы хочу!

— Да двести не двести, Сань, а говоришь и выглядишь сейчас как пятилетняя девочка. На вот платок, сопли-то вытри. А то и нос распух, и глаза красные. — Дима заботливо стал вытирать слёзы

Саньке и бормотать вроде как про себя: — Маленькая, вишь, она, двести лет, маленькая! А я? Я уже старенький для такого! — решительно сказал он. — Думаешь легко всё видеть это и с ума не сойти!

— Да скажи ещё, что нас не бывает! — сердито буркнула Санька.

— Не скажу, — усмехнулся Дима. — Но подумаю.

— Эх, вот зачем ты спросил? — как-то обречённо вздохнула Санька. — Мне вот к батюшке на разговор идти, а я вся заплаканная. Понимаешь, соврала ведь я им, что ты мой жених.

— Да я уж понял! — хмыкнул Дима. — Хоть бы разрешения спросила.

— Просто срок мне поставили, поэтому и отпустили. — Санька опять тяжело вздохнула. — Я всё любви хотела, замуж. А должна быть образцовая Снегурочка! А я не хочу «должна», я хочу любить! А я не хочу жениха, какого мне просватали, я хочу сама! — распалаясь Санька от давней обиды на родных.

— Ну, не кричи, Сань! Раскраснелась вся. Растаешь ещё! — улыбнулся Дима. — Поговорил с батюшкой. Он поймёт, мне кажется.

— Да, — Санька решила, — пойду.

— Пойди!. И, знаешь... — Дима нерешительно помялся, — скажи ему лучше правду. Что жених-то я липовый. Бабушки ведь уже поняли.

— Поняли! — Санька немного с вызовом посмотрела на него. — Метелица сразу поняла. Только она не скажет никому.

— Ну и что? — Дима посмотрел Саньке в глаза. — Тебе от этого легче станет?

— Станет — не станет! — рассердилась Санька. — Тебе-то что?

— Не станет тебе лучше. И потом, сколько ты от разговора бегать будешь? Ещё лет сто?

— Ладно, — буркнула Санька и вырвала руку из руки Димы. — Честный какой! Честный он, а я? Я, значит, не честная!.. — Она обернулась и сердито взглянула на него. — Иди, пока я с батюшкой поговорю. Приду потом. Честная. — Санька, ворча, свернула за угол.

— Вот так, — сказал Дима уже сам себе. — Я и виноват остался. Она нарушает правила, она в ночнушке посреди города, она папе врёт, тёте, бабушкам, меня не спрашивает, а я виноват.

— Ты ещё пальцы позагибай, — хихикнула Санька из-за поворота, — чтоб не забыть, сколько раз я нарушила правила!

От этого стало, конечно, повеселей, но от разговора всё равно никуда не деться. И Санька, выбирая самый длинный путь по терему, поплелась к батюшке. Встала перед дверью, вздохнула, тихонько постучала.

— Входи, Снегурочка! — басовито сказал Мороз Иванович.

— Батюшка! — Санька ещё не решила, как она будет строить разговор, и пыталась понять, что решил Мороз Иванович.

— Иди ко мне, моя милая. — Мороз решительно шагнул и нежно обнял Снегурочку, большой и горячей ладонью погладил по голове, совсем как маленькую. — Девочка моя, Снегурочка. Приехала.

— Батюшка! — Снегурочка немного судорожно вздохнула.

— Не торопись, милая. Что, гостю всё показала? Первым делом, поди, в мастерские потащила? — Он отпустил её, осторожно ещё раз погладил по голове. — Я без тебя тоже всё в мастерских был. Вспоминал, как ты маленькая там бегала, как помогала всем. Всё думалось, вот выбежишь из кузни, вся перепачканная, да по белым коврам!

— Ага, а следом Катерина с венником! — хихикнула Снегурочка. Только невесело это у неё получилось. — Батюшка!

— Послушай, Снегурочка. Понимаешь, не могу я тебя неволить. Живи, как тебе нравится.

— Не жених он мне, — насупилась Снегурочка.

— Да знаю я! Но всё равно не держу больше.

— Как? — удивилась Снегурочка. — Ты ж мне сказал, только замуж отпустишь, и срок поставил до этой осени!

— Ну, что же ты! Разве ж можно замуж по срокам да по условиям?

— Нет. И не получилось у меня.

— Вот. Не буду и я тебя неволить. Не хочешь жить с нами — не держу, — решительно сказал Мороз Иванович.

— И что? Вот так просто возьмёшь и отпустишь меня? Просто отпустишь, без условий? Иди, живи, как хочешь? — Снегурочка от внезапно свалившейся на неё свободы несколько испугалась.

Одно дело, когда ты рвёшься от родных, но знаешь, что они ждут, не пускают и волнуются. Но совсем другое, когда вот так — иди!

— Да. Просто, без условий, — покачал головой отец.

— Ладно. Спасибо. — Она повернулась и пошла из комнаты, совершенно не зная, что теперь делать со своей свободой.

Санька побрела по родному терему, не представляя, куда ей податься. Она шла по коридорам, ощущала такие родные и знакомые запахи, звуки, тени. Всё, от чего она так упорно бежала, вдруг стало ей невыносимо близким и нужным. Именно сейчас, когда она этого лишилась. Её никто не держит. Не было чувства победы, только одиночество. От этого хотелось плакать. Санька обречённо села

на сундук под лестницей. Только бы не попасться никому на глаза.

— Ну, что, добилась своего? — Катерина остановилась рядом.

— Добилась. — Санька хотела сказать это с вызовом, но получилось жалобно.

— Ты молодец, Санька! — каким-то непривычно грустным голосом сказала Катерина.

— Я? — Санька никак не ожидала такой реакции от тётки.

— Да, ты. Знаешь, ты смогла сделать то, на что не решилась я. — Катерина присела рядом. — Я в своё время испугалась. — Катерина похлопала Саньку по руке и ушла.

От этого Саньке стало ещё горше и она разрыдалась на старом большом сундуке.

Потом всё прошло как-то сумбурно и быстро. Был ужин, такой же чинный, как и обед. Потом Санька спохватилась, взяла Диму за руку и сказала:

— Нам пора.

Он не понял, как они очутились опять в центре города. Уже зажглись фонари и люди спешили по домам. Накрапывал дождик. Санька стояла возле машины в своей ночнушке и кофте, тяжело вздыхала и прятала глаза. Дима хотел её успокоить, но у него зазвонил телефон, а Санька села в машину, хлопнула дверцей и уехала.

Вечер прошёл в бесконечной канители, бумаги, протоколы, какая-то нудная писанина. И уже совсем ночью, добравшись наконец домой, Дима обнаружил, что документы Саньки остались у него в кармане. Потом он долго и безуспешно пытался найти Саньку, приезжал по указанному в документах адресу, пытался найти через полицейские базы её телефон, но всё без результата. Так прошла осень.

***

— Новый год, Новый год! Дим, а ты уже решил, где будешь справлять? — Марина уселась рядом с ним, кокетливо покачивая носком туфли. — Ну, хватит писать эти грустные бумажки!

— Нет, Марин, мне ехать пора, Чуйнов ждёт.

— Ах, этот Чуйнов! — Марина наморщила недовольно нос. — Ну, на корпоративный Новый год, надеюсь, ты придёшь? Я буду Снегурочкой! Представляешь?

— Ты? — Дима с возмущением посмотрел на Марину. — Нет. Не представляю.

— Фу, какой ты! — Марина вскочила и кокетливо хлопнула его по руке. — Стал такой же противный, как Чуйнов!

Зима была странная, почти без снега. Слякотная и грустная. Такая же, как осень. Дима всё так же носил с собой документы Саньки и пытался её найти. Но, когда началась предновогодняя суета, он совсем раскис. Со всех витрин смотрели Снегурочки, Деда Морозы. По телевизору и радио постоянно шли рекламы и бодрые песни. Как ни старался Дима не смотреть и не слушать, это всё постоянно и настырно лезло в глаза и уши. Сначала он дёргался от одного упоминания знакомых имён, оборачивался в надежде увидеть, а потом перестал реагировать. Стал мрачным и просиживал на работе, стараясь вернуться домой поздно, чтобы сразу лечь спать. Добровольно вызвался дежурить на Новый год. Чуйнов правда весь изворчался, что ему тоже поставили смену из-за слишком ретивого напарника. Но потом успокоился обещанной премией.

А Дима решил, что лучше работать, чем сидеть дома одному, или у родителей, или друзей и пытаться веселиться. На работе всё время чем-то занят,

почти не остаётся времени вспоминать терем, Саньку и мастерские. Только иногда, чтобы удостовериться, что всё же ему это не приснилось, он доставал Санькины документы, проводил пальцем по ламинированной фотографии и прятал обратно.

***

— Ух, снега-то навалило! — В дежурку вошёл Чуйнов, весь засыпанный снегом. — Наконец-то хоть на Новый год зима, а то всё непонятно что! Прямо метель! — Капитан довольно хлопал рукавицами, стряхивая с себя снег.

— Метель? — Дима поднял покрасневшие глаза от монитора. — Правда, Метелица пришла?

— Ух, метелица не то слово! — Чуйнов похлопал от удовольствия руками.

— Метелица, — протянул Дима, — пойду, поздороваюсь.

— Что? — Чуйнов оторопело уставился на закрывшуюся за Димой дверь. — Он сказал: «Поздороваюсь»? Да, видать совсем того парень-то.

На улице пахнуло свежим-свежим снегом. Тепло и снежно. И волшебно. По-новогоднему. Снежинки весело кружились в жёлто-медовом свете уличного фонаря. «Совсем как Санькины листья», — подумал Дима, присев на скамейку рядом с дежуркой.

Снежинки будто обрадовались этому и закружились ещё веселей. Он раскрыл ладонь и стал их ловить.

— Ну вот, и Метелица Лютомировна пришла в город, а Саньки всё нет, — вслух проговорил Дима и вздохнул.

— Что, милой, говоришь? — рядом присела маленькая старушка.

— Да нет, бабушка, ничего, — вздохнул Дима, — это я так, сам с собой.

— Сам с собой, — повторила бабушка эхом, — плохо это, когда только сам собой говоришь. Совсем как моя внучка.

Дима внимательно посмотрел на бабушку. В стареньком пальтишке, в засаленной норковой шапке и с авоськой. Странно, сейчас с авоськами не ходят. Но глаза прозрачно-яркие, голубые.

— Бабушка?! — Дима выговорил это осторожно, стараясь не спугнуть то предчувствие, которое появилось у него.

— Да, милый! Нехорошо разговаривать самому с собой, — немного ворчливо проговорила старушка. — Всё по одиночке да по одиночке. Что ты, что Санька!

— Метелица Лютомировна? — так же осторожно проговорил Дима, боясь поверить в это.

— Да я, конечно. Кто ж ещё с метелью в город-то приходит? — так же ворчливо подтвердила старушка.

— Правда? Правда вы?! — Дима всё ещё боялся поверить. — А Санька, ой, Снегурочка? Где она?

— Да знаю, искал её. Вот она смешная! Всё рвалась, рвалась на свободу. Всё любить хотела. А как всё получила — испугалась.

— Испугалась? Чего?

— Вот какие вы! — Бабушка вздохнула. — Детский сад, честное слово! Любви испугалась, свободы. Дома она, дома. Фу, надоело мне старой быть. — Метелица сердито махнула рукой и приняла своей облик. — Вот, так-то сподручней. Ну, — она требовательно уставилась на Диму, — так и будешь колодой сидеть, боясь поверить, или решишься на что-нибудь?

— Да. — Дима встал. — А можно мне к Снегурочке?

— Конечно. В Новый год всё можно! **УС**

Руководить должны умные (Беседа с писателем Д.И. Шейнбергом)

Борис Долинго

27 октября 2020 года исполняется 93 года Давиду Исааковичу Шейнбергу — советскому и российскому писателю, редактору, критику, журналисту, члену Союза журналистов СССР (с 1957 г.) и Союза писателей СССР (с 1959 г.). В преддверии дня рождения писателя я, пользуясь давним с ним знакомством, имел долгую беседу о его литературной судьбе, о фантастике, о жизни вообще.

Давид Исаакович — невероятно интересный человек, который помнит целую эпоху. Судьба Давида Исааковича, как судьбы многих людей в нашей стране в XX веке, насыщена крупными событиями и невероятно многогранна. Ломались многие привычные стереотипы, ломались жизни, многое решалось не вполне справедливо (а когда справедливость главенствовала хоть где-либо на этой земле?), но часто именно в таких сложных условиях рождались настоящие личности — люди, которые стояли выше сиюминутных перипетий судьбы, выше предвзятости чиновников, выше несправедливости. Люди, которые становились знаковыми фигурами в истории.

Именно такой фигурой для советской и русской литературы (а русская литература — это абсолютно наднациональное понятие) стал Давид Шейнберг, возможно, более известный любителям фантастики, особенно тем, кто начал читать её ещё в Советском Союзе, как Исай Давыдов. Его роман «Я вернусь через 1000 лет» — без преувеличения культовое произведение своего времени, во многом актуальное и ныне. Даже если бы у Исая Давыдова в фантастике не было написано ничего более, то за один этот роман он заслуживает вхождения в Пантеон славы отечественной фантастики, что и подтверждено литературной премией «Аэлита».

С Давидом Исааковичем можно говорить долго и о многом — это человек, который помнит Эпоху. Увы, невозможно пересказать всё, о чём мы говорили, но часть нашей с ним беседы публикуется на страницах «Уральского следопыта».

— Дорогой Давид Исаакович, ваша биография — материал для огромной книги, но, будьте добры, расскажите сейчас хотя бы немного о себе читателям «Уральского следопыта». Как Вы начинали в литературе — в каких жанрах, когда?

— Начинать нужно, наверное, с того, что я — москвич: это задавало определённую планку всей моей жизни. Вообще нужно сказать, что Москва — город большой. Он и во времена моего детства был большим. Рос я в центре, и жизнь в центре Москвы в те годы сильно отличалась от жизни на окраине — когда я попадал на окраины, мне казалось, что я попал в далёкую провинцию. Например, у нас всегда было электричество, а там — не всегда. Совсем другая жизнь.

Книжником я стал с детства — благодаря своим дяде и тёте. У них был книжный шкаф, явление тогда редкое, и я всю пользовался этими книгами. Также эти люди заметили, что я бережно отношусь к книгам, подклеиваю надорванные, и они мне подарили переплётный пресс. Благодаря им я стал профессиональным переплётчиком, и все мои мысли с детства были связаны с книгой. Ну разве что ещё я увлекался астрономией, что, наверное, меня и подтолкнуло позже к фантастике.

Школу я заканчивал не обычную дневную, а так называемую «школу рабочей молодёжи», потому что после 8 класса пришлось уйти в электромеханический техникум при заводе «Динамо»: техникум давал рабочую карточку на хлеб, а как простой школьник я получал хлеба вдвое меньше. Это было

военное время — мне пришлось поработать и слесарем, и токарем. Но я понимал, что это — не моё, и когда появилась возможность прожить без карточек (я подрабатывал переплётными растрёпанными книгами), то я ушёл из техникума. Хотел поступать в университет — я к этому сознательно готовился и параллельно с техникумом целый год посещал лекции по западной литературе в МГУ. Подал документы в 1946 году в МГУ, но получилось, что подал чуть позже основного приёма, так как в школе рабочей молодёжи аттестаты выдавали на две недели позже, чем в обычной школе. У меня была серебряная медаль, но мне сказали, что все места для медалистов уже заняты (тогда шёл большой поток фронтовиков, а их принимали без конкурса), и предложили сдавать экзамены на общих основаниях.

И тогда я вспомнил о Полиграфическом институте и о том, что там есть редакционно-издательский факультет. Дело в том, что в школе я несколько лет был редактором стенгазеты, так что эти понятия были мне знакомы. Я пошёл туда, принёс аттестат с медалью, но мне сказали, что нужна резолюция проректора. Напишет «Принят» — мы примем. Проректором оказался Былинский Константин Иокифович (как я узнал позже, это был тогда самый авторитетный составитель всех справочников корректора). Это был мужчина большого роста, в толстых очках. Увидев, что у меня за спиной школа рабочей молодёжи, он почти отшвырнул моё заявление со словами: «Да вы вылетите после первой же сессии!» Я сунул ему заявление обратно, сказав, что вот пусть после первой тройки и отчислит меня. Былинский заявил, что я крайне самоуверен, но, видимо, не без оснований, и заставил тут же написать диктант. Что и было сдела-

но. Былинский прочитал написанное и сказал: «Хм, одна ошибка. Пожалуй, я вас возьму». Так я стал студентом Полиграфического института.

Надо сказать, что на старших курсах я был фактически руководителем студенческого научного общества (СНО). Вообще руководить должен был наш декан, товарищ Мочульский, но он не сильно этим загружался, хотя давал мне полную свободу действий. За это я всегда в периодических материалах и выступлениях отмечал, что большую поддержку нам оказывает наш декан, что мне в дальнейшем помогло при распределении на работу по окончании института. Дело в том, что в советское время существовало именно распределение: обучение являлось бесплатным, но дипломированные выпускники обязаны были отработать определённый срок (как правило, 3 года) там, куда пошлют. Распределение на пятом курсе шло следующим образом: «Иванов — Москва; Бронштейн — Тбилиси; Петров — Москва; Зильберг — Владивосток» и т. д. — в общем, имела место определённая «предвзятость» по национальному признаку: евреев старались в Москве не оставлять. Ни меня, ни мою жену на распределение не вызывали. Мы три дня болтаемся в коридоре, а потом, когда всё уже закончилось, нас вызвали к декану и объявили, что мою жену направляют на работу в «МашГИЗ», а меня — в «Политиздат». Это всё было в Москве, то есть мои реверансы в сторону декана сработали в правильном направлении.

В «Политиздате» мне пришлось сначала поработать корректором, поскольку вакантных ставок младшего редактора не было. Это стало серьёзной школой для меня, поскольку издательство «Политиздат» было главным издательством ЦК КПСС и там нельзя было пропустить ни единой ошибки.

Однако меня продолжали довольно долго держать корректором, но мне же хотелось работать редактором! И я пошёл к заместителю начальника «Главиздата РСФСР», который располагался двумя этажами выше в этом же здании, и попросился куда угодно, но только бы по моей специальности — редактором. «В Тюмень поедете? Там создают новое издательство, будете первым редактором» — «Поеду!». И так я оказался в Тюмени.

— А как Вы пришли к литературе?

— Нас во время учёбы учили анализировать тексты. У нас учился такой юноша — Аркадий Мильчин (это современный последователь Белинского; сейчас есть много его справочников по редакторской работе) — он, ещё будучи студентом, великолепно анализировал тексты. Учился этому и я — и в какой-то момент почувствовал, что вот такой прозаический текст я тоже могу написать. И где-то на третьем курсе, на лекции о русской литературе, когда нам рассказывали о творчестве Пушкина, я вдруг стал писать рассказ о Пушкине вместо конспекта. После этого я уже стал сознательно учиться писать рассказы. Долго я учился. У меня был написан даже роман в студенческие годы — где-то эта рукопись валяется: начало я написал хорошо, но потом сам почувствовал, что далее там ну «не то». Но начало романа потом всё-таки пригодились: я использовал его почти целиком для рассказа «Сентиментальный вальс». Позже, уже в Тюменском издательстве, мы вместе с директором издательства, Горбуновым Петром Михайловичем, пытались писать прозу — рассказы в основном. Вот такими были мои первые опыты в художественной литературе. А ещё я очень много работал в журналистике и публицистике, но это, разумеется, специфическая и отдельная тема.

— Раз уж мы коснулись темы художественной литературы, то, наверное, многим современным молодым людям, которые пробуют писать и издавать свои произведения, будет интересно услышать, как вообще можно было издать книгу во времена СССР? Кто мог тогда издать свою книгу? Должен ли человек был быть членом Союза писателей СССР и т. п.?

— В принципе, кто угодно мог издать книгу — не имело значения, был ли автор членом Союза писателей (тогда это был единственный писательский союз в стране). Рукопись нужно было принести в издательство, и там уже редакторы решали, насколько рукопись хороша. Являлся ли автор членом Союза писателей, формально не имело значения. При этом существовали единые государственные ставки гонораров, которые всегда платили. Конечно, присутствовали определённые моменты идеологии, и это контролировал редактор издательства при первичном рассмотрении рукописи, а далее, если рукопись проходила редактора, то уже смотрел главный редактор издательства, да и то, как правило, только тогда, когда возникал какой-то конфликт. А обычно, если конфликтной ситуации не возникало, главный редактор получал заключение редактора, работавшего с рукописью, и передавал материал директору издательства. И далее всё решалось уже в плановом порядке — существовали издательские планы — если рукопись включали в план, то выходила книга.

— Интересно, я вот думал, что члены Союза писателей имели какое-то преимущество перед нечленами.

— Нет — главное, чтобы текст был хороший, интересный. Например, у нас в Тюменском изда-

тельстве первично рукописи рассматривал я. Вот пример — у нас там был поэт Михаил Лецкин. Он как-то пришёл ко мне и говорит: «Я тут своей дочке написал стихотворение — «Мишкина шапка». Стихотворение о том, как девочка мальчику шила шапку, чтобы у него не мёрзла голова. Он мне прочитал стихотворение. Я говорю: «Миша, вот лист бумаги, запиши». «А зачем?» — «Будет книжка!» И вышла книжка — детская, цветная, с картинками.

— А если редактор считал, что в тексте присутствуют какие-то недопустимые в идеологическом и политическом смысле нюансы?

— Вы знаете, когда я работал, непотребные политические нюансы в текстах возникали у авторов только от безграмотности.

— То есть у авторов всегда присутствовала определённая самоцензура?

— Нет, у авторов самоцензуры часто вообще не было, но для этого имелись мы, редакторы. Редакторы и отвечали, если пропускали что-то, недопустимое по советским нормам. Например, иногда доходило до смешных мелочей. Скажем, недопустимо было сделать перенос слова «контрреволюция» так, чтобы «контр-» оказалась на одной строке, а «революция» на другой. Вообще контроль был серьёзный, и сейчас многое порой выглядит дико. Например, был такой случай: директор Тюменского издательства П. М. Гобунов даёт мне рукопись одной местной поэтессы — Майи Сыровой. Я посмотрел — хорошие детские стихи. Можно печатать, говорю. Горбунов ахнул: как, она же ссыльная! Оказалось, поэтесса из болгар, высланных из Крыма, поскольку болгарская армия частично имела отношение к оккупации Крыма во время Великой Отечественной во-

ины. Но стихи были хорошие и пришлось брать заключения о текстах у двух специалистов по детской литературе, а потом ещё согласовывать в Обкоме партии, где сказали: «Печатайте, но — под Вашу ответственность, а если будете сильно рекламировать эту книжку, то могут возникнуть неприятности». Так что дали понять, что если книжка выйдет тихо-мирно, то ничего и не будет. Вот такие были времена. Но хорошие тексты всё-таки, как правило, издавали. А Майя Сырова потом стала членом Союза писателей — первым членом Союза писателей в Тюмени.

— **А как принимали в члены Союза писателей? Сколько нужно было представить книг?**

— Не имело значения — в принципе, можно было представить и одну книгу. Так, например, принимали меня — по сборнику рассказов «Сентиментальный вальс». Хотя до этого у меня выходили уже две книги — одна, в частности, о тюменских ковровщицах (то есть не обязательно, чтобы книга была в чистом виде прозаическая, можно было представить и публицистику). Главным было то, чтобы людям, которые выносили оценки в Союзе писателей, понравилось написанное. Мой «Сентиментальный вальс», как помню, произвёл хорошее впечатление, и меня приняли.

— **Хорошо, а как происходил процесс издания книги? Ну вот, например, издательство рукопись одобрило — но печать осуществляется в типографии. Был какой-то план у издательства — кто утверждал этот план? Имели ли члены Союза писателей преимущества по срокам издания по сравнению с нечленами?**

— Все планы на издание составлялись в издательствах и утверждались в соответствующих Главке и в Обкоме партии (*Прим. редак-*

ции: Главк — «Главный Комитет» — подразделение министерства в СССР по территориальному или «профильному» принципу»). Такое было время — тогда всем КПСС руководила. Конечно, в типографиях потом эти планы ещё корректировались, но это уже зависело только от типографии. Кого-то в планах отодвигали — как правило, поэзию, т. к. это и тогда был убыточный для издания жанр. Но гонорары всё равно всем платили. Члены Союза писателей преимуществ перед нечленами в смысле скорости издания формально не имели — график давало издательство, ориентируясь на интересность книги. Конечно, тут могли быть и субъективные моменты — как без этого? Но единственное формальное преимущество, которое имели члены Союза писателей, — размер гонорара: у члена Союза он был в два раза больше, чем у нечлена (3000 р. за авторский лист против 1500 р., а лауреат Сталинской/Ленинской премии получал даже 4000 р.).

— **Да, неплохо — всё-таки, надо отдать должное коммунистам в СССР: они поддерживали литературу. Конечно, имела место идеология, но с точки зрения государства это было абсолютно правильно: писатели работают на государство — писателей надо поддерживать. Ныне, увы, наши власти писателей не поддерживают совершенно — выживайте, как хотите, но, правда, писать можно любую чушь, увы.**

Ну да ладно. Вопрос, очень интересный для меня лично как человека, занимающегося именно фантастикой: а что привело Вас к написанию фантастических произведений?

— Понимаете, меня всегда интересовала психология подвига — как человек идёт на подвиг, порой зная, что погибнет, но идёт? Что он думает,

что переживает? В общем, мне захотелось исследовать психологию подвига. А почему именно фантастика? Дело в том, что к тому моменту я не знал ни одного типа или конкретного случая подвига, о котором бы уже не написали. И мне пришлось такой подвиг выдумать — например, рассказ «Он любил вас» (этот рассказ выходил в сборнике «Девушка из Пантикапея»). Суть рассказа: к Земле движется астероид, и космонавт ведёт несколько атомных ракет, чтобы астероид уничтожить (ситуация была такова, что точное наведение ракет должен осуществить пилот). И он знает, что не вернётся — в рассказе даны переживания и мысли этого человека.

На этом примере я исследовал психологию одиночного подвига, а потом пришла мысль исследовать психологию коллективного подвига. Опять же, я не знал ни одного коллективного подвига в реальности, про который бы уже не написали. Например, тогда гремела история о «Молодой гвардии», описанная в книге Фадеева (кстати, была подобная организация в Одессе, называлась «Партизанская искра», и сделала она больше «Молодой гвардии», и погибли эти ребята все, но о ней не написали книгу — только несколько брошюр выходило). И я придумал коллективный подвиг — это роман «Я вернусь через 1000 лет». Там же о молодых людях, которые идут на освоение далёкой планеты, и они знают, что на Землю уже не вернуться. Как они живут, что думают, что чувствуют? А они же молодые люди — значит, в таких ситуациях всегда присутствует любовь. То есть это был придуманный коллективный подвиг со всеми переплетениями житейских и бытовых ситуаций. И когда я закончил первую книгу, то понял, что необходимо писать продолжение.

Но, к сожалению, из-за определённых процессов в среде писателей (довольно открытого антисемитизма некоторых местных влиятельных членов Союза) мне в те времена сильно помешали нормально работать, и создание продолжения затянулось на долгие годы.

— Многие любители фантастики знают Вас именно как автора этого культового романа «Я вернусь через 1000 лет». Это была книга, на которой, в частности, вырос и я сам. Это — своего рода программа действия человечества. Вы тоже считаете, как и К. Э. Циолковский, что будущее человечества — в космосе, во Вселенной, а не на Земле?

— Я полностью солидарен с Циолковским — он во всём прав. Ведь Земля уже сейчас перенаселена. Уже сейчас! А навязываемая психология общества потребления не позволит всем потреблять так, как хочется — чтобы все имели яхты, виллы, личные самолёты. Значит, неизбежны серьёзные социальные проблемы, напряжённость, столкновения. И у человечества выбор невелик: либо сокращать население — а это страшно, так как не может произойти безболезненно, без больших жертв. Либо жёстко нормировать потребление для основной массы — а это практически жизнь, как в концлагерях. Либо — организовать свою космическую экспансию. Третий путь самый безболезненный, но самый трудный и сложный, так как тут необходимы усилия всего объединённого человечества, ведь отдельные страны этого сделать не смогут. Экспансия ведь должна иметь место не в пределах Солнечной системы — здесь просто нет удобных планет для жизни сотен миллионов людей. Экспансия требуется межзвёздная. А это — грандиозные научные исследования, новые космические

двигатели, новые технологии. Вот в это необходимо вкладывать деньги, а не в военные разработки.

— Скажите, сейчас, спустя много лет после написания романа «Я вернусь через 1000 лет», изменились ли Ваши взгляды на возможности и методы освоения космоса? Ведь стало понятно, что полёты с субсветовыми скоростями вряд ли могут быть эффективными в принципе и вряд ли смогут помочь в расселении больших масс людей по вселенной. Дело даже не в сроках таких полётов или в размерах кораблей, а в том, что космос — не полный вакуум и будет происходить разрушение обшивки звездолёта космическим мусором. Как мы реально можем расселиться по вселенной? Нам нужны корабли иного типа, чем мы пока себе можем представить, ведь так?

— А корабли иного типа уже летают вокруг нас давным-давно — это НЛО. Нам нужно и самим вести разработки — и учиться у них. Понимаете, это же явный факт, это некая цивилизация, которая нас наблюдает и изучает уже давно. Причём при всех ошибках — а они ошибки тоже допускают — они явно ведут себя по отношению к нам очень даже прилично и мирно. Ведь захоти они, то могли бы нас давно уничтожить, а они нас не трогают. Более того, я вполне допускаю, что в чём-то они нам помогают — взять ту же астероидную угрозу: ну не упало же пока на Землю ничего страшного, а могло бы! И нам надо искать пути контакта, учиться у них.

— То есть вы считаете, что пока человечество тратит слишком много усилий впустую, направляя свои усилия не на то, на что нужно?

— 90% тратит впустую! И знаете, почему? Вот есть такое утверждение: большинство всегда

неправо. Толпа всегда неправа. А почему так? Да потому, что толпу, большинство составляют дураки. Если не созданы соответствующие условия, если общество не воспитывает целенаправленно именно умных людей, то дураки всегда размножаются быстрее умных. Вот в этом ужас человечества. И человечество, чтобы выжить, должно формировать условия, чтобы большинство населения становилось образованным и умным, чтобы дураки оставались в меньшинстве! Всего только и надо. С дураками мы ничего не достигнем, с дураками человечество обречено на прозябание и на власть олигархов, преследующих только свои сиюминутные выгоды.

— А ведь мы в Советском Союзе начинали двигаться в этом направлении! Да, там были ошибки, но советская система воспитывала умных, образованных и эрудированных людей. Во всяком случае, средний уровень «образованности и эрудированности» тогда был куда выше, чем ныне. Ведь так?

— Да, так и было. Но, к сожалению, вот такой парадокс: мы пошли вперёд во главе с дураками. Ведь как решались многие дела в СССР на самом верху, если в целом посмотреть на весь тот период? Ведь слишком много дел решали не умно, и если говорить честно, то единственным умным человеком во всей этой правящей банде был Сталин. Простой и чисто «житейский» пример. Вот был такой Сергей Образцов, знаменитый кукольник. А папа у него был академик и считал, что сын занимается глупостью, и у них сложились очень плохие отношения — они не общались! Дошло это до Сталина. Он позвонил папе и сказал: «Вот я узнал с огорчением, что вы недооцениваете работу своего сына. Он делает очень мно-

го для нашей страны, он — наша гордость». И конец этого разговора: «И если моё мнение для вас что-нибудь значит, то я бы просил вас помириться». И в тот же день сын обедал у папы. Эта фраза «И если моё мнение для вас что-нибудь значит...» свидетельствует, что Сталин был очень умный человек. Да и многое другое тоже говорит об этом. Конечно, он был тиран, конечно, в определённый момент много возомнил о себе, но ведь все остальные вокруг были совсем шавки, мелочь (ну, разве что ещё 1-2 человека, например, Орджоникидзе). И с дураками во власти далеко уйти не получилось.

— С дураками, увы, не уйти никуда. Но вот ещё какой момент: очень многие люди сегодня, несмотря на всё развитие технологий, считают, что цивилизацию спасёт вера в бога. Ваше мнение относительно этого: может ли вера в бога вообще спасти цивилизацию, перед которой стоят проблемы, которые богом явно не решаются?

— Вы знаете, что я написал книгу об астрономе Клавдии Александровне Бархатовой? Астрономия была вообще моей любовью с детства, и если бы я не стал редактором, то стал бы астрономом. Так вот, для писателя, который не астроном, я знаю астрономию очень хорошо. И я не вижу во всей вселенной, нас окружающей, места для бога. Где он? Если бы я знал, что он есть где-то во вселенной, то я бы поверил в бога. Но я его там не вижу.

— Но понимаете, апологеты религиозной концепции как раз и утверждают, что бога нет в какой-то конкретной точке. Он, якобы, везде, он составляет саму суть вселенной...

— А что составляет суть вселенной? Суть вселенной — газы и частицы твёрдой материи, эле-

ментарные частицы, электромагнитные поля, гравитация. Не всё до конца изучено, но изучено многое. Где тут бог? Покажите мне его, скажите его адрес — я буду в него искренне верить. Но вот при тех вводных, что есть сейчас — не могу!

— Честно скажу: я совершенно тут с вами солидарен — я так же всё это вижу. Но в продолжение этой темы: при всём моём уважении к «традиционным» религиям и вере — а какая форма общественного устройства, по-вашему, является наиболее оптимальной именно в современных условиях? Ведь сегодня многие ратуют за то, чтобы «вернуться к богу», то есть строить общество на основах религиозной веры, и тогда всё станет правильно и хорошо. Ваше мнение?

— Да нет, конечно, такой путь — это путь в никуда, это путь в прошлое. Но при этом мне кажется, что стоит помнить о том, что мы имели. Мне кажется, что за всю свою историю человечество выработало только две стоящих социальных идеи: это 10 заповедей Иисуса Христа и идея коммунизма. 10 заповедей Христа — это моральный кодекс, обязывающий людей жить как люди, а не как животные. А идея коммунизма — это принцип вечного движения вперёд, идея бесконечного развития человека — как материального, так и морального. Мы это начали, но у нас не получилось, потому что дураки руководили. Умные бы руководили — получилось бы. Всё решает подбор кадров! Думаю, ещё всё получится, но потребуется время.

— Ваше мнение о современной демократии? Не кажется ли Вам, что сегодня особенно в политехнологиях оранжевых революций понятие «демократия» подменяется понятием «охло-

кратия» («власть толпы»)? Кто вообще должен управлять обществом?

— Вот именно — толпой манипулируют. У толпы нет своего «мозга», она в основном состоит из дураков, и даже умные люди, попадая в толпу, зачастую становятся дураками. Демократия в нашем мире с большинством необразованных дураков работает только на тех, кто дураками манипулирует. Эта же самая демократия в другом мире, в мире людей, где подавляющее большинство составляли бы люди умные, образованные, — там она работала бы совершенно иначе! И самый важный момент в развитии человечества — добиться того, чтобы сформировать умное большинство. Вспомните мой роман «Я вернусь через 1000 лет» — лагерь «Малахит», как туда отбирали людей для строительства инопланетной колонии? Один дурак пролез по своим связям — и сколько он потом беды сделал! Но если этот дурак в подавляющем меньшинстве и не может собрать вокруг себя «критическую массу» дураков, то его влияние легче нейтрализовать. Если каждый может принародно встать и сказать: «Люди, это — сволочь! Его нельзя пускать к власти!» Потому и в той колонии люди живут по-человечески. А в нашей нынешней жизни такое сказать нельзя, поскольку сволочь уничтожит того, кто это скажет, — и вроде бы, действуя по совершенно «демократическим» принципам: обвинят в клевете и так далее.

Умные люди в массе своей имеют какой-то талант, которому они следуют. Этот талант — если это реальный талант, не позволяет им делать гадости, прыгать по головам других. А дураки и сволочи прыгают по головам других, потому что таланта у них нет, а есть им тоже хочется. Вот они и кооперируются, и давят умных, увеличивая количество дураков вокруг.

— Похоже, что современная цивилизация вряд ли протянет долго, поскольку пошла по пути формирования человека, который должен потреблять, а не творить. Скажите, какие пути Вы видите, чтобы спасти современную цивилизацию? Есть ли у человечества шанс сегодня, когда из него вся машина современной пропаганды делает «потребителя», а не «творца»? То есть, говоря вашими словами, делает дурака. И если шанс есть, то что нужно сделать, чтобы этот шанс реализовать?

— Шанс есть: нужно выработать механизм, чтобы государством руководили по-настоящему умные люди. К сожалению, даже глядя на современных мировых лидеров, мы видим сильную деградацию. Если когда-то были такие лидеры, как Рузвельт, то сегодня их не видно. Но если не организуют процесс так, чтобы умные люди выходили на руководящий уровень, то дело будет плохо. Но шансы остаются — пока человечество живо, шансы остаются.

— Будем верить, что шансы у нас ещё не все потеряны. Ну и тогда итоговый вопрос: что бы Вы пожелали современным молодым авторам и молодым людям вообще? Как вести себя, что делать?

— Учиться, развивать себя и — пробиваться! Пробиваться всегда сложно, но нужно! Но пробиваться нужно, соблюдая мораль, стремиться не к личному благополучию за счёт кого-то, а к тому, чтобы миром не руководили дураки. Для это надо обязательно писать, пытаться издавать свои книги доступными способами, вступать в Союз писателей — чтобы Союз писателей не руководился дураками. И делать всё для того, чтобы человеческим обществом не руководили дураки! **✎**

ф.СП-1

АБОНЕМЕНТ										73413	
на журнал										(индекс издания)	
Уральский следопыт. uralstalker.com											
на 20__ г. по месяцам										Кол-во компл.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
Кому											
(фамилия, инициалы)											

			Доставочная карточка								
ПВ	место	литер	на журнал						73413		
			(Индекс издания)								
Уральский следопыт. uralstalker.com											
Стоимость	подписки	___руб. ___коп.						Кол-во компл.			
	переад-ресовки	___руб. ___коп.									
на 20__ г. по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
Кому											
(фамилия, инициалы)											

Подпишись на журнал!

Аккуратно вырежь доставочную карточку. Заполни графу АДРЕС и приди в почтовое отделение. По каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» проводятся подписные кампании по России во всех отделениях ФГУП «Почта России» и в странах СНГ и Балтии, всего в более 40 000 отделений почтовой связи ФГУП «Почта России» и альтернативных предприятий.

Журнал будут приносить ежемесячно домой, в офис или в почтовое отделение «до востребования».

Наш индекс в каталоге Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» **73413**.

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www.uralstalker.com

03 (669) март, 2013

Приключения

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www.uralstalker.com

11 (665) ноябрь, 2012

**Под КАЙТОМ
по краю
земли**

Путешествия

УРАЛЬСКИЙ ISSN
следопыт
www.uralstalker.com

Краеведение
ВОГУЛЫ

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www.uralstalker.com

ябрь, 2011

Фантастика

**записки
объездного
врача**

Зуб акулы (возраст около 40 млн лет)
предоставлен
Уральским Центром камня

**След из бездны
времен**

Подпишись и читай! Индекс 73413

